

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ №1 NEW YORK TIMES

БЕЗЗВЕЗДНЫЙ ВЕНЕЦ

ПРОРОЧЕСТВО ВОЗГЛАСИЛО,
ЧТО ЕЙ СУЖДЕНО УНИЧТОЖИТЬ
МИР...

ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

Книга-загадка, книга-бестселлер

Джеймс Роллинс

Беззвездный Венец

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Роллинс Д.

Беззвездный Венец / Д. Роллинс — «Эксмо», 2021 — (Книга-загадка, книга-бестселлер)

ISBN 978-5-04-172827-4

Опасное фантастическое приключение с целью спасения странного мира, где древние алхимические знания переплетены с уникальными технологиями. Пророчество возгласило, что ей суждено уничтожить мир... Урт – мир, возвращенный Матерью Снизу под ликом Отца Сверху. Одна его половина выжжена солнцем, вторая погружена в вечную стужу. Здесь можно жить лишь на узкой полосе между мертвыми полушариями, именуемой Венцом. Эта суровая планета в опасности, и только альянс четверых может ее спасти. Ученица болотной Обители с даром ясновидения, узревшая Конец мира, приговоренная к смерти и ускользнувшая от нее; сын короля, Его Ничтожество Принц-в-чулане, обреченный навсегда остаться в тени брата-наследника, но сделавший решительный шаг из тени; низверженный рыцарь, вынужденный пренебречь своей клятвой: никогда больше не касаться стали и не возвращаться в родные земли; беглый каторжник, нашедший во тьме подземелий мерцающий артефакт, способный разжечь Великую войну. Преследуемые прежними и новыми врагами, они вынуждены довериться друг другу, чтобы выжить и разгадать древнюю тайну. В ней – ключ к спасению. Но гибель с каждым вздохом все ближе... «Талантливый рассказчик, который легко дрейфует от триллера к фэнтези и обратно. Потрясающее повествование». – Терри Брукс «Мощное, блистательное эпическое фэнтези от выдающегося романиста». – Джонатан Мэйберри «Будучи виртуозным мастером скрещивания жанров, здесь Джеймс просто на пике формы». – Роберт Сальваторе «Роллинс – это то, что получается, если поместить Дэна Брауна и Майкла Крайтона в адронный коллайдер». – New York Times

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-172827-4

© Роллинс Д., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

До	8
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	21
Часть вторая	28
Глава 4	28
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	45
Часть третья	54
Глава 8	54
Глава 9	62
Глава 10	67
Часть четвертая	72
Глава 11	72
Глава 12	80
Глава 13	87
Часть пятая	96
Глава 14	96
Глава 15	103
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Джеймс Роллинс

Беззвездный Венец

© Саксин С.М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Посвящается Терри Бруксу, чье творчество вдохновило меня и чья душевная щедрость – это единственная причина, по которой вы читаете эту книгу.

Жизнь полна дыр.

Даже в лучшие времена прожитые человеком годы никогда не образуют идеальный ковер, сотканный из сменяющихся дней, месяцев и лет, переплетенных друг с другом в без-

упречный узор, где все краски такие же яркие, как и в тот момент, когда нить только добавлялась к общему рисунку. Нет, с течением времени отдельные участки этого ковра изнашиваются от старости. Другие вытягиваются, теряя форму, поскольку человек, охваченный тревогой, снова и снова возвращается к ним и дергает за какие-то нити. Самое страшное, что большие части протираются настолько, что узор становится уже неразличимым. Но тем не менее память оказывается изворотливой мошенницей – раскрашивает заново потертости, латает разорванные места, штопает прорехи, нередко историями, не имеющими никакого отношения к правде, обусловленными лишь необходимостью. Эта починка нужна для создания единого целого, с чем уже можно жить.

В своем преклонном возрасте я далеко не в лучшей форме. Мой ковер изрядно подпорчен молью. Я приближаюсь к сотому году жизни. Посему, если я вас не помню, из этого не следует, что вы мне не дороги. Если я не могу вспомнить все подробности этого долгого повествования, это не делает его менее правдивым. Здесь, в закутке на чердаке, где я пишу, со мной мои заметки и рисунки, которые удерживают мое прошлое, не позволяют мне забыть, напоминают о том, кем я когда-то был.

Начиная свое повествование, я оставляю последний из многих своих дневников раскрытым на самой последней странице. Ее образ, выведенный чернилами, смотрит на меня, оценивая, бросая дерзкий вызов. Я использовал пепел, чтобы передать ее волнистые волосы, использовал растолченную небесно-голубую ракушку, смешанную с маслом, для ее сияющих глаз и свою собственную кровь для ее губ. Улыбка ее печальна, словно она разочарована во мне. Взгляд жесткий и неумолимый. Щеки пылают едва сдерживаемым гневом.

Давным-давно я нарисовал этот образ по памяти – тогда я видел ее в последний раз.

Пророчество возгласило, что ей суждено уничтожить мир.

И она его уничтожила.

До

Роды проходят посреди болотной слякоти.

Она напрягается, сидя под окутанной туманом кроной узловатой водяной ниссы. Лианы душат огромное дерево, притягивая его ветви вниз, к мшистым склонам невысокого холма, окуная листья в затхлые воды медленно текущего ручья. Рядом с ней ствол толщиной с лошадь извит и закручен, словно дерево тщетно пыталось вырваться из этой затопленной низины.

Она потеет и учащенно дышит, широко раздвинув ноги. Поднятые высоко над головой руки крепко вцепились в лиану. Она висит, острые колючки впиваются ей в ладони, однако эта боль – ничто по сравнению с последними схватками, раздирающими тело и выталкивающими младенца из чрева. Из последних сил она сдерживается, чтобы не закричать, иначе могут услышать охотники.

И все же у нее вырывается стон, без слов из-за отсутствия языка. Как это принято в Азан-тийе, наложнице, доставляющей наслаждение своему повелителю, никогда не доступна такая роскошь, как речь.

Она делает последнее усилие и чувствует облегчение. Ребенок выскальзывает из нее и падает в грязь под ногами. Она сползает по лиане. Вонзившиеся в ладони колючки раздирают плоть. Она бессильно опускается в липкую жижу, новорожденный младенец лежит между бедрами. Он все еще привязан к матери перекрученной окровавленной пуповиной.

Судорожно всхлипывая, она берет охотничий нож, лежащий на земле у ствола. Этот нож принадлежит не ей, как и кровь, запятнавшая его лезвие. Нож вложил ей в руки ее спаситель, человек, нарушивший обет, чтобы помочь ей бежать из гарема. Переплыв под сияющим глазом зимнего солнца Бухту Обещаний, преследуемые рыцарями из королевского легиона, они высадились на землю на предательском побережье, где располагается Миррская трясина. Береговая линия представляла собой лишь размытую полосу, где голубые воды моря встречались с полупресными водами мангровых зарослей. Когда челнок уже не мог продвигаться дальше вглубь болот, спаситель отправил ее пешком, а сам, усердно работая шестом, повел челнок прочь, чтобы сбить с толку преследователей.

Оставшись одна, она перерезает ножом толстую пуповину, освобождая младенца от своего тела и от своего прошлого. Она полагала, что ее чрево опустело, однако живот у нее снова судорожно содрогается. Она ахает, исторгая из себя детское место и кровь, обливающую новорожденного. Испугавшись, что ребенок захлебнется с первым же вдохом, она насухо вытирает ему лицо. Его глазки остаются закрытыми, словно не желая видеть этот суровый мир. Истерзанные ладони матери оставляют на сморщенном личике новые кровавые подтеки. И все-таки младенец открывает крошечные поджатые губки – в полумраке синие, почти черные.

«Дыши, малыш...»

Она растирает маленькую грудку и молится.

Первая молитва получает ответ, когда ребенок шевелится, совсем чуть-чуть, и делает первый вдох. Вторая остается неслышанной, когда она обнаруживает, что ребенок – девочка.

«Нет!...»

Она снова берет нож и приставляет острое к горлу новорожденной.

«Уж лучше так...»

У нее дрожит рука. Она наклоняется и целует лобик, сморщившийся в первом крике в этом суровом мире. Она молится, прося прощения и стремясь объяснить. «Будь свободна от меня. От моего прошлого. От моего позора. От тех, кто хотел тебя забрать».

Однако прежде чем она успевает что-либо сделать, Матерь Снизу наказывает ее за то, что она осмелилась отказаться от дара, ниспосланного ее чреву. Новые судороги сжимают ей

живот. Между бедрами вытекает кровь. Боль, сперва обжигающая, затем превращается в жуткий холод. И все равно поток не утихает, выливая из нее на землю ее жизнь.

Она читает правду в расплывающемся пятне.

Выросшая среди наложниц, она помогала повитухам, ухаживающим за другими девушками, которые обнаружили у себя в чреве ребенка, несмотря на отвары травы бесплодия. За два десятка лет ей довелось насмотреться на роды во всех их бесчисленных формах: одни радовались, другие испытывали страх, большинство принимали это с обреченным равнодушием. И везде были слезы. Были кровь, испражнения, разорванная плоть, младенцы, рождавшиеся задом наперед, и другие, изуродованные отварами, были крохотные тельца, сломанные матерями в попытке оборвать жизнь ребенка до рождения. В юности она проклинала последнее. Понятия не имея о том, каково быть ребенком, рожденным в неволе только для того, чтобы рано или поздно погибнуть в страшных мучениях от руки хозяина.

Однако со временем она усвоила все жестокие уроки.

Она смотрит на нож, приставленный к горлу новорожденной дочери.

К этому времени под младенцем уже натекла целая лужа крови. Ее запах привлекает мух и кровососов. Она смотрит в маленькие глазки, только-только открывшиеся, а в лесу наступает благоговейная тишина. Птицы умолкают, остается лишь жужжание насекомых. Справа раздается громкий всплеск.

Она напрягает свою остывающую плоть и поворачивает голову. Даже это малейшее движение плотнее смыкает вокруг нее мрак. Из лениво текущего ручья выползает здоровенное пресмыкающееся. Когтистые лапы цепляются за раскисшую землю, подтягивая длинное тело, ведомое пастью с острыми зубами. Хотя и не имеющая глаз, рептилия безошибочно направляется напрямик через траву и мох, как и мухи, ориентируясь на запах крови.

«Нет!...»

Инстинкт защитить ребенка сметает прочь горькие уроки прошлого. Она отнимает лезвие от горла дочери и угрожающе направляет его на приближающееся чудовище. Однако понимает, что сможет нанести лишь неглубокий порез – и то лишь в лучшем случае. Хищное пресмыкающееся размерами вдвое превышает ее и весит вдесятеро больше. Она чувствует его возраст, читает прожитые столетия в толстом слое изумрудно-зеленого мха, покрывающего черную чешую.

Несмотря на возраст, рептилия убыстряет бег, приближаясь и не обращая внимания на бесполезный нож. Она несет с собой запах сырого мяса и затхлой воды. Мох на боках и спине тускло сияет в полумраке леса.

Тем не менее мать поднимается на колени, закрывая собой младенца. У нее нет сил, чтобы встать. Рука, сжимающая нож, трясется. Боль продолжает все плотнее сжимать мрак вокруг.

Она готовится ощутить сильный удар, как это столько раз бывало на благоухающем ложе ее господина. Собственное тело никогда ей не принадлежало.

У нее в груди вспыхивает ярость. Даже этот огонь в прошлом был ей запрещен. В это последнее мгновение она согревается этим пламенем и кричит, давая выход остаткам сил. Она закрывает глаза и кричит небесам, кричит на чудовище, на себя саму, на ребенка, который не должен был появляться на свет.

И впервые в жизни ее по-настоящему слышат.

Пронзительный крик отражается от неба. Она слышит его не столько ушами, сколько всем своим телом. Крик вспарывает ей плоть, настолько острый, что проникает до самых костей. От этого усилия у нее на теле волосы встают дыбом. Она открывает глаза и видит, как пресмыкающееся останавливается, замирает в грязи не далее чем на расстоянии вытянутой руки от нее. Охваченное страхом, чудовище выкручивается, разворачивая свое огромное тело, и спешит вернуться под защиту черной воды.

Однако, прежде чем оно успевает скрыться, разрывается полог ветвей над головой. Громадная тень ныряет сквозь листву и падает на рептилию. Похожие на серпы когти вспарывают твердую чешую. Под натиском могучих лап этого существа размером с тележку для сена крушатся кости. Кожистые крылья взмывают вверх, задевая женщину, отбрасывая ее от младенца.

Она далеко отлетает и ударяется об узловатый ствол дерева. Лежа на боку среди переплетающихся корней, она смотрит, как огромные крылья делают взмах, поднимая существо обратно в воздух. Оно уносит прочь хищную рептилию. Острые когти разрывают ее пополам и швыряют древнее тело обратно в черные воды.

После чего крылатое создание садится на землю.

Оно поворачивается к женщине, представая перед ней во всем своем зловещем великолепии. Существо высоко поднимает здоровенные кожистые крылья, настолько тонкие по краям, что сквозь них пробиваются полоски солнечного света. Голову оно держит низко, у самой земли. Покрытые пушком большие уши направляются на женщину. Длинные щели ноздрей раскрываются шире, морщатся, втягивая воздух. Существо шипит, поднимает дыбом шерсть на короткой шее и запрокидывает голову назад.

Женщине знакомо это существо – его знает вся Азантийя: гроза болот, внушающая ужас летучая мышь Миррской трясины, ядовитая обительница окутанного туманом вулкана Кулак, расположенного в самом сердце затопленных земель. Об этом животном ходят легенды, хотя мало кто после встречи с ним остался в живых, чтобы поведать об этом. Ни один охотник никогда не возвращался с такой неуловимой и опасной добычей. Даже костей гигантской летучей мыши нет в зверинце замка.

С застрявшим в горле сердцем женщина изучает сидящее перед ней чудовище.

В ответ на нее смотрят безжалостные немигающие глаза, холодные, словно черные алмазы. Из горла вырывается непрерывное шипение. От этого звука, выходящего за пределы слышимости, у женщины пробегает дрожь. Она чувствует его своими зубами, своим черепом, этот звук разливается по ее мозгу подобно горящему маслу на поверхности воды. От проникающего насквозь взгляда ей становится не по себе.

Чудовище угрожающе растягивает губы, обнажая длинные клыки, на которых блестит тонкая пленка смертельного яда. Опираясь на руки-крылья, оно ковыляет к женщине.

Нет, не к ней – к лежащему на земле младенцу.

Новорожденная машет в воздухе ручонками и ножками, словно подзывая огромное животное.

Женщина хочет встать на защиту своей дочери, однако она потеряла нож. Впрочем, это все равно не имело бы значения. У нее не осталось сил даже ползти. Тело ее такое же холодное, как земля под ним. Теплыми остаются только слезы, неудержимо текущие по щекам. Признавая то, что она больше ничего не может сделать, женщина бессильно опускается на корни дерева.

Ее поглощает мрак.

Но в самое последнее мгновение она еще раз смотрит на своего ребенка. Хотя ей не удалось дать малышке жизнь, она преподнесла ей почти такой же бесценный дар.

Свободу – пусть и такую недолгую.

Женщина находит в этом утешение, чувствуя, как тени стирают окружающий мир.

Однако удовлетворить новорожденную не так-то просто.

Проваливаясь в небытие, женщина слышит первый крик младенца, жадный и гневный. Она ничем не может унять этот голос жизни, обрывающейся до того, как начаться. Она лишь дает на прощание совет, урок, полученный собственным горьким опытом.

«Лучше умереть свободной, доченька!»

Часть первая

Окутанная туманом

*Проклятие неизменно произрастает из желания.
Пословица из «Книги Эйля»*

Глава 1

Никс пыталась понять звезды пальцами.

Почти полностью слепая, она была вынуждена склониться над низким столиком, чтобы дотянуться до сердца механической модели солнечной системы, до тепла бронзового солнца в самом центре сложного астрономического прибора. Она знала, что перед утренним занятием сферу размером с котел наполнили горячими углями, призванными изображать животворное тепло Отца Сверху, что избрал солнце Своим домом. Никс приложила ладонь к теплу, затем осторожно отсчитала в обратном порядке медленно вращающиеся кольца, обозначающие пути внутренних планет вокруг Отца. Ее пальцы остановились на третьем. Прижав палец к кольцу, Никс ощутила вибрацию шестеренок, приводивших его в движение, услышала пощелкивание колеса на противоположном конце модели, которое вращала учительница, подводя их мир к ее ждущей руке.

– Осторожнее, дитя мое, – предупредила учительница.

Механическая модель, насчитывающая четыреста лет, была одним из самых ценных приборов в школе. Поговаривали, что мать-настоятельница, основательница Обители Брайк, похитила ее у короля Азантийи. Другие возражали, что прибор не был украден: мать-настоятельница лично изготовила его, опираясь на знания, которые были давным-давно утеряны живущими на земле и теперь преподавались здесь.

В любом случае...

– Постарайся ничего не сломать, недотепа, – выпалил Бэрд. Его замечание вызвало смешки у других учеников, сидевших вдоль стен куполообразного зала астроникума.

Учительница сестра Рид, молодая послушница обители, заворчала, призывая всех к тишине.

У Никс загорелись щеки. В то время как остальные ученики могли без труда наблюдать сложный танец сфер вокруг бронзового солнца, она была лишена такой возможности. Для нее окружающий мир был постоянно окутан туманной дымкой, где движение определялось лишь по перемещению теней, а предметы вырисовывались нечеткими силуэтами только в самых ярких лучах солнечного света. Даже краски для ее пораженных глаз были приглушенными и размытыми. Что самое худшее, когда Никс находилась в помещении, как сейчас, все вокруг погружалось в полный мрак.

Чтобы понять, ей требовалось прикосновение.

Собравшись с духом, Никс сделала над собой усилие, унимая дрожь в пальцах. Маленькая сфера, обозначающая их мир, плавно легла ей на ладонь. Бронзовое кольцо, на котором она была закреплена, продолжало вращаться, подчиняясь движению шестеренок. Чтобы удерживать пальцы на поверхности шара размером с кулак, Никс пришлось идти вокруг стола. К этому времени бронзовое солнце уже слегка нагрело одну сторону сферы, в то время как напротив оставался холодный металл, навечно отвернувшийся от Отца.

– Теперь ты лучше понимаешь, как Матерь Снизу всегда подставляет лицо Отцу Сверху? – спросила сестра Рид. – И эта сторона постоянно горит под Его строгим, но любящим вниманием.

Никс кивнула, продолжая идти вдоль стола, отслеживая путь сферы вокруг солнца.

– И в то же время, – продолжала сестра Рид, обращаясь теперь уже ко всем ученикам, – другая сторона нашего мира навечно лишена палящего взгляда Отца и остается заморожена в вечной темноте, где, говорят, даже воздух превращается в лед.

Никс даже не потрудилась признать очевидное; все ее внимание оставалось приковано к Урту, завершающему оборот вокруг солнца.

– Вот почему мы живем на Венце, – закончила свой рассказ сестра, – на узкой полоске мира, лежащей между выжженными землями одной половины Урта и вечными льдами другой.

Никс провела пальцем по сфере с севера на юг и обратно. Венец Урта обозначал единственную гостеприимную территорию, где могли существовать люди, растения и животные. Конечно, ходили слухи о том, что лежало за пределами Венца, жуткие легенды, по большей части кошунственные, передаваемые шепотом, об этих пустынных мертвых землях, замороженных с одной стороны, выжженных с другой.

Сестра Рид перестала вращать колесо, остановив танец планет.

– А теперь, когда Никс получила возможность ознакомиться с моделью солнечной системы, кто-нибудь ответит, почему Матерь Снизу навечно устремила свой взор на Отца Сверху, никогда не отворачиваясь от него?

Никс не двигалась с места, не отнимая ладонь от наполовину нагретой сферы.

На вопрос учительницы ответила Кайнджел, процитировав наизусть текст, который им дали учить на прошлой неделе.

– Она и наш мир навечно застыли в затвердевшей смоле пустоты и никогда не смогут отвернуться.

– Очень хорошо, – похвалила ее сестра Рид.

Никс буквально ощутила исходящее от Кайнджел удовлетворение. Двойняшки Кайнджел и Бэрд были детьми верховного градоначальника Фискура, самого большого города на северном побережье Мирра. Хотя от Обителю до Фискура нужно было плыть целый день, близнецы постоянно подчеркивали свое высокое положение, одаривая подарками тех, кто лебезил перед ними, и подвергая насмешкам остальных, нередко прибегая для пущего унижения к рукоприкладству.

Вероятно, в первую очередь именно по этой причине Никс подала голос, возражая Кайнджел.

– Но Урт не застыл в затвердевшей смоле, – пробормотала она, уставившись на модель, не отрывая ладони от наполовину нагретой сферы. Девочка терпеть не могла привлекать к себе внимание, ей хотелось поскорее снова стать незаметной, вернуться на свое место в самом конце класса, однако она отказывалась отрицать то, что обнаружили ее пальцы. – Он тоже вращается в пустоте.

– Даже слепому дураку должно быть ясно, что Матерь *всегда* обращена к Отцу лицом, – презрительно фыркнул Бэрд, приходя на выручку своей сестре. – Урт никогда не поворачивается.

– Воистину это непреложно и неизменно, – заключила сестра Рид. – Отец испокон веку пылает в небе, а Матерь всегда взирает на Его величие с любовью и признательностью.

– Но Урт *вращается*, – стояла на своем Никс; отчаяние придало ее голосу твердости.

Хотя и почти полностью слепая, девушка закрыла глаза, мысленно смотря сверху на механическую модель. Она представила себе путь сферы, обращающейся вокруг бронзового солнца. Вспомнила ее едва заметное перемещение под ее пальцами, когда она следовала за

ее движением. В тот момент Никс почувствовала, как сфера повернулась у нее в руке, сделав полный оборот вокруг солнца.

– Он должен вращаться, – попыталась объяснить она. – Чтобы Матерь была постоянно обращена лицом к Отцу, Урт поворачивается вокруг себя, делает полный оборот, пока сменяются времена года. Один медленный оборот каждый год. Только так одна сторона Урта может все время находиться под палящим взглядом солнца.

– Неудивительно, что мать ее бросила, – насмешливо заметила Кайнджел. – Она настолько глупа, что не может понять прописные истины.

– Но она права, – произнес голос у них за спиной, в открытых дверях купола астроникума.

Застыв, Никс перевела свой затуманенный взгляд к светлому пятну, обозначающему открытую дверь. На пороге темнела тень. Девочке не нужно было зрение, чтобы понять, кто там: она узнала эти резкие интонации, в настоящий момент слегка приправленные весельем.

– Настоятельница Гайл!.. – растерянно пробормотала сестра Рид. – Какая честь! Пожалуйста, присоединяйтесь к нам.

Тень в светлом пятне дверного проема исчезла: настоятельница закрытой школы вошла в астроникум.

– Похоже, самая юная из вас только что доказала, что способность зреть в корень необязательно равняется способности видеть.

– Но ведь, несомненно... – начала было сестра Рид.

– Да, несомненно, – перебила ее настоятельница Гайл. – Эту тонкую астрономическую истину обыкновенно припасают для тех, кто приступает к изучению алхимии. А никак не для семилеток. Но даже так многие студенты-алхимики с трудом видят то, что у них прямо перед глазами.

Шуршание кожи по камню сообщило о том, что настоятельница приблизилась к механической модели.

Наконец отпустив сферу, изображающую мир, Никс выпрямилась и склонила голову.

– Давайте узнаем, что еще усвоила из сегодняшнего урока эта молодая женщина, прожившая на свете всего четырнадцать зим. – Настоятельница пальцем подняла подбородок Никс. – Ты можешь рассказать нам, почему те, кто живет в северной части Венца, наблюдают смену времен года – от ледяной зимней стужи до летнего тепла, даже несмотря на то, что одна сторона Урта всегда обращена к солнцу?

Никс пришлось дважды сглотнуть комок в горле, чтобы освободить свой язык.

– Это должно... это должно напоминать нам о том даре, который Отец преподнес Матери, чтобы мы больше ценили Его доброту, проявляющуюся в том, что нам позволено жить в Венце, на безопасных землях между палящим зноем и ледяной смертью. Каждый год Он позволяет нам вкусить и жар, и холод.

– Да, очень хорошо, – вздохнула настоятельница. – Слово в слово то, что вдолбил вам в голову иеромонах Плакк. – Она подняла подбородок Никс выше, вглядываясь ей в лицо. – Но что говорит тебе модель солнечной системы?

Никс отступила назад. Даже несмотря на туман перед глазами, она больше не могла выносить гнетущее внимание настоятельности. Вернувшись к механической модели, она снова мысленно представила путь Урта вокруг подогреваемого углем солнца. В свое время девочка почувствовала, как во время полного оборота прибывает и убывает тепло.

– Путь Урта вокруг солнца не является правильной окружностью, – заметила Никс вслух. – Это скорее овал.

– Правильнее назвать его эллипсом.

Кивнув, Никс вопросительно посмотрела на настоятельница.

– Быть может, когда Урт на своем пути наиболее удаляется от солнца, от тепла, у нас наступает зима?

– Догадка неплохая. Возможно, то же самое скажет и кое-кто из наших досточтимых алхимиков. Однако они так же далеки от истины, как и иеромонах Плакк.

– Тогда почему? – спросила девочка, охваченная любопытством.

– Ну а если я скажу, что когда у нас здесь, на северной половине Венца, *темная* зима, земли далеко на юге наслаждаются *светлым* летом?

– Правда? – удивленно спросила Никс. – В одно и то же время?

– Совершенно верно.

Никс наморщила лоб, задумавшись над этим противоречием. И все-таки она почувствовала, что настоятельница, сделав ударение на этих словах, тем самым намекнула на что-то.

Темная зима и светлое лето.

– Ты никогда не задумывалась над тем, – продолжала Гайл, – что зимой Отец восседает на небе ниже, а летом снова поднимается вверх? Что хотя солнце никогда не заходит, на протяжении года оно описывает в небе маленькую окружность?

Никс покачала головой, указав на свои глаза. Не могло быть и речи о том, чтобы она заметила подобный нюанс.

Ей к плечу прикоснулась рука.

– Ну конечно. Прости. Но позволь заверить тебя в том, что это действительно так. Ну а теперь, после знакомства с моделью солнечной системы, ты можешь предположить, как такое может быть?

Никс снова повернулась к столу, к бронзовым кольцам на одной оси. Девушка чувствовала, что это испытание. Она буквально ощущала на себе обжигающий пристальный взгляд настоятельница. Никс глубоко вздохнула, полная решимости не разочаровать главу школы. Она протянула руку к модели.

– Можно?

– Конечно.

Никс снова осторожно нащупала теплое солнце в центре и переместила ладонь на третье кольцо. Отыскав закрепленную на нем сферу, она более внимательно изучила ее форму, отметив крохотную бусинку луны, вращающейся на своем собственном кольце вокруг Урта. Особое внимание девушка обратила на то, как сфера, изображающая Урт, закреплена на кольце.

– Сестра Рид, – предложила Гайл, – нашей юной ученице будет проще, если ты снова приведешь всё в движение.

Послышался шелест рясы, затем сложный механизм шестеренок снова защелкал и кольца начали вращаться. Никс полностью сосредоточилась на том, как Урт медленно вращается на месте, делая полный оборот вокруг солнца. Она попыталась понять, как на южной половине может быть светлее, в то время как на северной стороне будет темнее. Понимание пришло от кончиков пальцев. Тонкая игла, вокруг которой вращался Урт, не была закреплена строго снизу вверх. Она была установлена под небольшим углом к солнцу.

«Не в этом ли кроется ответ?»

Уверенность нарастала.

Никс заговорила, продолжая свой собственный путь вокруг солнца.

– Урт оборачивается вокруг Отца, а его ось находится под небольшим *углом*, а не строго прямо. Вследствие этого верхняя половина мира на какое-то время наклоняется к солнцу.

– Создавая наше светлое северное лето, – подтвердила настоятельница.

– А когда это происходит, нижняя половина, наоборот, отклоняется от солнца.

– И на юге Венца наступает унылая зима.

– Значит, – повернулась к настоятельности потрясенная Никс, – смена времен года происходит потому, что Урт вращается вокруг своей оси криво, больше подставляя солнцу то одну свою сторону, то другую.

Ученики зашептались. Одни выражали смущение, другие высказывали недоверие. Но, по крайней мере, Бэрд в присутствии настоятельницы побоялся сделать язвительное замечание.

И тем не менее Никс почувствовала, что у нее снова вспыхнуло лицо.

Но тут рука потрепала ее по плечу, выражая поддержку.

Испуганная неожиданным прикосновением, девушка вздрогнула. Она терпеть не могла, когда ее трогают. В последнее время многие мальчишки – и даже девочки – стали тискать ее, нередко грубо, хватая за самые нежные и сокровенные места. А Никс не могла даже никого обвинить, указать пальцем. И не то чтобы она не знала, кто это был. В первую очередь она безошибочно узнавала Бэрда, от которого всегда пахло по`том и кислыми дрожжами. Это пахучее облако он постоянно носил с собой благодаря запасам эля, который ему тайком присылал из Фискура отец.

– Прости... – тихо промолвила настоятельница, заметив реакцию Никс.

Девушка попыталась отступить назад, однако один ее палец застрял в кольце Урта. Смущение переросло в панику. Никс попыталась высвободить руку, но выкрутила палец не в ту сторону. Раздался металлический хлопок, при звуках которого сестра Рид ахнула. Освободившись, Никс отдернула руку от модели и прижала кулак к груди.

Что-то со звоном упало на каменные плиты пола ей под ноги.

– Она ее сломала! – воскликнул Бэрд, но в его голосе прозвучала не насмешка, а потрясение.

Другая рука схватила Никс за локоть, отдергивая назад. Застигнутая врасплох, девушка не удержалась на ногах и упала на колени.

– Что ты наделала, мерзкая девчонка! – Сестра Рид по-прежнему крепко держала ее за руку. – За это я тебя хорошенько выдеру!

– Нет, не надо, – остановила ее настоятельница Гайл. – Это произошло случайно. И тут есть и моя вина: я напугала ребенка. Меня ты тоже привяжешь к шесту и высечешь, сестра Рид?

– Что вы...

– В таком случае и ребенок также не должен страдать. Оставь ее в покое.

Никс почувствовала, как ей освободили локоть, но только после того как те же самые пальцы больно сдавили его, впиваясь до самой кости. Послание не вызывало сомнений. Вопрос еще не был закрыт. Это болезненное предостережение возвещало о том, что сестра Рид потребует заплатить за свое унижение перед учениками, перед настоятельницей.

Зашуршала ряса Гайл, ее голос опустился ближе к полу.

– Видишь, это просто оторвался спутник Урта. – Никс мысленно представила себе, как настоятельница поднимает с пола бронзовый шарик. – Его легко закрепить обратно на прежнем месте.

Никс поднялась на ноги. Лицо у нее горело, как солнце, слезы были готовы хлынуть в любую секунду.

– Сестра Рид, наверное, тебе следует завершить сегодняшний урок. На мой взгляд, твои семилетки для одного дня получили достаточно небесных развлечений.

Никс пришла в движение еще до того, как сестра Рид отпустила учеников на полуденную трапезу. Она поспешила унести свои слезы к яркому пятну дверного проема. Никто не преградил ей путь, вероятно, опасаясь увидеть ее стыд и унижение. В своем поспешном бегстве девушка забыла трость, толстую полированную палку из вяза, с помощью которой она направляла свои шаги. Спohватившись, Никс не пожелала вернуться и выбежала в солнечный свет и тени летнего дня.

Глава 2

Пока остальные ученики направились в дортуар, где в зале для них была приготовлена холодная трапеза, Никс поспешила в противоположную сторону. Есть ей не хотелось. Она подошла к одной из четырех лестниц, ведущих вниз с седьмой террасы на предыдущую, где, вероятно, шестилетки уже приступили к трапезе.

Хотя окружающий мир для нее тонул в тенях, девушка не замедляла шаг. Даже без палочки она двигалась быстро. Половину своей жизни Никс прожила в обнесенной стенами Обители. К этому времени она уже знала все закутки и проходы. Количество шагов, повороты и лестницы, прочно высеченные у нее в сознании, позволяли ей относительно легко перемещаться по территории школы. На границе ее сознания тикал бесшумный счетчик. Время от времени девушка непроизвольно протягивала руку, прикасаясь к резной плитке, деревянной опоре, каменной колонне – постоянно подтверждая свое местонахождение.

Спускаясь по лестнице, Никс мысленно представляла себе обширные просторы Обители Брайк, возвышающейся подобно ступенчатой пирамиде из болот Миррской трясины. Нижняя терраса школы, возведенная на основании из вулканической породы, одном из немногих прочных мест среди топей и заболоченных лесов, простиралась на целую милю. По времени создания школа была второй во всем королевстве Халендия – старейшая находилась в пригородах его столицы Азантии, однако Обитель по-прежнему считалась самой строгой и требовательной вследствие своего уединения. Ученики проводили в Брайке все девять лет обучения, начиная с самой нижней террасы, где размещались первогодки. Далее классы становились все меньше и меньше, соответствуя сжимающимся террасам школы. Тех, кому не удавалось подняться вверх, с позором отсылали обратно к родителям, однако это не останавливало нескончаемый поток детей, прибывавших сюда на кораблях и лодках со всего Венца. Тех, кому посчастливилось дойти до девятой террасы, ждали почет и положение в обществе. Перед ними стоял выбор: продолжать обучение в одной из нескольких алхимических академий, где их познакомят с глубинными тайнами мира, или поступить в религиозный орден и посвятить себя высшему благочестию.

Спустившись на третью террасу, Никс оглянулась на возвышающуюся позади школу. На погруженной в полумрак вершине горели два огня, настолько ярких, что их мог различить даже ее затуманенный взор. Один костер дымился алхимическими тайнами; другой испускал облака священных благовоний. Говорили, что своей формой и этими огнями Обитель повторяла вулканическую вершину в самом сердце Миррской трясины, окутанную парами горы Кулак. Кроме того, поднимающийся в небо дым отпугивал обитателей изрезанных пещерами склонов горы, гигантских летучих мышей, не подпуская их близко. И тем не менее в зимние сумерки крылатые создания время от времени появлялись из низко нависших туч. От их пронзительных криков перво- и второгодки первое время в страхе бросались к своим учителям, братьям и сестрам, но затем постепенно привыкали к ним и переставали обращать внимание.

К сожалению, Никс не могла сказать то же самое про себя. До сих пор от жутких криков у нее начинало колотиться сердце, а голова вспыхивала огнем. Ну а когда она была совсем маленькой, новичком-первогодкой, ужас захлестывал ее, повергая в обморок. Однако сейчас ей было нечего бояться. На дворе была середина лета, и то ли из-за яркого солнца, то ли из-за жары гигантские летучие мыши держались подальше от краев болот, поближе к своим мрачным пещерам на склонах Кулака.

К тому времени как Никс наконец спустилась на самую нижнюю террасу Обители, стыд и смущение утихли до тупой боли в груди. Девушка потеряла синяк на локте, напоминание о том, что впереди еще будут неприятные последствия.

Но до этого Никс хотела хорошенько успокоиться, и посему она спешила в единственное место, где могла это сделать. Выйдя за ворота школы, девушка оказалась на торгу Брайка. Убогая деревушка ютилась под стенами Обители. Брайк кормил школу, обеспечивая ее всем необходимым. Каждое утро сюда привозили товар; сюда же тянулись вереницы тех, кто работал горничными, слугами, посудомойками и поварами. Никс, в возрасте шести лет попавшая в школу служанкой, какое-то время считала, что та же судьба ждет и ее.

Оказавшись в деревне, девушка продолжала свой путь так же уверенно. Она не только отсчитывала свои шаги по кривым улочкам, но и вслушивалась в ритмичный стук, доносящийся из Кузнечного ряда слева. Постоянный звон помогал ей держать нужное направление. Нос впитывал запахи едкого дыма и острых специй рынка, где под полуденным солнцем уже жарились угри и другая рыба. Даже кожа Никс ощутила ставший более плотным и влажным воздух, сообщивший о том, что она добралась до околицы Брайка. Здесь каменные особняки, стоявшие ближе к школьным стенам, уступили место более скромным деревянным домам и сараям, крытым соломой.

Однако Никс продолжала идти дальше до тех пор, пока ее мир не наполнился новым запахом. Это был тяжелый туман мокрой шерсти, сладковатого навоза, вытоптанного грунта и сернистых испарений. Подойдя ближе и окунувшись в эти сочные запахи, девушка почувствовала, как страхи спали с плеч.

Это был ее дом.

Появление Никс не осталось незамеченным. Ее встретил трубный рев, которому вторили другие такие же. Чьи-то чавкающие шаги устремились ей навстречу.

Никс двигалась вперед до тех пор, пока ее руки не нащупали сложенную из камней ограду, обозначающую границу загона для буйволов на краю болота. Тотчас же в ее сторону направилось тяжелое шарканье, сопровождаемое шумными вздохами и жалобным мычанием, словно огромные животные считали себя виноватыми в длительном отсутствии девушки. Никс подняла руку, и ей в ладонь уткнулась влажная морда, покрытая холодной флегмой. Большие раздувающиеся ноздри нежно обнюхали ее пальцы. По размерам и форме морды девушка сразу же узнала, кому она принадлежит, точно так же, как узнавала деревню и школу.

– Рада снова тебя видеть, Ворчун!

Она погрузила пальцы в длинную спутанную шерсть между короткими толстыми рогами и достала ногтями до кожи. Девушка почесала буйвола, что ему всегда нравилось, и в знак признательности он довольно дохнул ей в грудь горячим воздухом. Ворчун был самый старый в стаде, ему было почти сто лет. Теперь он уже редко таскал волокушу по тростникам и болотам, однако по-прежнему оставался вожаком. Большинство животных в стаде могли проследить свою родословную к этому гиганту.

Девушка протянула руки и схватила буйвола за рога. Даже несмотря на то, что тот стоял, опустив голову, ей для этого пришлось приподняться на цыпочки. Она притянула его голову к себе; темя его было таким же широким, как ее грудь. Втянув полной грудью влажный мускусный запах животного, Никс прижалась к теплему очагу его тела.

– Я тоже по тебе соскучилась! – прошептала она.

Замычав, Ворчун попытался приподнять ее, выгнув свою короткую шею.

Девушка со смехом отпустила рога, прежде чем ее ноги оторвались от земли.

– У меня нет времени прокатиться на тебе. Подожди до летних каникул.

Хотя Ворчун больше не таскал волокушу, он по-прежнему любил бродить по болотам. В свое время Никс проводила целые дни на его широкой спине, разъезжая по топям. Длинные ноги и широкие копыта позволяли буйволу легко передвигаться по омутам и ручейкам, а своими огромными размерами и загнутыми рогами он отпугивал любых хищников, не подпуская их близко.

Девушка потрепала животное по щеке.

– Скоро, обещаю тебе!

Она направилась вдоль изгороди, проводя пальцами по столбикам. Ей хотелось надеяться, что она сдержит свое обещание. Другие буйволы лезли к ней, отталкивая друг друга, также желая внимания. Никс узнавала многих по прикосновению и запаху. Однако время ее было ограничено. Скоро прозвенит колокол, призывая ее обратно на занятия.

Девушка поспешила в дальний угол раскинувшегося на сотню акров загона, где стояла ферма. Ее фундамент был прочно закреплен на каменистом берегу, но крыша на четверть лиги простиралась над болотами, служа навесом над большой пристанью. Стены, как и ограда, были сложены из камня, крыша, подобно крышам домов по соседству, была соломенной. Каменная труба поднималась высоко в небо, где на светлом фоне скользили тени облаков, неумолимо движущихся на восток, неся ледяной холод мрака в обжигающий жар другой половины мира.

Подойдя к массивной двери, Никс подняла железный засов и шагнула внутрь, не предупредив о своем появлении ни стуком, ни криком. Как только она оказалась в полумраке, окружающий мир сжался, однако это несколько ее не напугало. Она словно укуталась в теплое, знакомое одеяло. Тотчас же ее окружила смесь запахов, обозначавших дом: старого дерева, маслянистой мастики, дыма умирающих углей, оплывающего воска тоненьких свечей у алтаря в углу. Даже запах перепревшего сена с сеновала у пристани был родным и близким.

Девушка прислушалась к шороху ног и скрипу дерева рядом с красноватым свечением очага. Оттуда донесся насмешливый голос.

– Опять неприятности, да? – спросил ее приемный отец. – В последнее время, девочка моя, у тебя не бывает других причин возвращаться домой, так? И без трости?

Опустив голову, Никс уставилась на свои руки. Ей хотелось опровергнуть его слова, но она не могла.

Мягкий смех смягчил резкое замечание отца.

– Садись и расскажи, что у тебя стряслось.

* * *

Сидя спиной к очагу, Никс завершила рассказ об утренних страхах и унижениях. У нее на душе просветлело от одного только того, что она сбросила с себя этот тяжелый груз.

Все это время отец молча слушал ее, посасывая трубку, набитую змеекорнем. Горьковатый дым помогал его хрустящим суставам. Однако девушка подозревала, что он молчит, не столько чтобы облегчить боль, сколько чтобы дать ей возможность заполнить тишину своими жалобами.

Никс вздохнула, показывая, что ее рассказ окончен.

Отец сделал глубокую затяжку и выпустил едкий дым.

– Позволь мне тебя просветить. Ты определенно утерла нос монашке, которая преподавала вам в этой четверти.

Кивнув, Никс потеряла синяк, оставленный костлявыми пальцами сестры Рид.

– Но при этом ты также произвела благоприятное впечатление на настоятельницу, главную во всей школе. А это, смею заверить, большое достижение.

– Она была очень добра ко мне. Но своей неуклюжестью я все испортила. Сломала бесценную модель солнечной системы.

– Неважно. Сломанное всегда можно починить. Подводя итоги, я бы сказал, что ты сегодня утром показала себя с лучшей стороны. К следующему обороту луны ты закончишь седьмой год. Останется только восьмой до того, как ты поднимешься на самую верхнюю, девятую террасу. По-моему, благосклонность само́й настоятельницы против раздражения какой-то одной монашки, с которой ты все равно скоро расстанешься, – это неплохая сделка.

Его слова помогли Никс успокоиться. «Пожалуй, он прав». Да, на пути к седьмой террасе ей пришлось преодолеть более суровые препятствия. «И вот теперь я так близка к вершине». Девушка запрятала надежду поглубже, испугавшись, что одна только мысль об этом может разбить все ее шансы.

Словно прочитав ее мысли, отец подчеркнул ее удачу.

– Ты только взгляни, с чего ты начала! Шестимесячный младенец, пищащий на плавучем ковре болотной травы. Если бы у тебя тогда не разболелся животик, мы бы тебя не услышали. Ворчун протащил бы мою волокушу мимо.

Девушка постаралась улыбнуться. Воспоминания о том, как он нашел ее брошенной в болоте, неизменно вызывали веселье у ее приемного отца. У него два сильных сына – обоим сейчас было уже за тридцать, они управлялись со стадом, но жена умерла при родах единственной дочери: тогда он потерял их обеих. Обнаруженную в болоте малышку отец посчитал даром Матери Снизу, особенно если учесть, что не было никаких признаков того, кто оставил плачущего голого младенца посреди топей. На плавающем в воде ковре болотной травы, нежного и своенравного растения, не было никаких следов ног вокруг тела младенца. Даже лепестки хрупких цветов, покрывавших плавающее на поверхности зеленое сплетение, были нетронуты. Казалось, малышка упала с неба как награда преданному и трудолюбивому жителю болот.

И все же хотя эта история для приемного отца неизменно служила источником гордости, для Никс она была приправлена изрядной долей стыда и гнева. Мать, а может быть и оба родителя, бросили ее в болоте, обрекая на неминуемую смерть, возможно, потому что она родилась ущербной: ее глаза были покрыты голубовато-молочной пленкой.

– Как я тебя люблю! – воскликнул отец, высказывая очередную истину. – Даже если бы тебя не отобрали поступить в Обитель. Хотя когда я узнал, что ты прошла испытание, у меня от радости едва не разорвалось сердце!

– Это получилось случайно, – смущенно пробормотала девушка.

Отец кашлянул, выпуская облачко дыма.

– Не говори так! В жизни ничего не происходит по воле случая. Это знак того, что Мать продолжает улыбаться тебе.

Вера Никс была не такой сильной, но она знала, что лучше не перечить отцу.

В то время девочка была прислужницей в школе, мыла посуду и оттирала полы. Наводя порядок в одном из классов, она споткнулась о груды брусков, каменных и деревянных. Испугавшись, что это что-то важное, Никс подобрала их с пола и положила на стол. Однако любопытство взяло верх. Аккуратно раскладывая бруски различной формы, она почувствовала, как их неровные края совпадают друг с другом. Именно так Никс по большей части воспринимала окружающий мир – через осязание; так было тогда, так оставалось и сейчас. Убедившись, что рядом никого нет, девочка начала складывать бруски и быстро потеряла счет времени, но наконец восемнадцать десятков брусков выстроились в сложное сооружение с высокими башнями и зубчатыми стенами, образовавшее шестиконечную звезду с замком посередине.

Полностью поглощенная работой, Никс не заметила, как вокруг собралась толпа. Лишь закончив, она выпрямилась, заслужив восторженные восклицания со стороны зрителей.

Девочка запомнила, как одна монашка спросила у другой:

– Долго она пробыла здесь?

И ответ:

– Я ушла, когда она появилась с ведром и тряпкой. Это было не больше одного колокола назад.

– Она так быстро построила цитадель Азанттии! Соискателям мы даем на это целый день. И большинство не справляется с задачей.

– Клянусь!..

Кто-то схватил девочку за подбородок и поднял ее лицо.

– И посмотрите на голубую пленку у нее на глазах! Она ведь почти слепая!

Потом ей выделили место среди первогодок, и она поступила в Обитель, будучи на год младше всех одноклассников. За все время лишь горстке детей из деревни Брайк была предоставлена возможность поступить в школу, и никому из них не удалось подняться выше третьей террасы. Никс втайне гордилась своими достижениями, однако ее удовлетворение было приправлено изрядной долей горечи. Девушка поднималась вверх вместе с постоянно съеживающимся классом, но одноклассники не позволяли ей забывать о ее низком происхождении. Они говорили, что от нее воняет сточной канавой. Издевались за бедную одежду и отсутствие изысканного воспитания. И еще за затуманенное зрение, стену теней, постоянно ограждавшую ее от окружающих.

И все-таки Никс находила утешение в радости отца. Чтобы доставлять ему счастье, она прилежно училась. Также ей доставляло удовольствие узнавать больше об окружающем мире. Она словно вылезала из темноты погреба в яркий свет лета. Тени оставались, загадки по-прежнему ждали своего решения, но с каждым годом мрак, окутывающий мир, рассеивался все больше. То самое любопытство, которое когда-то заставило Никс складывать бруски, никуда не делось и только становилось сильнее с каждой новой террасой.

– Ты станешь девятилеткой, – говорил ей отец. – Я это нутром чувствую!

Девушка наполняла его уверенностью свое сердце, полная решимости сделать все возможное ради того, чтобы это случилось.

«Хотя бы ради него».

Вдалеке над вершиной Обители раздался звон Призывного колокола. Нужно было вернуться назад к вечерним занятиям до того, как он прозвонит снова. Времени оставалось мало.

Отец также слышал звон.

– Тебе лучше поторопиться, девочка моя!

Никс поднялась на ноги и взяла отца за руку, чувствуя упругие мышцы под тонкой кожей, обтягивающей крепкие кости. Наклонившись, она поцеловала его, найдя заросшую щеку так же легко, как находит соты с медом пчела.

– Я приду, когда смогу, – заверила отца девушка, вспоминая, что то же самое говорила до того Ворчуну. Она намеревалась сдержать оба обещания.

– Веди себя хорошо, – напутствовал ее отец. – И помни, что Матерь Снизу всегда наблюдает за тобой.

Направляясь к двери, Никс улыбнулась, думая о непоколебимой вере отца в нее и в Матерь Снизу. Ей хотелось надеяться, что вера эта оправданна – в обоих случаях.

Глава 3

Чувствуя, что время поджимает, Никс возвращалась обратно по той же самой тропе, которая привела ее домой. Но только теперь она ощупывала дорогу перед собой запасной клюкой, выдавшей вида палкой, которой пользовалась, когда была младше. От долгих лет использования поверхность палки покрылась щербинками. Она также была немного короче новой, которую девушка забыла в классе. Однако сейчас в руке палка казалась старым другом. Хотя дорога была прекрасно знакома Никс, тяжесть палки придавала дополнительную уверенность.

Девушка ускорила шаг. Опоздать будет очень некстати, особенно после того, что произошло утром. Войдя в ворота школы, Никс быстро поднялась на седьмую террасу. Она запыхалась, но успела до второго Призывного колокола.

Успокоившись, Никс поспешила налево, прочь от позора под куполом астроникума. Она решила забрать другую трость потом, когда никто не увидит. По утрам занятия посвящались устройству мира: решению загадок по курсу арифматики, препарированию живых организмов по курсу биологии, повседневному применению расчетов и измерений. Вечера ученики проводили за изучением истории, религии и литературы древних.

Никс предпочитала утренние занятия, в основном из-за объемов чтения, которые приходилось выполнять во второй половине дня. Ее пальцы, хоть и очень проворные, все же не обладали достаточной чувствительностью, чтобы различать чернила на страницах священных томов. Чтобы помогать девушке в учебе, к ней был приставлен юный послушник. Джейс не смог подняться на пятую террасу, однако, вместо того чтобы отправить его домой, ему предложили остаться при школе в скриптории, в основном для переписывания рукописей, но также чтобы служить глазами Никс. Днем он вполголоса пересказывал ей то, что нужно было усвоить, а иногда продолжал и ночью в ее келье в дортуаре.

Никс поспешила туда, где обыкновенно ждал ее Джейс. Хотя в его силах было еще больше усложнить ей жизнь, он был по отношению к ней добрым и терпеливым. Девушка также подозревала, что парень воспринимает ее не только как ученицу. Джейс был на четыре года старше ее, однако в нем оставалось больше мальчишеского, чем в ее сверстниках-семилетках. Чтобы хоть как-то это исправить, он отращивал бородку-пушок, призванную придать мужественности его круглому лицу. Он приобрел округлое брюшко и обзавелся одышкой из-за малоподвижного образа жизни, и это особенно ему мешало, когда Джейс спешил следом за Никс. Однако он в большей степени, чем кто бы то ни было, мог ее рассмешить. Во многом именно благодаря ему девушка терпела вечерние занятия.

Никс направилась к арке у скриптория. Завернув за угол, она услышала характерное пыхтение своего друга, более шумное и тяжелое, чем обычно, словно Джейс бежал сюда. Девушка уловила исходящий от его одежды запах извести, указывающий на то, что он провел утро, готовя свежий пергамент для своей работы.

– Джейс, прости, что опоздала. Нам нужно...

Но тут ей в нос ударил другой запах. Горьковатый, насыщенный железом. Он исходил от Джейса с каждым выдохом. *Кровь*. Удивленная, Никс споткнулась обо что-то, лежащее на полу. Она не заметила это, когда ощупывала дорогу перед собой тростью. Упав, девушка быстро поняла, что это нога ее друга. Но почему Джейс сидит в арке? Никс ощупала его тело.

– Джейс, что с тобой?

Ее ладонь нашла его лицо, отчего он вскрикнул. Никс обнаружила горячую кровь у него под носом, распухшим, свернутым на сторону. Вздвогнув от этого прикосновения, Джейс отстранил ее руку.

– Никс... они замыслили что-то плохое!

– Кто?..

Однако ответ был очевиден. Со всех сторон слышалось шарканье кожи по каменным плитам. Никс услышала за спиной смехок.

– Беги! – воскликнул Джейс, подталкивая ее.

Девушка застыла на четвереньках, объятая ужасом.

– Не дайте ей удрать! – крикнула Кайнджел.

Эти слова вывели Никс из оцепенения. Она лихорадочно принялась искать пути бегства. Напрягая органы чувств, девушка заполняла пространство вокруг шорохами, шепотом, шарканьем. Попятившись от смещающихся теней справа, она побежала прочь от пелены пота и шумного дыхания, сгущающегося у нее за спиной, стремясь получить защиту в школе, у братьев и сестер, которые ей встретятся.

Бешено колотящееся сердце подступило ей к горлу, раздвигая границы слуха. Никс различила доносящиеся из-за угла знакомые интонации сестры Рид.

– ...Поставят на место. Она пожалеет о том, что ее просто не выпороли!

Ей ответил другой голос, высокий и гнусавый. Он принадлежал иеромонаху Плакку, который должен был вести вечерние занятия.

– А как же настоятельница?

– То, что происходит между ударами колокола, особенно между раздосадованными учениками, нельзя ставить мне в вину. Я заявлю...

По всей террасе разнесся второй звон Призывного колокола, заглушая слова сестры Рид.

Задышавшись, с гулко колотящимся сердцем, Никс была близка к тому, чтобы от ужаса свалиться в обморок. На какое-то мгновение ее захлестнуло новое, незнакомое чувство. Звон колокола разрывал в клочья тени, отгоняя их прочь, открывая с поразительной четкостью стены, лестницы и коридоры вокруг. Девушка даже смогла различить обступившие ее силуэты.

Один из них приблизился, и Никс резко отдернулась назад. Чьи-то пальцы схватили ее за рукав, но она высвободилась.

Позади слышалось вырвавшееся ругательство.

Бэрд.

Никс поспешила по пути, обозначенному вибрирующими отголосками звона, опираясь на это новообретенное чувство, помогающее ей спастись. И все же на бегу она как могла подтверждала это чувство ударами трости. Охотники быстро отстали от добычи, однако они не прекращали погони, сгущаясь грозowymi тучами у девушки за спиной.

Никс добежала до лестницы, ведущей на восьмую террасу. Как семилетка, она совсем не знала этот уровень. И все же девушка неслась вверх по ступеням, ведомая своей тростью. Ее ощущения раздвоились. Грудь горела, сердце колотилось, но при этом ей казалось, будто она воспарила ввысь и взирает сверху на себя. Однако у нее не было времени задерживаться на этом странном феномене.

Взбежав по лестнице, Никс оказалась на восьмой террасе. Колокола затихли, и мир снова сомкнулся вокруг непроницаемой пеленой. Девушка вернулась в свое тело.

– Вот она! – раздался позади крик Кайнджел.

Никс в ужасе бросилась прочь от приближающегося топота сандалий по камню. Восьмилетки уже разошлись по классам, и на террасе никого не осталось. Объятая паникой, Никс попыталась бежать быстрее. Налетев с размаха плечом на угол, она крутанулась, описывая полный оборот. И все же страх помог ей удержаться на ногах и двинуться дальше.

Но куда идти?

Лишившись мимолетного нового восприятия мира, Никс устремилась по единственному пути, который знала. Все ученики рано или поздно поднимались на этот уровень, совершая тайное паломничество. Путешествие заканчивалось там, где их надежды или взмывали вверх, или низвергались на землю.

И Никс тут не была исключением. Каждый год она по несколько раз поднималась на восьмую террасу, чтобы дойти до этого места. И сейчас она поспешила к своей цели. Это был единственный маршрут, запечатленный у нее в памяти.

Охотники не отставали, мрачно смеясь, настигая девушку своими угрозами.

Наконец Никс добралась до следующей лестницы. Эти ступени не были выше и круче тех, которые ей уже пришлось преодолеть, чтобы подняться сюда, и все-таки она остановилась перед ними. Эта лестница вела на девятую и последнюю террасу. Подняться по этим ступеням дозволялось только тем, кого признавали достойными Восхождения. Для всех остальных лестница была закрыта. Тайны девятого уровня предназначались лишь немногим избранным. Нарушение запрета означало немедленное исключение из школы.

Никс задрожала, стоя у лестницы. Первые семь лет своей жизни она провела в Брайке, следующие семь – здесь, в Обители. В настоящий момент ее жизнь качалась между светлым будущим и постыдным падением. Хотя девушка не могла знать, какая судьба ей уготована, она всегда стремилась добиться большего и надеялась на лучшее.

Однако сейчас...

Преследователи настигли ее. Бэрд заметил ее колебание. Он презрительно фыркнул, однако веселья в его голосе не было, одна угроза, которую он подчеркнул своими следующими словами.

– Она в ловушке. Смотрите хорошенько! Я отниму у нее палку и надеру ей задницу, да так, что она две недели сидеть не сможет!

Остальные рассмеялись, перекрывая пути отхода.

Внезапно у Никс из руки вырвали трость. Она попыталась вернуть трость, но ее оттолкнули.

– Лучше отлупи ее по рукам, – раздался другой голос, вероятно, Раймела, побуждающий Бэрда действовать. – Хорошенько, со всей силой. Сломай обе. Как она сломала модель солнечной системы. Это будет то, что надо, скажу я вам!

Никс стиснула кулаки, чувствуя, как в висках стучит кровь. В своей жизни ей случалось оступиться и упасть, сломав кость. Боль ее не пугала, однако руки помогали ей видеть мир лучше, чем затуманенные глаза. Ладони чувствовали вибрацию трости. Кончики пальцев раскрывали подробности, недоступные взгляду. Сейчас ей угрожали не просто переломом нескольких костей, а увечьем, которое сделает ее совершенно слепой.

И все-таки эта судьба не была самой страшной.

Кайнджел привлекла к себе внимание брата.

– Ты должен пойти до конца и *осквернить* ее, – угрожающим тоном произнесла она. – Сделать так, чтобы ее навсегда прогнали из школы!

Это вызвало новый взрыв смеха, но теперь уже приправленного прожилками страха. Все поняли, в чем заключалась эта угроза. Для того чтобы достигнуть Восхождения, девушке требовалось быть девственницей, чистой и непорочной. Почему-то к мальчикам это не относилось. В дортуарах устраивались неистовые оргии, в которых было все, за исключением самого главного действия. Переступить эту черту означало изгнание – и не только из школы, но и из Брайка. Таким был позор.

– Полагаю, хорошей взбучки будет достаточно, – сказал Бэрд, стараясь сохранить голос твердым. – Это поставит болотную жабу на место.

– Она заслуживает кое-чего похуже, – презрительно промолвила его сестра. – Ей здесь не место. И мы все это знаем. А ты просто трус!

Никс уловила в голосе Кайнджел желчь. Учеба давалась дочери верховного градоначальника с огромным трудом. Ходили слухи, что отец платил за ее продвижение вверх по террасам сундуками, полными серебряных эйри и золотых марок. Однако никто не осмеливался сказать

ей это в глаза. По какой-то причине Никс всегда вызывала у Кайнджел лютую ненависть – возможно, из-за высоких отметок, которые Никс получала по всем предметам.

Услышав от сестры обвинение в трусости, Бэрд возмущенно фыркнул. Он постарался скрыть свое смущение показной грубостью.

– Ансель, Меркл, хватайте ее! Лэкуиддл, и ты тоже подсоби им!

Бэрд хотел втянуть в это как можно больше людей, чтобы никто не проговорился. А потом можно будет свалить изнасилование на какую-нибудь случайную оргию в деревне.

Попятившись назад, Никс наткнулась ногой на первую ступеньку. От этого прикосновения внутри вскипела ярость, прогоняя прочь ужас. Жар схлынул, уступая место холодному рассудку.

«Если мне суждено быть отчисленной, то пусть это станет следствием моих собственных поступков!»

Никс подняла ногу и, пятясь, поднялась на первую ступеньку. Это маленькое перемещение вызвало испуганные восклицания. Не обращая на них внимания, девушка сделала еще один шаг и еще один. Она не собиралась доставлять Бэрд и Кайнджел удовлетворение, позволив осквернить себя.

Должно быть, Бэрд, осознав это, взвыл от ярости.

Никс не задрожала от его злости, вместо этого используя ее в качестве ветра, который наполнил ее паруса и гнал ее вверх. С каждым шагом усиливался жар двух костров, пылающих у нее за спиной. Дым благовоний смывал зловонный смрад оставшихся внизу угроз.

– Не думай, что тебе удастся так легко отделаться от меня! – выругался Бэрд.

Хотя Никс не могла его видеть, она услышала, как он бросился вверх по лестнице. Ошеломленная его дерзостью, она застыла на месте.

– Бэрд, стой! – с паникой в голосе окликнула брата Кайнджел, возможно, только сейчас осознав, что надавила на него слишком сильно. – Не надо!

Бэрд задержался лишь для того, чтобы обнадежить свою сестру.

– Не беспокойся, если до этого дойдет дело, отец покроет все мои долги!

Эти слова вывели Никс из оцепенения. Развернувшись, она побежала вверх по лестнице, навстречу своей судьбе.

* * *

И без того уже потерявшаяся, Никс неуверенно остановилась, достигнув вершины Обители. Вынужденная опираться только на слухи и догадки, она не знала, куда идти.

Если верить Джейсу, девятая терраса не была похожа на все остальные. На ней кольцом выстроились башни, каждая из которых вмещала различные виды знаний. На западной половине – ее башни были построены из черного вулканического камня, добываемого в каменоломнях под школой, – размещались классы алхимии. С противоположной стороны выгнулись дугой ослепительно-белые башни из известняка, доставленного с обрывистых склонов Кручи на востоке. В белых башнях девятилеткам открывались тайны божественных законов и древние предания.

Сознавая то, что теперь все эти знания будут навсегда для нее закрыты, Никс, избегая обоих краев, устремилась к сдвоенным пятнам яркого света в центре вершины. Два костра сияли подобно очам Отца Сверху. На протяжении столетий они взирали сверху на учеников, призывая их подняться выше, приблизиться и заглянуть в сосредоточенные здесь чудеса и ужасы.

Над кострами в небе метались черные тени, источающие горький запах алхимикалий и священных благовоний. Подойдя ближе, Никс почувствовала, как эти ароматы поглотили ее,

стирая все вокруг. Ревущее пламя оглушило. Яркое зарево прогнало прочь все обступавшие тени, превратившись в одно сплошное сияние.

Казалось, окружающий мир исчез, оставив девушку парящей в свечении едкого дыма и потрескивающего пламени. «Пусть будет так». Понимая, что дальше идти некуда, Никс осталась между кострами, закончив свое отчаянное бегство.

Она повернулась к огню спиной, отказываясь трусливо прятаться.

В нескольких шагах за ревом пламени слышалось учащенное дыхание.

Бэрд.

– Если потребуется, я поволоку тебя за волосы! – угрожающе произнес он, подкрепляя свои слова сильным ударом трости по каменным плитам.

Никс услышала громкий треск, похожий на хруст ломающейся кости. На нее это произвело такое воздействие, будто Бэрд уничтожил ее старого друга.

Переполненная отчаянием и яростью, Никс подумала было о том, чтобы броситься в костер и тем самым даже сейчас лишит Бэрда удовольствия унижить ее. Однако ее воспитал отец, укрощавший буйволов, она росла рядом с братьями, которые никогда не сдавались. Девушка стиснула кулаки, готовая дорого продать свою честь.

Она словно услышала слова отца, сказанные на прощание: «Помни, Мать Снизу всегда наблюдает за тобой!» Сейчас ей, как никогда, хотелось верить, что это правда. Но надежды было мало. И все же Никс мысленно произнесла молитву, вкладывая в нее всю свою душу.

И ответ последовал.

Но только это была не Мать.

В тот момент когда Бэрд набросился на Никс, та почувствовала, как зашевелились волоски у нее на затылке. Затем она услышала пронзительный крик, разорвавший небо. Этот крик обрушился на нее, разлился волной по всему телу, сотрясая кости и зубы. После чего тело Никс вспыхнуло, словно факел. Почувствовав, как покрывается волдырями кожа, вскипают глаза, она предположила, что взмах огромных крыльев швырнул на нее языки пламени.

Невзирая на боль, девушка низко пригнулась.

Спереди до нее донесся крик – не зверя, а мальчика.

Оборвавшийся посередине.

Затем на нее налетело чье-то тело, сбивая ее с ног и опрокидывая навзничь между двумя кострами. Огонь у нее внутри тотчас же умер, словно загашенный придавившей ее массой. Понимая, что это Бэрд, Никс попыталась высвободиться.

Но тут хлынувшая кровь окропила ей шею и грудь. Она попыталась остановить поток – но ее пальцы наткнулись на растерзанную плоть, на обрубок шеи. Вскрикнув от ужаса, девушка лихорадочно ощупала Бэрда: у него отсутствовала голова, оторванная от туловища.

Неудержимо хлынули слезы.

Нем!..

Девушка попыталась выбраться из-под придавившего ее тела – но тут невидимая сила сняла его с нее и швырнула в алхимическое пламя. Лежа на спине, Никс приподнялась на локтях и, отталкиваясь ногами, поползла назад, укрываясь глубже между кострами. Слева от нее в огне шипела и дымилась человеческая плоть.

Нем!..

В ярком пятне сдвоенного пламени перед Никс возник темный силуэт. Кто-то схватил ее левую ногу, прижимая к полу. Огромная фигура нависла над ней. Костлявые пальцы воткнулись в живот, другая лапа схватила ее за правое плечо. Однажды Никс оказалась под копытами взбесившейся здоровенной буйволицы. Существо, придавившее ее сейчас, было многократно тяжелее, его действия были целенаправленными.

Нем!..

Черная тень полностью закрыла Никс крылом и туловищем, окутав мраком. Лицо обдало горячим дыханием, полным смрада свежей плоти и крови. Влажные ноздри обнюхали девушку от макушки до шеи и остановились там.

Нем!..

Никс ощутила, как шершавые губы раздвинулись – затем в нежную плоть ее шеи погрузились ледяные кинжалы.

Нем!..

Клык проникли глубже, вызвав вспышку острой боли, за которой последовало холодное онемение. Морда давила, не давая дышать. Леденящий холод разливался по всему телу, разносимый кровеносной системой.

И тут сквозь рев пламени послышались крики.

Девятая терраса наконец пробудилась, заметив нападение грозного врага.

Тяжелая туша, придавившая Никс, рванула прочь, сокрушая девушку еще сильнее, затем на какое-то мгновение подняла ее в воздух, прежде чем окончательно отпустить. Никс рухнула на каменные плиты. Распростертая навзничь, она ощутила взмахи тяжелых крыльев, жар пламени от костров. Клубящийся дым принес запахи сладких благовоний и горелой плоти.

Лежа на спине, девушка вновь испытала необъяснимое мимолетное ощущение того, будто она смотрит вверх на небо и в то же время вниз на свое тело.

И тотчас же оно прошло.

Осталось только биение сердца.

Никс с ужасом следила за замедляющимися ударами.

Нем!..

Она старалась держаться, усилием воли заставить сердце сократиться еще раз.

Но тут из темных глубин поднялся новый звук, мешая ей сосредоточиться. Голова заполнилась криками и воплями – сотнями, потом тысячами, их становилось все больше и больше. Земля под ней затряслась, затем судорожно вздрогнула. Все завершилось громоподобным треском, и Никс почувствовала себя истерзанной и опустошенной. И потом осталась только жуткая тишина, настолько полная, что ничего подобного она никогда прежде не слышала.

Если бы Никс могла, она бы расплакалась.

И только тут до нее дошла правда.

Она поняла, что означает эта полная тишина.

Ее сердце остановилось.

Часть вторая

Ходячее изваяние

*Бей киркой,
Кроши породу,
В твердь вгрызайся,
Жилу режь,
Чтобы каменному сердцу
Дать живительную брешь.*

Старая песня рудокопов

Глава 4

Райф остался в живых только потому, что его мочевой пузырь был переполнен.

Единственным предупреждением об опасности стало облачко пыли, повисшее в воздухе над известняковым полом штрека. Райфу хотелось бы приписать это необычное явление силе и ярости струи, бьющей из него в стену. Но он сразу же понял, что случилось. Страх мгновенно остановил струю и заставил его упасть на четвереньки. Райф уперся рукой в здоровенную глыбу, за которой он укрылся, чтобы справить нужду. Камень задрожал под его ладонью.

Он бросил взгляд на масляную лампу, подвешенную к кожаному поясу. Огонек колыхался и трясся за матовым стеклом.

У Райфа стиснуло грудь от ужаса.

В глубине штрека другие заключенные вопили и кричали, громыхая цепями в попытке бежать. Но было уже слишком поздно. Камень зловеще застонал под неудержимым напором – затем раздался оглушительный грохот. Земля взметнулась, подбрасывая Райфа в воздух. Каменная глыба рядом с ним подлетела высоко вверх, отскочила от свода и рухнула на пол, уже испещренный трещинами.

Райф упал, больно ударившись копчиком, и пополз назад, прочь из рушащегося штрека. Лампа, к счастью, уцелевшая, болталась на поясе. Впереди большой кусок свода обвалился, разлетаясь на мелкие куски. Новые трещины, разбегающиеся по своду, стенам и полу, гнали Райфа вперед.

В воздухе кружилось удушливое черное облако, насыщенное песком и известью.

Райф закашлял, чтобы не захлебнуться в этом плотном облаке. Поспешно перекатившись на живот, он поднялся на ноги и побежал прочь. Мерцающий огонек у него на бедре был похож на одинокого светлячка, затерявшегося во мраке подземелья. Слабый свет не мог проникнуть сквозь плотную пелену пыли. И все же Райф бежал вперед, выставив перед собой руки. Кандалы на ногах гремели в такт его шагам, металлическим лязгом подыгрывая его отчаянию.

В спешке Райф задел бедром за выступ в стене. Его развернуло, и стекло лампы у него на поясе разбилось. Осколки вспороли грубую ткань портков и впились в ногу. Поморщившись от боли, Райф замедлил бег, старательно заботясь о том, чтобы не погасла лампа. Только у надзирателя был кремень, чтобы снова зажечь погасший огонек.

«Этого не должно случиться!..»

Райфу доводилось видеть других каторжников, наказанных темнотой. Бедолаг спускали без лампы в колодец и оставляли там на несколько дней. Нередко на поверхность они поднимались уже сломленными, обезумевшими. Этому Райф боялся больше всего: вечного мрака без

конца. Да и как могло быть иначе? Все свои три десятка лет Райф прожил в землях Гулд'Гул на восточной окраине Венца, на границе выжженного солнцем мира, где никогда не наступает ночь и земля представляет собой песчаную пустыню, в которой обитают лишь омерзительные твари, а также племена дикарей, влачащих жалкое существование. Прожив всю свою жизнь под солнцем Гулд'Гула, Райф воспринимал ночь как выдумку, темноту, внушающую страх.

Кое-как выбравшись из облака пыли, Райф наконец остановился. Открепив от пояса лампу, он поднял ее вверх – осторожно, опасаясь, что от резкой встряски погаснет огонек на кончике опущенного в масло фитиля.

– Ты только не вздумай погаснуть! – предупредил он мерцающее пламя.

Глядя на оседающую пыль, Райф прислушался к успокоившейся земле позади. Сердце у него в груди также стало стучать тише. Он осмотрел подземный проход. Обвал закончился в ста шагах от него, полностью перегородив штрек. Со сводов продолжали осыпаться мелкие камешки. С громким треском сломалась деревянная подпорка, отчего Райф испуганно отскочил назад.

И все-таки, похоже, худшее осталось позади.

«Но что дальше?»

Райф громко чихнул, напугав себя, затем повернулся и огляделся вокруг. Этот уровень каменоломен был ему незнаком, хотя он наслушался рассказов о нем. Некоторое время назад его и десяток других каторжников подняли с соломенных подстилок в подземной темнице и под угрозой батога отвели сюда, в этот отдаленный конец известнякового штрека. Здесь их спустили вниз на конопляных веревках, привязанных к пустой вагонетке, с помощью лебедки, приводимой в движение могучими буйволами где-то за входом в шахту. Говорили, что эта часть каменоломен давно заброшена. Кто-то утверждал, что штольни и штреки иссякли столетия назад, но большинство верили, что это место проклятое, здесь обитают злые духи и злобные ведьмы.

Райф не придавал особой веры этим рассказам. Он знал, что кое-кто из рудокопов запикивает хлебные корки в трещины в камне; надзиратели так же в точности поступали с монетами, по большей части с медными пинчами, но иногда и с серебряными эйри. И все это для того, чтобы ублажить духов.

Но только не Райф.

У себя на родине, в глухих переулках Наковальни, он научился доверять только тому, что можно потрогать своими руками или увидеть собственными глазами. Он не признавал рассказы о богах, призраках и привидениях. Живя в Наковальне, Райф усвоил, что в мире и так достаточно того, чего нужно бояться. Ночами в Наковальне разбоем и грабежами занимались не какие-то там привидения, а живые люди из плоти и крови, пытающиеся стянуть чужое.

Впрочем, как правило, именно Райф и был одним из них.

Наковальня была главным портовым городом Гулд'Гула. Она вытянулась вдоль берега моря, убогая дыра, каких еще поискать. Город головорезов и бандитов всех мастей. Он потел и испражнялся подобно живому существу, весь пораженный развратом, заразой и гнилью. Независимо от времен года, в бурю и хорошую погоду, Наковальня никогда не менялась. Ее бухта постоянно пестрела парусами сотни кораблей, в кабаках продолжалась непрерывная гулянка.

Жители города горько шутили, что в Наковальне никто не *живет*; здесь только *выживают*.

Райф вздохнул.

«Как я по ней соскучился...»

Хотя у него не было никакой надежды снова увидеть родной город. Гильдия воров предала его, и он оказался в сотне лиг к югу, осужденный провести остаток дней погребенным в каменоломнях. Он перешел дорогу другому вору, мастеру гильдии Ллире хи Марч, и за это его наказали. Райф находил наказание несоразмерным проступку, краже какой-то мелочовки

у бывшего возлюбленного Ллиры, архишерифа Наковальни. Добыча была уж слишком соблазнительной, да и Ллира не относилась к тем, кто долго терпит одного ухажера, не говоря уже о верности. На самом деле сам Райф не раз делил с ней теплое ложе.

Он покачал головой.

Даже сейчас Райф оставался в полном недоумении. Он подозревал, что за таким суровым наказанием скрывалось нечто такое, во что он не был посвящен.

«Неважно, я жив».

Но где он находится?

Когда пыль улеглась, оставив лишь висящую в воздухе дымку, Райф засунул свободную руку в потайной карман, пришитый изнутри к порткам. Он достал путевод, который стащил у надзирателя, присматривавшего за другим отрядом, и тотчас же спрятал. В пропаже обвинили других заключенных, которые лишились каждый по пальцу. Прекратилось это только тогда, когда кто-то взял вину на себя, чтобы прекратить мучения, и сказал, что будто бы испугался и выбросил добычу в нужник. Копаться в дерьме никому не захотелось.

Райф поднес путевод к дрожащему огоньку. Полоска самородного магнитного железа колебалась из стороны в сторону, не желая остановиться. *Странно*. Райф украл путевод в смутной надежде когда-нибудь совершить побег. Хотя, если честно, на самом деле он просто увидел возможность что-то спереть – и не смог устоять. Проведя погребенным в каменоломнях почти два года, Райф мог думать только о свободе. И путевод мог тут оказаться полезным. Райф рассудил, что, если ему когда-нибудь представится случай бежать от бдительного ока надзирателя и укрыться где-нибудь в заброшенной части каменоломен, такой инструмент поможет определить правильное направление.

Как это было сейчас.

Дойдя до разветвления штреков, Райф остановился и описал на месте круг, стараясь определить, как ему быть дальше. Он мечтал о свободе, но притом также очень ценил свою шкуру. Если это будет означать жизнь, он с радостью вернется к кнуту и дубинкам. Бегство ценой собственной жизни не рассматривалось.

В конце концов Райф остановился на одном из штреков, выбрав его только потому, что магнитная полоска там вроде бы колебалась меньше.

– Сойдет.

* * *

Через несколько сотен шагов Райф окончательно заблудился.

Ему начало казаться, будто он ходит кругами, медленно спускаясь вниз, словно направляясь к своей собственной могиле. Что же касается путевода, тот только сбивал его с толку. Полоска теперь непрерывно крутилась, словно издеваясь над ним.

«Может быть, это место проклятое...»

Близкий к отчаянию, Райф свернул в другой штрек. Сердце гулко стучало. Масла в лампе оставалось в лучшем случае на полдня. Райф напрягал слух, стараясь уловить характерные звуки забоя: команды надзирателей, стук кирок, крики заключенных, получивших удар плетью. Но он слышал лишь свое собственное учащенное дыхание да срывающиеся изредка с уст приглушенные ругательства.

Ему приходилось пригибаться, чтобы не задевать головой о низкие своды – что само по себе было утомительно. Подобно всем жителям Гулд'Гула, Райф был кривоногий и твердоголовый во всех смыслах. Казалось, палящее солнце высушило их, не давая набраться росту, оставляя невысокими и коренастыми, что, пожалуй, было и к лучшему для работы в тысячах каменоломен и рудников, раскинувшихся вдоль всего побережья Гулд'Гула, от каменного Мертвого леса на севере до бескрайних южных Пустошей.

Проведя ладонью по стене, Райф нащупал в известняке трещины. Здесь деревянные подпорки давно превратились в камень, затвердев за многие столетия в богатом минералами воздухе. По мере того как Райф продвигался дальше, трещины увеличивались числом и становились шире.

Подняв голову, он увидел, что свод также покрыт трещинами.

Отвлечшись, Райф споткнулся о груды камней и упал. Он едва не разбил путевод, но вовремя ухватился за стену другой рукой. Лампа на поясе резко качнулась. Райф затаил дыхание, испугавшись, что пламя погаснет.

Огонек судорожно затрепетал, но не погас.

Райф осмотрел камни на полу. Их края были острыми, а пролом в своде указывал на то, что они только что отломились оттуда. Если у Райфа и оставались какие-то сомнения относительно того, что он ходил кругами, теперь доказательства были налицо.

– О боги, – пробормотал он, – я вернулся напрямик под тот участок, где произошел обвал!

Ладно.

Он двинулся вперед по сужающемуся проходу, но шагов через сто обнаружил, что тот превращается в крутой откос, заваленный острыми камнями и толстым слоем песка. Райф сверился с путеводом. Магнитная полоска по-прежнему указывала вперед, прямо на опасную осыпь.

Он в отчаянии стиснул устройство.

– Клянусь своей задницей, я здесь застрял!

Охваченный не столько страхом, сколько раздражением, Райф в злости махнул рукой. От этого резкого движения слабый огонек в лампе на бедре погас. Вокруг сомкнулся непроницаемый мрак.

«Нет, нет, нет!...»

Темнота заставила Райфа опуститься на корточки, затем встать на четвереньки. Его охватила дрожь. Крепко зажмурившись, он затем снова открыл глаза, пытаясь что-либо разглядеть, отказываясь принять свою участь.

– Только не так! – пробормотал Райф.

Перевернувшись на задницу, он подобрал к груди колени.

Хоть и безбожник, Райф помолился всему пантеону. Матери Снизу и Отцу Сверху, серебристому Сыну и сумрачной Дочери, окутанному саваном Модрону и ясной Белль, гиганту Пивллу, держащему небосвод, и Нефине, скрывающейся в глубинах Урта. Райф молился, не забывая никого, упоминая каждого. Запинаясь, он произносил полузабытые молитвы, усвоенные еще на коленях у своей матери.

И тут, словно его услышали, впереди появилось слабое сияние. Райф потер кулаками слезящиеся от напряжения глаза. Сначала ему показалось, что это лишь видение, порожденное его страхом. Но сияние не исчезало. Возможно, оно присутствовало всегда.

Райф поднялся на четвереньки и пополз вперед. Добравшись до края осыпи, он задел рукой камень, покотившийся вниз по склону. Сияние, слабая перламутровая голубизна, поднималось снизу. Райф не знал, чем оно порождается. Имело значение только то, что это был безопасный приют в темноте, горящий огнями порт, в котором можно было укрыться от черного шторма.

Гремя кандалами, Райф опустил ноги и, стиснув зубы, начал сползать вниз по крутому склону. Спуск был опасный, коварный.

И все же...

«Все что угодно будет лучше этого адского мрака».

Глава 5

Окровавленный, весь в ссадинах, Райф наконец сполз до конца осыпи. И остановился перед внушительной глыбой черной серы, укрепившись на заскорузлых пятках. В десять раз выше его, глыба торчала из белого известняка подобно плавнику чудовищной акулы Фелл.

Свечение исходило из-за глыбы.

Сглотнув страх, Райф смахнул прилипшие к мокрому от пота лбу пряди волос и заправил их под фетровую шапочку, защищавшую голову. Настороженно пригнувшись, он постарался как мог подтянуть портки, сзади разорванные в клочья, и поправил короткий кожаный жилет, надетый поверх рубахи из грубой холстины.

Райф не знал, что ждет его впереди, но постарался подготовиться как можно лучше.

Внизу провал был заполнен едким зловонием, напоминающим запах жженой извести и масла. Райф делал неглубокие вдохи, опасаясь, что воздух может быть ядовитым. Ему доводилось видеть, как рудокопы, спустившиеся в глубокую штольню, где еще накануне было безопасно, теряли сознание и даже умирали, отравившись испортившимся воздухом.

Сделав несколько вдохов и выдохов и не обнаружив ничего плохого, Райф двинулся дальше.

Осторожно обойдя вокруг выступающей глыбы серы, он выглянул из-за ее края. Ему пришлось несколько раз моргнуть, чтобы понять, что перед ним. Голая стена известняка впереди казалась разбитым зеркалом; трещины расходились во все стороны от расколотого медного яйца в ее основании. Судя по виду, яйцо лопнуло давным-давно, его неровные края успели почернеть от времени.

Свечение исходило из яйца.

Райф прищурился, однако с такого расстояния ничего не смог разглядеть.

– Просто подойти поближе и посмотреть, – произнес он вслух и тотчас же возразил себе: – А может быть, лучше не сто`ит.

Пожевав губу, Райф кивнул, принимая решение, и направился к таинственной загадке. С каждым шагом горелая горечь в воздухе усиливалась. Райф не отрывал взгляда от стены перед собой, пытаясь проникнуть сквозь трещины в темноту за ними. Тревога нарастала.

«А что, если в этом и кроется причина недавнего землетрясения, вызвавшего обвал?»

Если так, следовало опасаться того, что один неверный шаг может все обрушить. Райф замедлился, но не остановился. Любопытство влекло его вперед. Он не мог устоять перед желанием узнать истину. Или это, или возвращение в вечный мрак.

Поэтому Райф продолжал идти вперед.

Приблизившись к разбитому яйцу, он смог рассмотреть, что медная скорлупа, гладкая и без швов, имеет в толщину больше двух пядей. Наклонившись, Райф заметил что-то у края яйца. Прямо под ним лежал распростертый скелет, наполовину погребенный в известняке, словно утонувший в камне. Кости были не белыми или серовато-желтыми, а зелено-ватосиними. Райф догадался, что этот оттенок обусловлен не свечением, а какой-то алхимией минералов и пиритов, проникавших в кости на протяжении несчетных столетий.

Он обошел распростертого мертвеца, почтительно прикоснувшись пальцами ко лбу, губам и сердцу, чтобы не разбудить заточенную внутри душу, и приблизился к разорванному краю скорлупы, желая – нет, сгорая от желания узнать, что проливает в темноту такое сияние.

Пригнувшись, Райф просунул голову под медную притолоку, искореженную и обугленную, навстречу свечению. Увиденное заставило его застыть на месте.

«О боги!...»

Внутри скорлупа была из той же самой гладкой меди без швов, подобная стеклянному пузырю, который выдула подземная богиня Нефина. Ее внутренняя поверхность светилась от

сложной паутины стеклянных трубок и медных соединений. В трубках бурлила какая-то золотистая жидкость. Однако истинный источник света находился в дальнем конце, куда и вело все это хитросплетение. В сияющей стеклянной нише застыла фигура, похожая на сверкающего бронзового паука в центре своей паутины.

«Что это, бог или демон?»

Несмотря на охвативший его леденящий ужас, Райф не мог оторвать взгляда.

Фигура, отлитая из бронзы и такая же бесшовная, как и медная скорлупа, изображала женщину. Красивый овал ее лица обрамляли ровные пряди волос из той же самой бронзы. Конечности были длинные и изящные, скрещенные на животе руки прикрывали срамные места. Грудь, только обозначенные, добавляли красоты.

Это было творение искусного художника.

Но внимание Райфа привлекло выражение лица женщины. В ее закрытых глазах таилось скрытое изящество, в то время как полнота и форма губ говорили о глубокой печали, словно Райф уже успел каким-то образом разочаровать ее.

– Кто ты? – прошептал он.

У него за спиной раздался крик.

Вздрогнув, Райф огляделся по сторонам. Он был вором, поэтому первым его стремлением было спрятаться. И Райф последовал этому порыву. Поспешно выбравшись из скорлупы, он нырнул за грудку кусков известняка слева от нее. Камни оказались на удивление теплыми, даже горячими. Тем не менее Райф втиснулся между глыбой и стеной. Бросив взгляд на яйцо, он увидел, что известняк, обрамляющий скорлупу, почернел и обуглился. Райф прикоснулся к поверхности рукой. Его убежище находилось совсем рядом с яйцом, и он смог дотянуться до изгиба медной скорлупы. Его ладонь не ощутила исходящего от металла тепла. Райф осторожно прикоснулся к холодной меди кончиком пальца, затем всей рукой, подтверждая свою догадку.

«Сплошные странности».

Ладонью Райф ощутил слабую дрожь. Его внимание привлекли новые крики, донесшиеся сверху склона. Там проход озарился огнями двух десятков ламп и факелов. Прозвучали резкие команды. Огни начали спускаться по осыпи. Дрожь яйца под ладонью Райфа затихла. Даже слабое свечение погасло, сменившись темнотой.

Из своего укрытия Райф больше не мог заглянуть внутрь скорлупы.

Тем не менее он мысленно представил себе бронзовое изваяние в стеклянной нише. Райф готов был поклясться, что оно откликнулось на его голос, подняв веки. Он покачал головой, прогоняя из головы подобную чушь.

«Всего лишь игра света».

Плотной группой поисковый отряд спускался вниз по камнепаду. Пробыв столько времени в полумраке, Райф вынужден был шуриться, глядя на яркий свет их ламп и пылающих факелов. Сжавшись в комок, он забился в тень. Но все внимание, похоже, было приковано к яйцу. Никто не искал Райфа, беглого каторжника, как тот сперва опасался. В спешке эти люди не заметили красноречивые следы его пребывания.

Возглавляли шествие двое мускулистых надзирателей, облаченных в синие плащи с капюшонами, с короткими хлыстами на поясе. Они держали высоко над головой лампы. За ними двигалась горстка рабов-рудодокопов. Некоторые несли горящие факелы, но у всех за спиной были привязаны кирки и заступы.

Но именно при виде последнего члена группы Райф едва не вскрикнул от изумления. Расталкивая остальных, этот человек выдвинулся вперед. Он был значительно выше ростом и более худой, чем все остальные. Его серебристо-белые волосы, заплетенные в косички, были завязаны петлей у него на шее. Он был в длинной серой рясе с откинутым капюшоном. Его глаза обрамляла черная вытатуированная полоса. Говорили, это должно изображать повязку

на глазах, знак способности таких людей видеть то, к чему остальные были слепы. Его грудь была перехвачена наискось широким кожаным ремнем, утыканным железными заклепками, с нашитыми квадратными бляхами, каждая с высеченным на ней символом.

Райф распластался еще ниже.

Никто из закованных в кандалы рудокопов не смел даже поднять взгляд на этого человека.

Да и как такое было возможно?

Это был сам святой Исповедник.

«Не может быть!»

Райф лишь краем уха слышал слухи об этой тайной секте. Ее члены редко показывались на людях. Утверждалось, что возраст многих Исповедников – сто лет и больше, хотя тот, который сейчас стоял перед Райфом, на вид был старше его лишь на один-два десятка лет.

– Стойте здесь! – приказал Исповедник, приближаясь в одиночку к яйцу, погрузившемуся в темноту.

Надзиратели застыли по краям, а рудокопы испуганно переступали с ноги на ногу, гремя кандалами.

Исповедник вошел в скорлупу без лампы, светильника или факела. Однако внутри тотчас же вспыхнули странные огни. Прозвучало негромкое пение – затем раздался нечеловеческий пронзительный крик, от которого у Райфа заныли зубы. Все те, кто находился снаружи, отпрянули назад и заткнули уши.

Поскольку ладонь Райфа по-прежнему лежала на медной скорлупе, он ощутил, как металл на мгновение задрожал – после чего снова успокоился.

Из яйца появилось облачко белого дыма, наполненного едким запахом алхимикалий. Надзиратели и заключенные-рудокопы отпрянули назад. Из пелены появился Исповедник. Его лицо оставалось непроницаемым, однако на лбу высыпали бисеринки пота.

Он подошел к одному из надзирателей, в котором Райф теперь узнал главного маэструма каменоломен.

– Пусть твои люди извлекут изваяние из яйца и идут со мной. – Выделенные татуировкой глаза затвердели. – И пусть будут поосторожнее!

– Твоя воля для нас закон! – заверил его маэструм.

Прежде чем уйти, Исповедник шагнул к нему. Следующие его слова предназначались только для ушей маэструма, но Райф слышал их из своего укрытия.

– Потом не должно остаться никого из тех, кто узнал правду.

Исповедник бросил взгляд на скованных каторжников.

Склонив голову, маэструм положил руку на рукоятку кривого кинжала в ножнах на поясе.

– Все будет сделано как надо.

Райф забился в свою щель, сбитый с толку, но уверенный в одном.

«Меня не должно здесь быть!»

* * *

К тому времени как бронзовую богиню извлекли из разбитой скорлупы и втащили по ковальному камнепаду, колени у Райфа ныли от долгого сидения на корточках. Потребовалось шесть заключенных, по три с каждой стороны, чтобы поднять изваяние до входа в штрек. Исповедник шел рядом, маэструм замыкал шествие с хлыстом в руке.

Второй надзиратель остался внизу охранять медное яйцо и его тайны. Райф презрительно усмехнулся. Он слишком хорошо знал надзирателя Маскина, чей путевод и лежал в его кармане. Надзиратель получал огромное наслаждение, отсекая заключенным пальцы в наказание

за кражу и прижигая обрубки дымящейся головешкой. Заключенному, который в конце концов сознался – хотя на самом деле он оговорил себя, – Маскин перерезал горло.

Райф чувствовал в кармане тяжесть путевода. Хотя совершенная им кража повлекла за собой страдания других заключенных, он не чувствовал своей вины в их муках и смерти. Такое суровое наказание не соответствовало мелкому преступлению. *Даже здесь, в каменоломнях.* Райф по-прежнему хотел думать, что Маскин просто решит, что где-то забыл свой путевод или потерял его. Он никак не предполагал, что надзиратель станет с наслаждением причинять боль, клеймя тех, кто в его власти.

Из своего укрытия Райф проследил, как в штреке наверху исчезли огоньки, один за другим, и мир снова ужаснулся до одинокого пятнышка света от лампы Маскина на земле. Надзиратель расхаживал взад и вперед перед яйцом, определенно не радуясь тому, что его оставили здесь, особенно после того как вокруг сгустились тени. По его испуганным взглядам и тому, как он вздрагивал, услышав шорох осыпавшегося песка или стук упавшего камешка, чувствовалось, что Маскин не меньше Райфа страдает от темноты.

Райф дожидался своего шанса.

Ему не пришлось долго ждать.

Напряжение, охватившее надзирателя, передалось его мочевому пузырю. Характерными свидетельствами этого явилось нарастающее беспокойство: тот то и дело хватался за причинное место. Наконец Маскин выругался вслух и подошел к стене подальше от яйца. Кряхтя, он расстегнул штаны.

Дождавшись плеска струи и стога облегчения, Райф выскользнул из-за камней и со всей скрытностью, выработанной за долгие годы воровского ремесла, подкрался к надзирателю сзади. Ни разу не звякнув кандалами, он остановился за спиной у Маскина.

Его взгляд не отрывался от кинжала в ножнах на поясе у надзирателя.

«Надо поторопиться!» – подбадривал себя Райф.

И все же он медлил. Ему еще никогда не приходилось убивать человека. Однако он понимал, что сейчас только смерть Маскина принесет ему спасение. Нельзя было рисковать тем, что крик заставит остальных вернуться.

Сглотнув комок в горле, Райф протянул руку.

И как раз в этот момент у него за спиной раздался шорох. Ручеек камней скатился по осыпи. Вздвогнув, Маскин резко обернулся. Его струя шумно плеснулась, затем еще раз, когда он увидел стоящего за спиной Райфа.

Надзиратель потянулся за хлыстом, а Райф бросился к его кинжалу. Оба успели завладеть оружием. Маскин побагровел от ярости, его грудь вздулась, готовая издать крик. Райф понял, что нельзя терять ни мгновения. Проворный и стремительный, он набросился на своего противника. Маскин, все еще ошеломленный, попытался остановить его, но тщетно. Райф вонзил лезвие ему в горло. Острие вышло с противоположной стороны шеи.

Сделав свое дело, Райф отскочил назад.

Выронив хлыст, Маскин вскинул руки к торчащему в горле кинжалу и рухнул на колени. У него изо рта вырвался хрип, перешедший в кровавое бульканье. В выпученных глазах мелькнуло удивление, а также понимание того, что это конец.

Охваченный дрожью, Райф попятился назад.

– П... прости, – пробормотал он.

Хотя надзиратель заслужил столь суровую участь, Райфу было неприятно то, что именно ему пришлось совершить убийство. Ему несчетное число раз доводилось видеть смерть, но от его руки еще никто не умирал.

Он сделал еще один шаг назад.

Конец Маскина занял дольше времени, чем хотелось бы Райфу. Еще долго после того, как надзиратель повалился на бок, из раны вытекала кровь, собираясь в лужицу. Его грудь

вздыхалась и опускалась. Райф не моргая смотрел на умирающего до тех пор, пока с последним хриплым вздохом не прекратились все движения.

Он еще постоял, делая глубокие вдохи и выдохи, затем наконец приблизился к труп. Лежащий рядом голубоватый череп таращился на него своими пустыми глазницами. Райф снова прикоснулся кончиками пальцев ко лбу, губам, сердцу, на этот раз не столько чтобы оградиться от духов, сколько чтобы набраться решимости для предстоящего дела.

Смертью надзирателя Райф предопределил себе один-единственный путь.

«Бежать или принять еще более страшную смерть, чем Маскин».

– Что ж, за работу, – прошептал он.

Быстро обыскав труп Маскина, Райф нашел ключ от кандалов. Поскольку рудокопов постоянно переводили из одного отряда в другой, все замки были одинаковые. И все же Райф облегченно вздохнул, когда кандалы спали с его ног. Он почувствовал себя на сто камней легче.

Ободренный, Райф снял с Маскина синий плащ и водой из бурдюка как мог сполоснул кровь. Удовлетворившись, он передел мертвеца в свою одежду и натянул на ноги его короткие сапоги, чтобы скрыть покрытые ссадинами щиколотки.

В последнюю очередь Райф опоясался широким ремнем и закрепил на нем хлыст и кинжал. Оглядев себя еще раз, он накинул на голову капюшон, скрывая свое лицо.

Райф уже собирался взять с земли лампу, но тут спохватился.

Вернувшись к труп, он порывался в своей одежде и выудил из потайного кармана путевод. Райф уже собирался вернуть прибор в тот самый карман, из которого недавно его стащил, как вдруг заметил, что магнитная полоска больше не указывает на яйцо. Теперь она развернулась в противоположную сторону, к штреку, куда уволокли бронзовую женщину.

«Странно».

Райф двинулся в том же направлении, осторожно поднимаясь по камнепаду.

Добравшись до штрека, он пошел по следу, оставленному босыми ногами и сапогами. След был очень заметен. Райф не сомневался в том, что этот путь в конечном счете приведет его в каменоломни. И тем не менее он не торопился, не собираясь настигнуть остальных. Райф был уверен в том, что как только сориентируется и определит свое местонахождение, он сможет найти другую дорогу к выходу. Переодетый, скрывающий свое лицо, он сделает все возможное, чтобы выбраться из каменоломен и бежать.

Если же он потерпит неудачу, это будет означать неминуемую смерть – причем гораздо более страшную, чем та, что принял Маскин. Как и все заключенные, Райф знал, какое наказание бывает за попытку к бегству. Еще когда его только впервые приволокли в каменоломни Мела, он обратил внимание на вереницу насаженных на колья разложившихся трупов, исклеванных птицами, тянущуюся вдоль входа в каменоломни.

Это воспоминание заставило Райфа ускорить шаг. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы не торопиться. Надзиратели, полновластные хозяева каменоломен, никогда не торопятся. И сейчас явно не время для спешки. Даже несмотря на переодевание, для успешного бегства ему потребуются скрытность и ловкость.

Идя по штрекам, Райф представлял себе свободу и всё вытекающее из нее – однако у него перед глазами то и дело непрощено возникало строгое лицо бронзовой богини.

– Не моя забота, – вслух произнес он.

Но в глубине души подозревал, что это не так.

Глава 6

Райф еще никогда так не радовался, услышав свист кнута.

Затем последовал проникнутый болью крик, раскатившийся отголосками в темноте штрека. Это означало, что Райф приблизился к каменоломням. Он проверил украденную одежду и опустил капюшон ниже.

«Наконец...»

Он шел по следу остальных на протяжении по крайней мере двух колоколов. По его прикидкам, близилось время последней трапезы. Обыкновенно еда состояла из кишашей червями похлебки, черствого хлеба и, может быть, кусочка жесткого сыра или иногда дынной корки, оставшейся от кормления буйволов. И тем не менее пустой желудок Райфа протестующе урчал, лишенный этой скудной пищи.

– Тише! – прошептал он. – Я наполню тебя позже.

В качестве дополнительной предосторожности Райф убрал фитиль масляного светильника, оставив лишь крохотный трепещущий огонек. Вокруг плотнее сгустились тени. Райф понимал, что ему нужно поторопиться.

Если действительно подошло время последней трапезы, это означало, что сотни надзирателей скоро начнут сгонять своих подопечных в застенки, после чего поднимутся наверх, оставив под землей лишь горстку тех, кто будет присматривать за каменоломнями.

Райф намеревался покинуть подземелье вместе с ними.

Он по-прежнему шел по следу, огибающему оживленное сердце каменоломен. Определенно, Исповедник не хотел привлекать внимание к тайне, извлеченной из медного яйца.

Пока что Райф мыслил так же.

Грохот и скрежет каменоломен усиливались. Вскоре со всех сторон уже доносился непрерывный стук кирки, неровный, режущий слух, прерываемый резкими командами и грубым смехом. И все это накладывалось на какофонию скрипа колес по железным мосткам и пронзительных свистков, доносящихся из главных штолен, где поднимались наверх бады, полные мела и сурьмы, чтобы затем спуститься вниз пустыми.

Райф уже давно привык к этим звукам и замечал их не больше, чем биение своего сердца. Но не сейчас. Он напрягал слух, улавливая каждую ноту этого мрачного хора беспросветного отчаяния, выискивая в нем малейшие признаки того, что его обнаружили, а также определяя свое местоположение.

Райф был в достаточной степени уверен в том, что он понял, где находится. Его нос чуял запах горячей серы от плавильных костров наверху, что могло означать только непосредственную близость к главной штольне.

«Должно быть, я у цели».

Райф стиснул зубы. Труп Маскина мог быть обнаружен в любую минуту. Как только это произойдет, каменоломни огласятся звоном гонгов и все штреки будут перекрыты охраной. Затем спустят жутких филасозавров, и те пойдут по кровавому следу, обнюхивая землю растопыренными ноздрями, преследуя добычу.

«А именно меня».

Райф ощупал влажные места своего плаща. Кровь почти высохла, став неотличимой от синей материи. Однако острый нюх филасозавра это не обманет. Сознывая это, Райф не мог больше ждать.

«Сейчас или никогда».

Стиснув кулак, он покинул след, свернув в штрек, ведущий к сердцу каменоломен. Полностью сосредоточенный на краденном плаще, Райф повернул за угол и натолкнулся прямо на двух здоровенных надзирателей, шедших навстречу.

Вздрыгнув от неожиданности, он отпрянул назад – но покрытые шрамом пальцы уже стиснули ему плечо. Уверенный в том, что его разоблачили, Райф застыл, опустив голову.

– Ты идешь с нами, – сказал надзиратель, увлекая Райфа за собой.

Не смея сопротивляться, тот предпринял робкую попытку.

– Я... я уже запер свой отряд и направлялся наверх.

– Это подождет, – сказал второй надзиратель. – Работа еще не закончена.

Его напарник отпустил Райфа, предлагая тому следовать за ними. Райф подчинился, но отстал на несколько шагов. Через несколько мгновений он снова очутился в штрече, который только что покинул.

«Похоже, мне суждено пройти по этому пути».

Надзиратели, не больше Райфа довольные дополнительной работой, ворчали между собой.

– Как ты думаешь, Граль, что это за шум?

Верзила пожал здоровенными плечами.

– Лучше не проявлять слишком много любопытства, Беррил.

Райф пожалел о том, что сам прежде не прислушался к этой мудрости.

– Говорят, тут замешаны Исповедники, а? – склонился к своему напарнику Беррил.

– Что я тебе только что сказал? – нахмурился тот.

Они были похожи на родных братьев – оба черноволосые, с толстыми носами, мясистыми губами и глазами, сощуренными от долгих лет бесконечного солнца, отражающегося ослепительными бликами от песка и скал. Лишь паутины шрамов, которыми были иссечены их лица, были у них разные.

Мать Райфа родилась и выросла за морем, в высокогорных лесах Приоблачья. Он ее помнил смутно. Она была стройная, светловолосая, с бледной кожей, нисколько не похожая на обитателей Гулд'Гула, со смуглой кожей, опаленной солнцем, коренастых, массивных. От такого смещения кровей Райф оказался выше ростом и стройнее большинства местных жителей. У него были рыжеватые светлые волосы, черты лица смотрелись не так грубо. Что лучше всего, он унаследовал от матери прирожденный дар ловкости, быстроты и умения сохранять равновесие. Вот почему его уже в юном возрасте с готовностью приняли в гильдию воров. «Скользкий, словно смазанный маслом угорь», – как-то раз сказала про него Ллира, подразумевая и его тело, и мастерство.

– А теперь молчи, – предупредил Граль, толкнув Райфа в бок и указав вперед.

Здоровенные туши надзирателей загораживали ему вид. Он услышал доносящиеся из глубины штреча голоса. Среди них выделялись негромкие интонации Исповедника, которому вторил подбострастный поддакивающий голос маэструма каменоломен.

Райф внутренне сжался.

«Никак не получается отделаться от этих проклятых каторжников».

– Эй вы, двое, – окликнул надзирателей маэструм, – отведите этот сброд в карцер наверху и ждите меня там.

Грохот и звон цепей возвестил о присутствии обреченных рудокопов. Райф вспомнил произнесенные шепотом слова Исповедника, руку маэструма на рукоятке кинжала. Ему захотелось закричать, предостерегая несчастных, но что это дало бы?

«Меня лишь убьют заодно с ними».

Послушно рывкнув в ответ, Граль и Беррил поспешили вперед, открывая Райфа взглядам маэструма и Исповедника. Беглый каторжник низко склонил голову, что было совершенно естественно в присутствии святого, достигшего статуса Высшего Прозрения как в алхимии, так и в религии.

Даже братья-надзиратели поспешили пройти мимо, не поднимая взглядов.

– А ты поможешь мне с этим, – повернувшись к Райфу, повелительным тоном произнес маэструм.

Исповедник склонился над бронзовым изваянием, уложенным на тележку. Он поднес ладони к позолоченной фигуре, не прикасаясь к ней, словно грея их над огнем.

Наконец Исповедник выпрямился и обернулся, показывая черную татуировку вокруг глаз.

– Следуй за мной, – приказал он, сворачивая в боковой проход. – А ты будь настороже, маэструм Киль!

Понимая, что он не может отказаться, не привлекая к себе внимания, Райф поспешил к нему. У тележки были ручки спереди и сзади. Киль взялся за ту, что сзади. Не дожидаясь приглашения, Райф обогнул тележку и взялся за другую.

Они покатали тележку в проход, Райф тянул, а Киль толкал.

* * *

Они двигались следом за Исповедником. Через какое-то время Райф поймал себя на том, что то и дело оборачивается на бронзовое изваяние. Он изучал его блестящую поверхность, полностью лишенную налета. Изящные гладкие формы вызывали у него благоговейное восхищение. Его взгляд непроизвольно снова и снова возвращался к лицу. Райф хорошо запомнил застывшее на нем выражение спокойствия, однако сейчас, под некоторым углом, лицо уже не казалось ему таким умиротворенным. И полные губы были уже поджаты. Райф склонял голову туда и сюда, разглядывая глаза. Ему запомнилось, что веки как бы начали подниматься, однако сейчас глаза были закрыты, даже зажмурены.

Райф заметил более мелкие подробности. Тонкие волоски из более темной бронзы изображали изящные ресницы. Даже волосы женщины – как ему сперва показалось, сплошные пряди – в действительности состояли из сложного переплетения тончайших бронзовых волосков.

Райф не мог этого понять.

«К чему такие подробности?»

Тележка подпрыгнула, наехав на неровность на полу, прервав его размышления.

– Осторожнее! – прикрикнул Киль. – Если с ней что-нибудь случится, я с тебя шкуру спущу!

Пробормотав слова раскаяния, Райф сосредоточился на дороге впереди, стараясь не отставать от облаченного в рясу Исповедника. Он катил тележку как можно более плавно. Лишь только сейчас до него дошло, что он снова заблудился. Исповедник углублялся в лабиринт все более узких проходов. Райф даже не подозревал о существовании этой части каменоломен.

Белый известняк стен и свода сменился черным камнем, похожим на стекло, на котором не было следов от кирок и молотков. Проход казался не вырытым, а выжженным.

«Где мы?»

Райф рискнул оглянуться на Киля. Даже маэструм, похоже, пребывал в растерянности; он нервно оглядывался по сторонам, словно также впервые оказался здесь.

Наконец Исповедник привел их туда, где проход заканчивался бронзовой дверью. Инкрустированные в ее поверхность черные бриллианты образовывали свернувшегося аспида, увенчанного шипами. Всем был известен этот зловещий знак: рогатая гадюка, печать бога тьмы Дрейка.

Райф с опаской взглянул на Исповедника. Тот распахнул массивную дверь. Хотя Исповедники в целом образовывали замкнутую группу избранных, ходили слухи, что внутри нее существовала особая секта под названием Ифлелены: ее члены занимались запретными искус-

ствами, древней магией и черными заклинаниями, а также еще более черной алхимией. Говорили, что Ифлелены поклоняются Дрейку, обозначая свои труды знаком рогатой гадюки. Перешептывались о кровавых ритуалах, человеческих жертвоприношениях, сожженных заживо людях и вызове демонов.

Райфу захотелось побежать и не останавливаться. Но он перехватил решительный взгляд Киля. Выражение лица маэструма не оставляло сомнений.

«Только шевельнись – и ты умрешь».

Распахнув дверь, Исповедник шагнул внутрь и подал знак следовать за собой.

– Поставьте изваяние посередине.

Райф замешкался, но Киль толкнул тележку, натываясь на него. Не имея выбора, Райф покатиł тележку через порог. Следующим помещением был круглый зал с куполообразной крышей. Все остекленевшие поверхности были отполированы в тысячеликое зеркало, отражающее всё, отчего у Райфа заболели глаза. Он словно шагнул в глаз овода.

Изображение еще больше усложняли черные фигуры, окружившие тележку. Их движения, многократно отраженные со всех сторон, вызвали у Райфа тошноту.

Он вынужден был отвести взгляд, сосредоточившись на тележке и изваянии. И все же краем глаза он увидел колышущиеся рясы и лица, пересеченные черной татуировкой.

«Опять Исповедники...»

Того, который привел сюда Райфа и маэструма, здесь встретили еще трое. Они быстро заговорили друг с другом на языке, который Райф не понимал. Остальные Исповедники были значительно старше, их морщинистые лица были усыпаны оспинами. У одного голова напоминала череп, обтянутый кожей.

Тут вперед шагнула еще одна фигура.

«Ну точно боги прокляли меня!»

Последним был черноволосый мужчина, высокий, с острым лицом, подбородок и щеки его скрывались под ухоженной и намащенной бородой. На поясе у него висел меч в ножнах, рукоятка которого была украшена бесценной диадемой из небесного железа.

Два года назад Райф пытался украсть этот клинок.

Опустив лицо, он ниже надвинул капюшон, гадая, узнает ли его архишериф Наковальни, однако рисковать было нельзя.

Только не здесь, только не сейчас.

«Что делает Лаах в Меле, в сотне лиг к югу от Наковальни?»

Ответом на этот вопрос явились следующие слова архишери́фа, подошедшего к тележке.

– Не понимаю, как эта проклятая вещь сможет изменить ход предстоящей войны?

Райф нахмурил скрытое капюшоном лицо. До того как по приговору суда попасть в каменоломни в Мел, он краем уха слышал о нарастающей напряженности между расположенным на севере королевством Халендия и Южным Клашем. Судя по всему, за последние два года положение дел изменилось к худшему.

– Потребуется дополнительные исследования, но мы уже выяснили... – попытался было ответить на вопрос Лааха один из Исповедников.

Его перебил тот, что привел Райфа сюда.

– Скеррен, лучше не высказывать наши предположения и догадки, – выразительным тоном произнес он. – Пока мы не узнаем больше.

У первого Исповедника глаза сузились в щелочки, но он почтительно склонил голову.

– Да, до тех пор пока мы не узнаем больше, – повторил Скеррен. – Ты совершенно прав, Врит.

Врит, несомненно, занимающий главенствующее положение среди братьев, повернулся к другому Исповеднику.

– Теперь, когда у нас есть подтверждение, приготовь все необходимое.

Второй Исповедник кивнул.

– Мы уже освятили кровожитницу. – Он кивнул на стоящего рядом Исповедника. – Принесем ее сюда.

– Очень хорошо.

Двое Исповедников направились к маленькой двери в глубине зала.

В ожидании их возвращения Врит обратился к архишерифу Лааху, однако его взгляд оставался прикован к изваянию.

– Семь дней назад мы заметили, что она пошевелилась. Вот что заставило нас собраться здесь.

– Почему меня не известили своевременно?

– Мы хотели сначала получить полную уверенность. И, как можешь видеть, ты прибыл в самый благоприятный момент. Когда ты вошел в каменоломни, произошло землетрясение. Возможно даже, твое присутствие сыграло судьбоносную роль. Если так, это позволяет предположить, что владыка Дрейк считает тебя человеком важным и достойным.

Лаах расправил плечи. Всем в Наковальне было известно, что архишериф обладал очень высоким самомнением и впитывал лесть подобно сухой земле. И тем не менее сейчас недовольный изгиб его губ показал, что он не слишком рад такой чести.

Все знают, что нет ничего хорошего в том, чтобы привлекать к себе взгляд мрачного божества.

Сглотнув комок в горле, Лаах указал на изваяние.

– Что вы собираетесь с ней сейчас сделать?

– Простое испытание. Чтобы проверить истинность древних рукописей.

– А затем?

– Подозреваю, нам придется подождать по крайней мере еще одну луну – а может быть, и вдвое дольше, чтобы узнать, есть ли у этого артефакта какая-либо ценность, помимо чисто ученой.

Дверь в дальнем конце снова открылась, и вернулись двое Исповедников, ведущих гиганта-гюна. Райф разинул рот при виде здорового раба, которому пришлось пригнуться, чтобы пройти в дверь. Лысый, со сморщенным лицом, гюн напоминал скорее камень, отративший ноги и руки. Он был совершенно голый, если не считать набедренной повязки. Под волосатым ковром на груди и ногах перекачивались могучие мышцы. Райфу редко доводилось встречать представителей этой народности, обитавшей в степях на севере Аглероларпока, страны далеко на западе. Гюнов, считавшихся недалекими тугодумами, обыкновенно использовали для самых тяжелых работ. Однако тело этого покрывала сотня клейм, символов древней алхимии повиновения и покорности.

Раб толкал перед собой тележку размерами вдвое больше вагонетки для перевозки руды. Над тележкой поднималось сложное сооружение из железа, бронзы и меди, похожее на маленькую копию сияющего города. Отдельные детали соединялись между собой затейливым переплетением медных трубок. По всему сооружению вращались зубчатые колеса, подчиняясь какому-то неведомому закону, приводимые в действие магией или алхимией.

В задней части тележки возвышался стеклянный цилиндр, наполненный бурлящим золотистым эликсиром. При виде ее Райф вспомнил жидкость, текущую из жуткого адского медного яйца. Но только здесь эликсир не обладал ни свечением, ни сиянием.

Гюн и двое Исповедников приблизились к остальной группе, и только теперь Райф разглядел то, что находилось в основании сооружения. Молодая женщина, еще девушка, лежала на спине, заключенная внутри чудовищного сооружения, словно она служила фундаментом этому мертвому городу. Однако самым страшным было даже не это.

Не в силах сдержаться, Райф ахнул и попятился назад. Однако никто не обратил на него внимания, особенно потому, что реакция Киля была такой же. Даже архишериф побледнел и непроизвольно вскинул руку к лицу.

Гюн подкатил тележку к бронзовому изваянию.

Райфу хотелось отвернуться, но его охватило отчаяние. У девушки в груди было вырезано окошко, открывающее бьющееся сердце и расправляющиеся и сжимающиеся легкие. Засунутая в рот трубка была подсоединена к раздувающимся кузнечным мехам.

Единственным свидетельством милосердия можно было считать то, что девушка, похоже, уже покинула этот мир: она была еще жива, но больше ничего не чувствовала. Ее остекленевшие глаза не мигая смотрели на купол. Привязанные члены не пытались бороться с железом и бронзой, удерживающими их на месте.

– Что... что это такое? – спросил Лаах, делая шаг вперед и отнимая руку от лица, словно мгновение ужаса миновало.

– Кровожитница, – объяснил Исповедник Врит. – Тебе необязательно понимать. Из непосвященных вне нашего круга мало кто это понимает. Но она станет испытанием, о котором я говорил.

Подойдя к высокому стеклянному цилиндру, Врит что-то с ним сделал. И тотчас же в золотистую жидкость потекла струйка мрака. Закрутившись спиралью, черная струйка рассеялась. Обнаженное сердце девушки забилось быстрее, словно в панике.

Присмотревшись к потемневшему цилиндру, Райф сообразил, что` загрязнило золотистый эликсир.

Кровь.

Закачанная в сосуд сердцем девушки.

Исповедники ждали, перешептываясь между собой на своем неведомом языке, время от времени указывая на девушку или склоняясь к ней, чтобы разглядеть получше. Прошло совсем немного времени, и удары сердца замедлились, перешли в легкую дрожь – и прекратились совсем. Сдувшиеся легкие сжались, погрузившись в разверзнутую грудь.

Врит кивнул, по-видимому, удовлетворенный. Подойдя к девушке, он вытащил у нее из рта трубку, подсоединенную к темному цилиндру. Повернувшись к изваянию, Врит с помощью Исповедника Скеррена подсоединил трубку к пупку бронзовой женщины.

После чего Врит кивнул своему напарнику, и тот потянул рычаг.

Со зловещим стоном цилиндр опустел, выливая эликсир по трубке в полный живот изваяния. Как только жидкость в сосуде закончилась, Врит выдернул трубку и бросил ее обратно на тележку. Все его внимание было приковано к изваянию.

– И что должно произойти? – спросил Лаах.

– Терпение! – прошептал Врит. – Сейчас увидим.

Райф затаил дыхание – и тут бронза озарилась мягким сиянием, настолько слабым, что заметил его, похоже, только он один. Остальные не выказали никакой реакции. Вздвогнув, Райф попятился было назад, но остановился, опасаясь привлечь к себе внимание.

Казалось, сияние нагрело бронзовое изваяние. Хотя сам металл оставался твердым и застывшим, отражения светильников на его поверхности задрожали и поплыли, разлагая белый свет в яркие алые, лазурно-синие и изумрудно-зеленые краски, подобные краскам масляной пленки, расплывающейся по воде.

Теперь уже и Исповедники не скрывали своего потрясения. Одни шагнули вперед, другие отступили назад.

Райф не двигался с места.

У него на глазах бронзовая рука, лежавшая на груди, распрямилась и поднялась.

Теперь уже все попятись назад, кроме Райфа. Он застыл в оцепенении, замороженный этим чудом. Значит, тогда ему не померещилось: эти глаза действительно открывались. Словно

пробужденные его воспоминаниями, бронзовые веки задрожали и поднялись, зажигаясь золотистым свечением.

«То был не обман зрения».

Бронзовая голова повернулась вбок.

Архишериф попятился прочь, словно стремясь бежать от взгляда изваяния. Поцеловав кончики пальцев, он потрогал себя за мочки ушей, ограждаясь от сил зла.

Райф не отрывал взгляда от бронзового изваяния, внезапно охваченный желанием узнать, что скрывается за этим золотым свечением. Однако этому не суждено было случиться. Свет в глазах погас, и веки снова сомкнулись. Рука безжизненно упала на грудь. Вся магия бесследно улетучилась. Даже радужные масляные переливы исчезли, оставив тусклую бронзу.

Какое-то мгновение никто не шевелился. Никто ничего не говорил.

– Что это было? – наконец срывающимся голосом спросил Лаах. – Какого демона вы поселили в эту оболочку?

– Не поселили, – поправил Врит. – *Разбудили*.

– Что вы хотите этим добиться? – настаивал архишериф.

Ответ Врита был наполнен черной жадой.

– Возможно, придется подождать одну-две луны, прежде чем мы это узнаем. И совершить несчетное количество кровавых жертвоприношений.

Оглянувшись на мертвую девушку, Райф поежился, радуясь тому, что его лицо скрыто капюшоном.

Недовольно нахмурившись, Лаах побледнел от ужаса.

– Я не смогу так долго оставаться в подземных глубинах Мела. Меня ждут дела в Наквальне.

– Вне всякого сомнения. Возвращайся к исполнению своих обязанностей и предоставь нам заниматься этим делом. Я отправлю почтовую ворону, чтобы держать тебя в курсе. Нам предстоит многое изучить.

– В таком случае я покидаю вас. – Развернувшись, архишериф нетвердым шагом направился к двери в глубине зала. Похоже, ему не терпелось поскорее покинуть это место.

Прищурившись, Райф проводил его взглядом.

«Эта дверь ведет к другому выходу из каменоломен, о котором почти никому не известно?»

Но прежде чем он успел обдумать эту мысль, Исповедник Скеррен обратился к Вриту.

– Я бы хотел осмотреть то место, где хранился артефакт. Возможно, это даст нам какие-либо мысли относительно того, в какую сторону двигаться дальше.

Остальные дружно поддержали его.

Даже Врит кивнул.

– Уверю вас, имеет смысл совершить это путешествие. Мне следовало поспешить раньше. А спешка – это бич познания.

Райф постарался сохранить свое лицо бесстрастным, однако ему стиснуло грудь. Представив себе медное яйцо и распростертый в луже крови труп у входа, он мысленно помолился о том, чтобы Исповедники отложили свой поход на другой день.

Однако следующими своими словами Врит разбил вдребезги его надежду.

– Я сейчас отведу вас туда. Мне самому не терпится изучить это место получше.

Он направился к главной двери, увлекая за собой остальных, в том числе и верзилу гюна. Врит задержался только для того, чтобы указать маэструму Килью:

– Позаботься о тех каторжниках. Они никому не должны рассказать о нашем открытии.

Кивнув, Киль собрался уходить.

– Будет исполнено.

Райф сделал было шаг к двери, но тем самым привлек внимание Врита.

– А ты остаешься здесь, – приказал Исповедник. – Охраняй зал. Никто не должен сюда войти!

Следуя примеру маэструма, Райф склонил голову.

– Будет... будет исполнено.

После чего остальные подошли к выходу, один за другим покинули зал и захлопнули за собой массивную бронзовую дверь.

Оставшись один, Райф повернулся к лежащему на тележке изваянию и остывающему телу несчастной девушки, принесенной в жертву. Свет его лампы, висящей на поясе, тысячекратно отразился в зеркальных гранях.

Райф приблизился к бронзовой женщине.

– Похоже, мне никак не удастся расстаться с тобой, – прошептал он.

Ему вспомнилось то, как магнитная полоска путевода привела его к изваянию, после чего продолжала указывать вслед ему, словно прикованная. Такое же в точности притяжение Райф ощущал у себя в груди. То ли все объяснялось простым любопытством, то ли тут было что-то более глубокое, но он чувствовал некую связь, словно огромные шестеренки, приводящие в движение небеса и Урт, повернулись, сводя их вместе.

Райф покачал головой, поражаясь подобным иллюзиям, особенно если учесть то, что он был лишь простым вором из Наковальни. Он прогнал прочь эти мысли. У него не было ни малейшего желания оставаться здесь. Время поджимало, и лучший путь для него – найти другой выход из каменоломен Мела, хотелось надеяться, через дверь в глубине зала, которой воспользовался архишериф Лаах.

И все-таки Райф приблизился к тележке.

Протянув руку, он прикоснулся к бронзовой руке, которая уже поднималась, подпитанная запретными алхимикалиями. На удивление, бронза оказалась теплой, но по-прежнему застывшей и твердой – отчего у него внутри все оборвалось.

«А ты чего ожидал, подлый каторжник?»

Отняв руку от изваяния, Райф развернулся к двери в глубине зала, понимая, что ему нужно поторопиться.

Но прежде чем он успел отойти, он ощутил прикосновение – после чего теплые пальцы сомкнулись у него на запястье.

Глава 7

Райф пришел в ужас от прикосновения бронзовых пальцев. Он попытался высвободиться – но пальцы только стиснулись еще сильнее. Райф попробовал снова, однако чем больше он дергал руку, тем крепче сжимались пальцы. Испугавшись, что это может закончиться сломанным запястьем, Райф прекратил попытки.

– Чего ты хочешь? – задыхаясь, спросил он у изваяния.

Бронзовая рука потеплела, металл, как это ни странно, стал мягче.

Сглотнув комок в горле, Райф огляделся по сторонам. Его взгляд остановился на двери, через которую он намеревался совершить бегство. Теперь, когда он был прикован к месту изваянием, дверь казалась бесконечно далеко. И в то же время вскоре должны были прозвучать гонги, возвещающие об обнаружении трупа надзирателя. Необходимо покинуть каменоломни до того, как по его следу пустят свору филасозавров.

– Отпусти! – взмолился Райф. – Мне нужно идти!

Поморщившись, он снова потянул руку, ожидая услышать хруст костей. Однако хватка бронзовых пальцев оставалась неизменной. Вот только отклик на его слова оказался значительно хуже.

Лежащая на тележке бронзовая женщина зашевелилась. Согнувшись в поясе, она поднялась прямо, хотя это получилось у нее только со второй попытки и ей пришлось опереться на другую руку. Голова качнулась к плечу, словно разминая затекшие мышцы, и бронзовые волосы задрожали, высвобождаясь, словно обыкновенная прядь.

Глаза, обрамленные длинными изящными ресницами, открылись.

Райф отпрянул назад, ожидая увидеть пламя проклятия. Но вместо этого он обнаружил, что на него смотрели глаза, похожие на его собственные, только остекленевшие, с лазурно-синими зрачками, которые, казалось, слегка светились – хотя последнее могло быть плодом его воображения. Взгляд изваяния отыскал его, скользнув по зажатой руке к лицу.

Бронзовая женщина с нескрываемым любопытством склонила голову набок. Ее рот открылся, обнажая белые зубы. Вторая рука поднялась и прикоснулась к губам, бронзовый лоб наморщился, став похож на загорелую кожу.

Райф отметил, что пальцы, удерживающие его руку, мягкие и теплые.

«Что за демон оживил это изваяние?»

Обьятый ужасом, он тем не менее не мог оторваться от того, как пробуждалась бронзовая женщина. Неужели до этого она притворялась, возможно, почувствовав злой умысел тех, кто собрался вокруг? Райф знал, что многие животные притворяются мертвыми, отгоняя хищников. Или же изваяние просто накапливало силы, подпитывало алхимикалиями огонь, который должен был полностью его пробудить?

Райф не мог это объяснить – но где-то в глубине души он чувствовал, что движения ожившего изваяния предназначались для него одного. Взгляд бронзовых глаз не отрывался от него, словно его оценивая.

Оторвав руку от губ, женщина медленно провела пальцами по своим бронзовым прядям, успевшим принять более темный оттенок. Затем, выгнув спину, отчего ее маленькие груди поднялись вверх, женщина скинула ноги с тележки на пол.

Райф отступил назад, насколько позволило держащее его за руку изваяние.

Встав, женщина пошатнулась. Райф посмотрел ей на ноги, на аккуратные ногти. Потеряв равновесие, женщина качнулась и начала заваливаться на него.

Райф попытался ее поймать, однако вес ее тела вынудил его присесть. Несмотря на то что изваяние ожило, оно по-прежнему оставалось тяжелым, как бронза. И все же Райфу уда-

лось подхватить женщину свободной рукой и помочь ей удержаться на ногах. Для этого ему пришлось полностью напрячь ноги и спину.

– Я тебя держу, – прошептал он.

Наконец женщина обрела равновесие и выпрямилась.

Райф изучил ее лицо. Много лет назад он побывал в Святом Кафедрале в Наковальне. Главный его неф¹ украшал величественный витраж, изображающий пантеон богов. И если лик Матери Снизу дышал любовью, лицо Дочери было твердым, как стекло, решительным и беспощадным. В руке она держала лук, а за спиной у нее висел колчан со стрелами. Иногда ее также называли Охотницей.

Райф окинул взглядом бронзовую фигуру, обнаженную, не знающую стыда. Ее лицо и тело – казалось, Дочь сошла на Урт и обрела материальное воплощение.

Но каким бы восхитительным ни было все это, время поджимало. Снова сглотнув комок в горле, Райф попробовал еще раз.

– Я должен идти.

Он направился к маленькой двери в глубине зала, пытаясь высвободить руку. Женщина не отпускала его. Вместо этого она последовала за ним.

Райф облегченно вздохнул.

«Пока что и так сойдет».

Он направился через зал, опасаясь, что бронзовая женщина в любой момент остановится и снова прикует его к месту. Он чувствовал, что ему необходимо заставить ее непрерывно двигаться, подобно камню, катящемуся вниз по склону. И все же Райф не торопился, опасаясь, что она может потерять равновесие. Следуя за ним, изваяние обводило взглядом вокруг, но выражение его лица оставалось непроницаемым.

Дойдя до двери, Райф обнаружил, что она не заперта. Распахнув ее настежь, он вместе с женщиной прошел в маленькое помещение, и тут же ему в нос ударил смрадный запах крови и внутренностей. Даже бронзовое изваяние отшатнулось назад.

Слева стоял каменный стол с оковами, залитый кровью. На полу, словно отброшенный за ненадобностью, лежал квадрат кожи, плоти и костей. Райф представил себе несчастную девушку, принесенную в жертву.

Бронзовая женщина шагнула было к окровавленным останкам, однако Райф удержал ее – точнее, учитывая ее значительный вес, по крайней мере, предложил так не делать.

– Нет, тут мы ничем не сможем помочь.

Бросив взгляд в другую сторону, он увидел брошенную одежду: поношенные кожаные сандалии, мешковатое коричневое платье и плащ, на котором заплаток было больше, чем собственно ткани.

«Должно быть, это вещи принесенной в жертву девушки».

Райф увлек свою бронзовую спутницу к грудe одежды.

– Тебе нужно одеться. Нехорошо будет предстать перед миром с голой задницей.

Нечего было и думать о том, чтобы незаметно улизнуть в сопровождении ходячего бронзового изваяния.

Женщина вопросительно склонила голову набок.

«Господи, женщина, неужели мне придется делать все самому?»

Райф красноречиво показал одной рукой, что нужно сделать, после чего начал натягивать на изваяние через голову платье. Наконец женщина поняла его намерения. Она отпустила руку Райфа, чтобы расправить платье до колен. После чего склонилась к плащу и на мгновение

¹ Нефы – части объема храма, пролегающие от линии центрального входа до линии алтарной преграды (если их несколько, идут параллельно, отграниченные той или иной системой колонн).

застыла в нерешительности. Но прежде чем Райф успел что-либо сказать, женщина надела плащ.

– Сандалии тоже, – предупредил Райф.

Здесь никто не ходил босиком, особенно по раскаленному, словно зола, песку, на котором за пару шагов пятки покрывались волдырями ожогов. В частности, именно поэтому каторжников держали без обуви – чтобы они не вздумали бежать. Райф задумчиво смерил изваяние взглядом. Он не знал, подействует ли жар на бронзу, но странная женщина, идущая босиком, определенно привлечет нежелательное внимание.

И только тут до него наконец дошло. Он посмотрел на свои пустые руки.

«Я свободен!»

Райф бросил взгляд на уходящий вперед проход. Пока женщина возилась с плащом, он шагнул в ту сторону. Если побежать, возможно, ему удастся от нее оторваться. Ускользнуть незаметно будет значительно проще без такой загадочной спутницы.

И все-таки Райф закрыл глаза, обреченно вздохнув, сознавая, что должен остаться.

«Ты просто каторжник!»

Открыв глаза, Райф повернулся к женщине, которой наконец удалось надеть плащ. Подойдя к ней, он набросил ей на голову капюшон, постаравшись скрыть ее неестественный вид. Райф посмотрел женщине в глаза, которые в тени капюшона действительно слабо светились. Выражение ее лица, как и все бронзовое тело, заметно смягчилось.

Женщина подняла руку. Райф ждал, что она снова его схватит, но она лишь провела тыльной стороной ладони по его щеке. От этого прикосновения по всему его телу разлилось тепло. Затем женщина опустила руку и нагнулась за сандалиями.

Райф помог ей их надеть, после чего еще раз окинул критическим взглядом.

– Если никто не будет присматриваться внимательнее... – пробормотал он, после чего мысленно добавил: «О чем я думаю?»

Пожав плечами, Райф направился в проход.

И в это мгновение вдалеке раздались громкие звенящие удары. Они становились громче, распространяясь по всем каменоломням.

Гонг.

Райф оглянулся на свою бронзовую спутницу.

«Мы опоздали!..»

* * *

Он отбросил всякую осторожность. У него не было времени на то, чтобы тщательно оценить маршрут. Он просто бежал, лишь оглядываясь время от времени, чтобы убедиться в том, что женщина следует за ним. Она от него не отставала. Ее глаза сияли в тени капюшона. В их взгляде не было страха, что сильно раздражало Райфа.

«О боги, один я бы уже давно выбрался отсюда!»

Звон гонгов гнал его вперед. Райф, как ему казалось, старался держаться главного прохода. Тут и там вбок отходили другие проходы, но они были меньше и, скорее всего, вели в тупик. По пути встречались и другие помещения, одни открытые, другие за наглухо запертыми дверями. Райф не обращал на них внимания – хотя, будучи вором, он гадал, какие сокровища могли храниться в этих лабиринтах Исповедников.

Единственным многообещающим знаком было то, что остекленевший черный камень снова сменился белым известняком с темными прожилками серы. Кроме того, проход постоянно поднимался. С каждой сотней шагов давление в ушах заметно уменьшалось. Учащенно дыша, Райф чувствовал, что воздух становится суше.

Наконец проход выровнялся и какое-то время шел прямо. Надеясь на лучшее, Райф ускориł бег. Впереди проход перегораживала закрытая дверь. Райф подбежал к ней, чувствуя, что у него вот-вот разорвется сердце.

Он опасался, что надзиратели уже заперли эту дверь, как они должны были запереть все выходы при звуках гонга. И все-таки ему хотелось надеяться, что они успели. Добежав до двери, Райф подергал запор. Тот не поддавался. Райф дернул сильнее, но тщетно.

«Уже заперли...»

Райф прижался лбом к укрепленному мощными гвоздями дереву, проклиная свою судьбу.

Но тут сильная рука отстранила его. Бронзовая женщина уперлась обеими руками в дверь, расставив ноги. Она напряглась, затем прижалась к двери плечом и надавила сильнее. Ее ноги, разорвав кожаные сандалии, глубоко погрузились в мягкий известняк.

Райф отступил назад.

«О боги!..»

Послышался металлический скрежет – бронзы или железа, Райф не мог сказать. Затем раздался громкий треск, и выломанная дверь распахнулась. В темноту прохода ворвался солнечный свет.

Райф прикрыл глаза рукой, защищаясь от ослепительного сияния. Шатаясь, он вышел из прохода.

– Быстрее! – поторопил он женщину, которая его спасла.

Однако до спасения еще было далеко.

Райф выбрался на открытое место и, прищуриваясь в ярком свете, огляделся по сторонам, стараясь сориентироваться. Повсюду слышались крики. Справа доносилось мычание буйволов. Со всех сторон звучал стук кирок по породе. Неподалеку промывальщики и сеятели весело пели, работая с лотками и ситами.

Через какое-то время к Райфу вернулось зрение, и он разглядел царящую наверху суматоху. За многочисленными входами в каменоломни раскинулся целый поселок. Шатры, деревянные конюшни, кузницы, литейные мастерские и публичные дома теснились среди высоких отвалов пустой породы. По хитросплетению дорог, за многие столетия под колесами превратившихся в камень, сновали телеги, запряженные буйволами. Повсюду работали люди: кочегары, плавильщики, сортировщики, плотники. Кто-то ездил верхом на лошадях или крепких аглероларпокских пони – редкое зрелище так далеко на восток; по слухам, пони здесь ценились на вес серебра.

Райф оглянулся на выломанную дверь и зияющий вход в подземелье. До ближайшей штольни было далеко. Похоже, никто не услышал громкий треск и не заметил появления беглецов.

«Очевидно, этот вход специально устроили подальше от любопытных глаз».

Тем лучше.

– Сюда, – указал Райф своей спутнице.

Он направился по тропе, огибающей поселок Мел. Ему хотелось оставаться за горами отвалов, укрываясь от обращенных в эту сторону взглядов. Райф торопился, однако всеми силами старался скрыть спешку, чтобы не выглядеть подозрительным. У него была четкая цель, и он намеревался ее достичь.

Шедшая рядом с ним женщина замедлила шаг, поднимая лицо к усыпанному облаками небу и яркому солнцу. Наконец она совсем остановилась и подставила палящим лучам и ладони.

– Нет времени пялиться по сторонам, – подойдя к ней, с укором произнес Райф.

Не обращая на него внимания, женщина стояла совершенно неподвижно, словно снова превратившись в изваяние. Райф был готов бросить ее, но ведь это она вызволила его из каме-

ноломен. Он отметил, что под солнечными лучами бронза ее лица и ладоней стала светлее, словно ее отполировали до блеска. А может быть, это ее благословил Отец, даровав жизненные силы.

И тут вдалеке послышалось характерное рычание.

Вздвигнув, Райф огляделся вокруг, ища, где укрыться.

Филасозавры!..

Прищурившись, он посмотрел в сторону поселка, где находился главный вход в каменоломни. Двое надзирателей вели на поводках каждый по три филасозавра. Все, кто находился поблизости, разбегались в стороны, позволяя видеть лучше. Надзиратели спустили с поводков четырех филасозавров, оставив каждый по одному.

Две пары чудовищ устремились в поселок. Каждое было ростом в четверть лошади и имело вдвое большую длину. Их гибкие полосатые тела извивались между строениями. Длинные хвосты заматали за ними след, наполняя воздух терпким запахом, в котором тонуло все остальное.

Кровь!..

Сначала один, затем другой зверь поднялись на задние лапы. Ноздри раздулись, открывая розовые пятна чувствительных рецепторов. Филасозавры обнюхивали воздух, улавливая тончайшие запахи. Раздалось торжествующее завывание. Затем еще одно. И еще.

Райф понял, что это означает.

Он схватил бронзовую женщину за плащ.

– Хватит! Мы должны уходить!

Оторвав взгляд от неба, женщина нашла глазами Райфа и едва заметно кивнула. Они побежали по каменистому песку. Райф вел свою спутницу между отвалами пустой породы, откуда уже давным-давно было отбито и отсеяно все ценное.

Рычание филасозавров преследовало беглецов, и Райфу казалось, что страшные звери приближаются. Обогнув очередной отвал, он всмотрелся вперед и напряг слух.

«Боги, пожалуйста, сделайте так, чтобы он еще не ушел!»

Райф бежал вперед, и вскоре до него донеслось пение, разливающееся по простирающимся до самого горизонта пустынным равнинам. Затем он услышал тяжелый скрип железных колес.

«Нет, нет, нет, нет!..»

Райф ускорил бег, хотя это, скорее всего, было уже бесполезно. Он наконец обогнул отвал, и его взору открылась обширная полоса песка. Впереди, где-то в четверти лиги, вытянулся длинный караван. Десяток скрепленных железными полосами деревянных повозок – доверху нагруженных серой, мелом и железной рудой, – установленных на огромные железные колеса, закрепленные на стальных рельсах. Рельсы начинались на соляных коях далеко на юге и тянулись на сотню лиг на север, до самой Наковальни. В конце дня караван совершал долгий путь до порта, чтобы на следующее утро вернуться за новым грузом.

Райф увидел, как караван подкатил к окраинам Мела.

Впереди по обеим сторонам от колеи шли два огромных пескокраба, привязанные цепями к головной повозке. Черные гиганты, облаченные в прочный панцирь, размерами вдвое превосходили повозки. Все восемь членистых конечностей заканчивались шипами, вонзавшись в каменистый песок. Спереди у крабов должны были быть похожие на косы клешни, но их отрубили давным-давно, еще когда животных только отловили в безлюдной глуши пустыни. Два пескокраба тащили десять здоровенных повозок. Здоровенные твари без труда могли опередить самую резвую лошадь. Однако сейчас они только тронулись, с трудом приводя в движение тяжелые повозки. Впрочем, скоро все это изменится.

На первой повозке сидел возникший, давным-давно работающий вместе с ними. Он напевал какую-то песню, подбадривая огромных животных, управляя ими, заставляя их двигаться.

В отличие от каторжан-рудоклопов пескокрабам не требовались кнуты и палки. Пение возникло проникало под панцирь, воздействуя на мозг. Райф этого не понимал; впрочем, он готов был поспорить, что мало кто это понимал. Подобный талант встречался редко и становился еще более редким. За свои услуги возникшие запрашивали хорошие деньги.

Сознавая тщетность своих усилий, Райф побежал вслед за удаляющимся караваном. Может быть, караван остановится, чтобы поправить груз, разложить его более равномерно. Но в первую очередь Райф бежал, поскольку сзади приближалось жуткое завывание.

Выбежав из-за отвала, он устремился через полосу открытого песка, не смея даже оглянуться.

Однако вереница повозок, вместо того чтобы остановиться, только ускорила.

И все-таки Райф бежал – и тут краем глаза заметил справа какое-то движение. Одинокий филасозавр, обогнув каменистую грудку, устремился наперерез ему. Морда его была покрыта пеной, сквозь которую блестели клыки. Ужасный зверь не убьет беглеца – такой конец был бы слишком милосердным. Нет, филасозавры были натасканы валить беглых каторжников на землю, перегрызая им сухожилия на ногах.

И дальше несчастного за его преступление сажали на кол, и тогда смерть становилась медленной и мучительной. Многие бедолаги умирали даже не от острого кола, разрывающего внутренности, а от стай стервятников и полчищ жгучих муравьев, которые пожирали их живьем, раздирая острыми как бритва клювами и огненными челюстями, под истошные вопли страдальца, извивающегося в агонии.

Несмотря на этот угрожающий образ, Райф поймал себя на том, что замедляет бег, истощенный долгим пребыванием в каменоломнях. Даже порожденный ужасом огонь у него в груди моргнул и погас.

И тут сильнейший удар в спину повалил его вперед.

Филасозавр!..

Райф распластался ничком на земле, ожидая почувствовать острые клыки, вгрызающиеся в плоть. Однако вместо этого сильная рука подхватила его под пояс и поставила на ноги. Значит, это был не филасозавр. Оглянувшись, Райф увидел бронзовую женщину. Подняв его так, что он касался земли только цыпочками, она потащила его вперед.

– Что ты...

Женщина набрала скорость, мощно работая ногами, погружаясь по щиколотку в песок. Она бежала, словно гонимый по пустыне ураганом шар перекасти-поля. Райф поймал себя на том, что пытается подстроиться под ритм ее шагов, бесполезно шаркая ногами по мелькающей внизу земле.

Бронзовая женщина обогнала филасозавра, который попытался было преследовать ее, но быстро отстал в облаке поднятой ею пыли. Чудовище злобно зарычало вслед беглецам, и остальные филасозавры дружно подхватили его рык.

Впереди показались последние повозки каравана.

Женщина рванула вдогонку, но даже ее значительной скорости оказалось недостаточно. Когда до последней повозки оставалось всего несколько десятков шагов, караван набрал скорость. Вереница повозок начала удаляться.

«Так близко...»

Но тут у Райфа в груди все оборвалось. Женщина высоко выпрыгнула вверх, взмывая в воздух, словно пустынный заяц, спасающийся от смертельного укуса аспиды. Пролетев последний участок, она с силой налетела на заднюю часть повозки. Райф не удержался бы, если бы не ее крепкая хватка. Другой рукой женщина ухватила за борт.

Женщина постаралась как могла затолкнуть Райфа наверх, едва не уронив его, но он вцепился в борт и забрался в повозку. Оказавшись на груде железной руды, Райф растянулся

на спине, обессиленный и измученный, не обращая внимания на острые камни, впившиеся в тело. Ему было все равно. В настоящий момент это было самое уютное ложе на свете.

Забравшись в повозку, женщина устроилась рядом с ним на коленях. Она оглянулась на поселок.

– Все в порядке, подруга, – выдавил Райф. – Теперь нас не догонят.

Он даже не потрудился проверить, нет ли за ними погони. Колеса повозок вращались все быстрее. Мало кто из живых существ мог сравниться в скорости с пескокрабами, способными обогнать даже почтовую ворону. При такой скорости караван достигнет Наковальни задолго до того, как туда можно будет прислать сообщение. А оказавшись в городе, Райф быстро затеряется в беспорядочной сутолоке порта. Быть может, если потребуется, он даже сядет на какой-нибудь отплывающий корабль.

– Мы в безопасности, – выдохнул Райф, подбадривая не только женщину, но и себя самого.

Он потрепал ее по бедру, вновь отметив странную податливость бронзы, словно это была лишь загорелая плоть.

Женщина не обращала на него внимания. Ее взгляд был устремлен на небо, но не на солнце. Она смотрела на горизонт, на низко висящую заходящую луну. Райфу вспомнились его первые впечатления о ней, то, как ее облик напомнил ему Охотницу. На луне устроили свой дом и черная Дочь, и серебристый Сын. Говорили, что они постоянно гонятся друг за другом, снова и снова, что приводит к убыванию и нарастанию луны. Однако эта гонка вызывала жаркие философские споры. Кто кого преследовал, Дочь Сына? Или наоборот? Из-за этой религиозного противоречия неоднократно велись кровавые войны.

Однако в настоящий момент Райфу не было до этого никакого дела.

«Я свободен!..»

Подняв лицо к небу, он расхохотался.

Это казалось невозможным. Его захлестнула радость, успокоившая бешено колотящееся сердце и учащенное дыхание. Он наконец сел и окинул взглядом караван, растянувшийся по морю превратившегося в черное стекло песка, расплавленного каким-то природным катаклизмом. На блестящей поверхности сверкали ослепительные солнечные блики.

Зной усиливался. Райф огляделся вокруг. Им нужно было укрыться от прямого солнца – по крайней мере, ему точно. Райф задумался над тем, как лучше всего выкопать укрытие в груде руды.

«Похоже, моя работа рудокопом еще не закончилась».

Несмотря на палящее солнце, Райф снова повернулся к стоящей рядом с ним на коленях загадке. Кого именно он украл у Исповедников? Что за дух заключен в этой бронзе? Райф вспомнил, как архишериф обмолвился о надвигающейся войне, сказав, что это изваяние сможет переломить ее ход. Войско, возглавляемое подобным созданием или целым легионом подобных созданий, будет непобедимым.

И все же Райф в глубине души чувствовал, что такое использование бронзовой женщины было бы чем-то неправильным.

«Это не в ее природе».

Он постарался прочесть выражение ее лица, обращенного к луне. Теперь на ее чертах застыло горе, словно она скорбела по большой утрате. Райф протянул было к ней руку, но в последний момент остановился. Он был обязан этому существу, этому духу, который дал ему свободу, спас жизнь. Райф хотел спросить у женщины, как ему оплатить такой долг, но опасался, что она не может говорить. А может быть, ей просто требовалось больше времени, чтобы дух полностью обосновался в бронзе. В любом случае Райф ничего не мог сказать.

Они оба хранили молчание. Женщина не отрывала взгляда от луны. Караван продолжал свой путь на север, и Райф устроился поудобнее. Его охватила летаргия, порожденная смер-

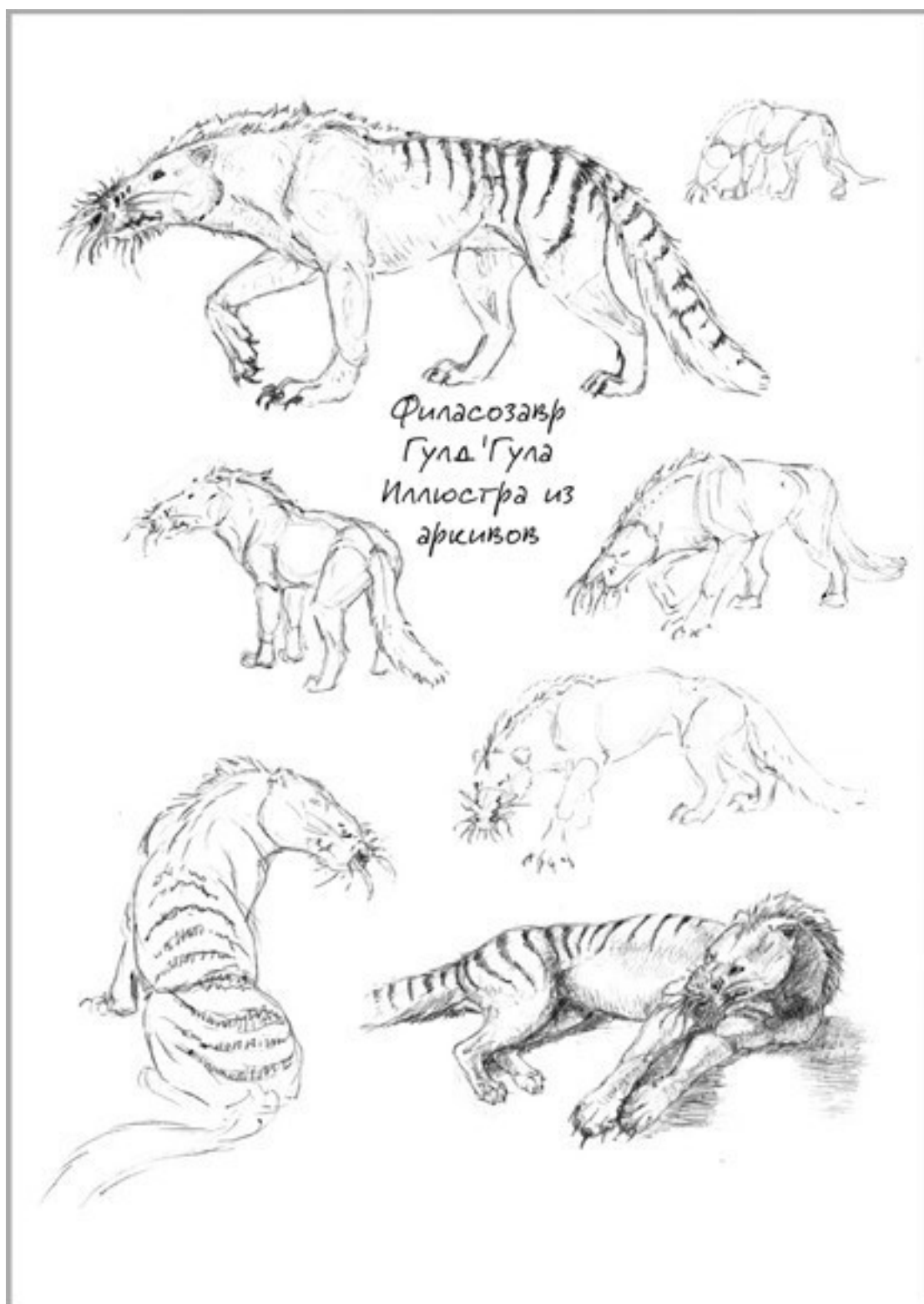
тельно опасными испытаниями, выпавшими сегодня на его долю. Слушая доносящееся спереди пение возничего, размеренный скрип колес, Райф рассеянно подумал о том, что нужно приниматься за рытье укрытия, однако его тяжелые веки сомкнулись.

Через какое-то время его разбудил прозвучавший рядом тихий стон. Открыв глаза, Райф повернулся и посмотрел на женщину, чей взгляд по-прежнему был прикован к горизонту. Он не смог определить, этот стон был выражением бесконечной скорби или же первой попыткой заговорить.

Тем не менее у него по спине пробежала холодная дрожь.

Губы женщины снова приоткрылись, сказав одно-единственное слово, обращенное к луне.

– Гибель...

Часть третья

Отравленные грезы

*Что суть знаменья, как не грезы
о завтрашнем дне?
Что суть грезы, как не надежды,
облаченные в черные тени?*

Из стихотворения «Аллегии гадания» Дэймона хи Торранка

Глава 8

Никс очнулась, внезапно потеряв опору. Она отчаянно взмахнула руками, пытаясь ухватиться хоть за что-нибудь, чтобы остановить падение. Сердце застряло у нее в горле. Это ощущение было ей хорошо знакомо: в прошлом она не раз, находясь в полудреме, чувствовала, как мир под ней рушится. В такие мгновения девушка судорожно дергалась – и тотчас же, проснувшись, обнаруживала, что в полной безопасности лежит в своей кровати.

Но сейчас все было иначе.

Продолжая падать, Никс лихорадочно молотила руками и ногами окружающий ее мрак – не прогоняя его, а наоборот, притягивая к себе. Темнота была для нее такой же привычной, как собственная кожа. Далеко внизу усиливалось сияние. Брыкаясь, хватаясь, девушка пыталась остаться в уютных тенях, однако ничто не могло задержать ее полет навстречу свету.

Никс попробовала закрыть глаза рукой, защититься от яркого света, однако что-то крепко схватило ее за запястье, не желая отпускать.

До нее долетели слова, прозвучавшие где-то далеко и в то же время прямо у нее над ухом: «У нее опять судороги?»

Знакомые интонации ответа уняли ее панику.

«Нет, не думаю. – Никс узнала спокойный, уверенный голос настоятельницы Гайл. – Это что-то другое. Она словно сопротивляется, не желая пробуждаться в своем собственном теле».

И с этими словами нахлынули воспоминания – словно прорвалась плотина, выпуская бурлящий, пенистый поток ужаса.

...бег вверх по лестнице...

...угроза изнасилования и отчисления...

...струи горячей крови, текущие сквозь ее оледеневшие от страха пальцы...

...обезглавленное тело...

...громкая тень, возникающая в дыму...

...сокрушающая кости тяжесть, придавившая грудь...

...клыки и яд...

...немыслимое насилие...

...после чего сплошной мрак.

Внутри крепло, набухая, одно последнее воспоминание, прогоняя прочь все остальное. Тысячи криков и воплей заполнили голову Никс, ее тело – и наконец, не в силах сдерживаться у нее внутри, вырвались наружу через горло. Мир внутри нее снова содрогнулся, становясь все более жестоким. И тем не менее за всем этим девушка ощущала абсолютную тишину без конца и края. Она внутренне съежилась, спасаясь от ее необъятности и неизбежности.

Но тут ей на горящий в лихорадке лоб легла холодная ладонь. Мягкий голос шепнул на ухо:

– Дитя мое, успокойся! Тебе больше ничего не угрожает.

Никс с трудом вернулась в собственное тело, не столько подчиняясь словам настоятельницы, сколько споря с ними.

– Нет... – прохрипела она.

Даже этот слабый протест полностью лишил ее сил. Девушка тяжело вздохнула, втягивая едкий запах настоек, травяных отваров, увядших стеблей высохшей травы. И все же мучительно-болезненный свет не угасал.

Никс попробовала поднять руку, затем другую – однако ее по-прежнему крепко удерживали за запястья. Зажмурившись, она повернула голову в сторону, но ослепительное сияние разливалось повсюду. Укрыться от него было невозможно.

– Развяжите ее, – приказала Гайл.

– Но, если у нее опять начнутся судороги, она поранится... – начал было возражать какой-то мужчина.

– Теперь мы должны помочь ей пробудиться, физик Ойрик, иначе она, возможно, никогда не очнется. Боюсь, она еще слишком слаба. Девочка проспала почти целый оборот луны. Если она снова провалится в этот отравленный сон, то больше никогда из него не вырвется.

Никс ощутила рывок, затем еще один, и ее запястья освободились. Она подняла свои трясущиеся руки, защищаясь от яркого света. Слова настоятельницы сдавили ей грудь. «Целый оборот луны». Как такое могло быть? Девушка до сих пор чувствовала огромное давление чудовищных когтей, острые клыки, впивающиеся в ее плоть. Она была уверена в том, что с момента нападения прошло не больше одного колокола. Но, если Гайл говорит правду, уже почти закончилось лето.

Поднеся руки к лицу, Никс нащупала повязку, закрывающую глаза. Она потрогала ткань, и кто-то снова схватил ее за руки.

– Не надо, дитя мое! – предупредил ее школьный физик.

У Никс не было сил сопротивляться. Впрочем, она и не пыталась. К этому времени темнота уже начинала потихоньку объедать по краям ослепительное сияние. Девушка приветствовала ее возвращение, ее знакомые, привычные ощущения. Она уронила руки на кровать, внезапно чувствуя бесконечную усталость, каменным ступором придавившую ей кости.

– Нет! – резко произнесла Гайл. – Подними голову! Быстро!

Никс почувствовала, как чья-то ладонь подхватила ее под затылок и оторвала голову от подушки. Чьи-то пальцы сняли повязку с глаз. Хотя действовали они осторожно, ее голова безжизненно моталась из стороны в сторону при каждом обороте ткани. От этого ей стало не по себе. А тем временем темнота все туже сжималась вокруг свечения в центре.

– Кажется, я предупреждал, что лучше оставить ей глаза завязанными, – пробормотал физик Ойрик. – Чтобы ей было проще.

– Предосторожность, порожденная надеждой, – ответила Гайл. – Однако сейчас подобная предосторожность сопряжена с чересчур большим риском. Девочка даже теперь готова вот-вот провалиться обратно в забытье. Мы должны сделать все возможное, чтобы это предотвратить.

Один последний рывок – и повязка спала с лица Никс, скользнув концом по щеке. Девушка нашла в себе силы поднять руку выше, защититься от ослепительного света. Она еще крепче зажмурилась. И тем не менее сияние сверлило ей голову, прогоняя темноту прочь, сжигая ее дотла.

Но тут чьи-то пальцы схватили ее за подбородок, и влажная тряпка, пахнувшая отваром горных трав, размягчила песчаную коросту, закупорившую ей веки.

– Не сопротивляйся, дитя мое, – успокоила ее Гайл. – Открой глаза.

Никс попыталась отказаться, отдернуть голову, однако пальцы лишь крепче стиснули ей подбородок.

– Делай, как я говорю! – строго произнесла настоятельница тоном, подчеркивающим ее высокое положение в обители. – Иначе сгинешь навсегда!

Никс хотела противиться, однако приемный отец слишком хорошо вышколил ее относиться с почтением к сильным мира сего. Она чуточку приподняла веки и вскрикнула от боли. Свет – такой же ослепительный, как темнота, которую Никс знала всю свою жизнь, – обжег ей глаза свежей крапивой.

Неудержимо хлынули слезы, смывая с глаз остатки грязи и гноя. При этом они также расплавили резкий свет, превратив его в водянистое сияние. В расплывчатой дымке поплыли силуэты, чем-то напоминающие тени в солнечный летний день. Но только после каждого болезненного моргания силуэты становились четче; краски, о которых девушка прежде могла только догадываться, расцветали во всем своем великолепии.

Сердце затрепетало в груди подобно напуганному лирохвосту в клетке. Никс повалилась назад на кровать – прочь от невозможного: двух лиц, обращенных к ней. Физик Ойрик смотрел на нее, его сморщенное лицо напоминало болотную сливу, слишком долго провисевшую на солнце. Взгляд девушки прошелся по каждой морщинке. Прежде, когда ее зрение было затуманено, цвета – то небольшое, что она могла видеть в самый ясный день, – всегда оставались грязными и мутными.

Но сейчас...

Никс смотрела на Ойрика, зачарованная сияющей голубизной его глаз, гораздо более ярких, чем самое чистое небо, какое она только видела.

Физик повернулся к своей спутнице, и его лысина сверкнула в лучах солнца, проникающих в единственное окно помещения.

– Похоже, настоятельница Гайл, ты была права, – сказал он.

Гайл не отрывала взгляда от Никс.

– Ты нас видишь, дитя мое, или это не так?

Ошеломленная, Никс молча таращилась на нее. Настоятельница оказалась смуглой, ее кожа была гораздо темнее, чем предполагала Никс. Девушка знала, что настоятельница родилась далеко на юге, в землях Клаша. Однако волосы ее, заплетенные в косы и уложенные на голове в узел, были белые как мел. А глаза оказались зеленее любого залитого солнцем пруда.

Судя по всему, внимание девушки не укрылось от настоятельницы. В уголках ее губ заиграла улыбка. Глаза смягчились от облегчения. Хотя, если честно, Никс не могла быть уверена ни в чем. Ей еще никогда не приходилось наблюдать за тонкой игрой чувств, и она не знала, правильно ли их интерпретирует.

Наконец она ответила на вопрос настоятельницы кивком.

«Я вас вижу».

Хотя Никс должна была бы радоваться такому немыслимому чуду, она сейчас испытывала только страх. Где-то в темноте, оставшейся позади, до сих пор были слышны крики, доносящиеся из этих теней.

Настоятельница словно почувствовала этот внутренний ужас: улыбка у нее на лице погасла. Она потрепала девушку по руке.

– Теперь ты должна поправиться. Надеюсь, ты наконецшла выход из отравленного забытья.

Не желая показать себя неблагодарной, Никс снова послушно кивнула.

Однако чувствовала она себя совсем по-другому.

Хотя она каким-то чудодейственным образом обрела способность видеть, Никс ощущала себя, как никогда, потерянной.

* * *

На следующий день Никс пила жидкую кашу, зажав миску ладонями. Все еще слишком слабая, она была вынуждена держать миску обеими руками.

Отец сидел на табурете рядом с койкой, опираясь подбородком на палочку. Он старался подбодрить девушку своей улыбкой, однако лоб у него был в складках.

– Это бульон из куриных костей с овсяной крупой. – Оглянувшись на дверь, отец нагнулся к Никс. – И еще я добавил капельку сидра. Это должно быстро привести тебя в порядок, я точно знаю.

В его последних словах прозвучала надежда.

– Не сомневаюсь. – Чтобы его успокоить, Никс отпила большой глоток, после чего поставила миску на столик.

Она обвела взглядом маленькую келью, расположенную в крыле физика Ойрика: покрытые лишайником голые каменные стены, узкое окошко под потолком, пучки сушеных трав под балками перекрытий. Одиноким огонек робко плясал в закопченном масляном светильнике. Девушка до сих пор поражалась мелочам, открывшимся для нее: обрывки шелковой паутинки, трепещущие в углу, плавающие в лучах солнца пылинки, источенная короедами древесина балок. Чувства переполняли ее. Ну как можно постоянно справляться с таким изобилием подробностей? У Никс от избытка впечатлений болела голова.

Повернувшись к отцу, она посмотрела ему в глаза, стараясь рассеять горящую в них тревогу.

– За мной здесь ухаживают. Тут, наверное, уже побывал весь сонм физиков, алхимиков и иеромонахов школы.

На самом деле постоянный наплыв посетителей не давал ей спать.

«Может быть, они опасаются, что я больше никогда не очнусь, и стремятся не упустить возможность».

До сегодняшнего дня к ней даже не пускали отца. Получив разрешение, тот не терял ни мгновения. С первым же колоколом дня отец в сопровождении Бастана, брата Никс, поднялся на четвертую террасу, где располагались службы Обители. Бастан принес большой горшок каши, поставленный в ведро с углями, чтобы каша не остыла.

Бастан уже вернулся в деревню, присоединился к старшему брату, занимавшемуся по хозяйству. Похоже, даже воскресение сестры из мертвых никак не сказалось на повседневных заботах. И все же перед уходом Бастан сгреб Никс в объятия своими здоровенными ручищами, обхватил ее лицо и посмотрел в глаза.

– Ты уж нас больше так не пугай! – предупредил он. – Когда в следующий раз вздумаешь сражаться с летучей мышью Мирра, позови сперва своих братьев.

Пообещав ему впредь быть осторожной, Никс попыталась улыбнуться, однако напоминание о нападении пробудило у нее в груди ужас. Непрерывное шествие алхимиков и иеромонахов через маленькую келью, по крайней мере, отвлекало ее. Любопытные посетители щупали и трогали Никс, нередко заставляя ее краснеть. Другие тщательно изучали заживающие следы от клыков у нее на шее, измеряли шрамы, сколупывали с них коросту и забирали ее с собой. Один, сгорбленный от старости, положил девушке на запястья и щиколотки пиявок, а потом, когда они разбухли, напившись крови, с торжествующим видом оторвал их и спешно покинул келью.

Иногда к Никс заглядывала настоятельница Гайл, но она решительно пресекала все ее попытки получить ответы, заполнить пробелы, образовавшиеся после того жуткого дня. И все же девушка догадывалась, что известие о случившемся распространилось по всей Обители.

Время от времени за высоким окном кельи мелькало чье-нибудь лицо: для того чтобы взглянуть на такое чудо, требовалось допрыгнуть до подоконника.

Никс понимала, в чем причина всего этого внимания, проявлявшегося как в самой келье, так и за ее пределами.

Еще никому не удавалось выжить после укуса ядовитой летучей мыши.

Алхимики бились над тем, чтобы разгадать эту загадку; иеромонахи искали, какому именно божеству приписать это чудо. Чтобы хоть как-то развеяться, Никс слушала разговоры тех, кто проходил через келью. Выслушивала предположения и догадки. Посетители говорили так, словно ее здесь не было.

«Не может быть и речи о том, чтобы она получила полную дозу яда. Готов поспорить, отравление было легким».

«А может быть, это был лишь обман, притворство».

«Как знать, быть может, это Дочь мрачно улыбается девочке».

«Или это было светлое благословение Сына. Кажется, в глубоком сне девочка обращалась к луне и...»

Этот последний разговор прервало появление настоятельницы Гайл, которая выпроводила назойливых иеромонахов выразительным поднятием бровей. При этом она строго посмотрела на Никс – словно та в чем-то провинилась.

Однако в этой келье скрывалось еще одно чудо помимо того, что Никс осталась в живых.

Девушка потеряла веки, зудящие от постоянного внимания к вернувшемуся к ней зрению. Всякий раз, когда они устало смыкались, кто-нибудь тотчас же открывал их снова.

Особенно внимательно Никс прислушивалась к любым попыткам объяснить это второе чудо, от которого она сама до сих пор не могла прийти в себя. Она словно вышла из темной пещеры на яркий солнечный день. И хотя ей следовало бы радоваться этому, в глубине души она хотела вернуться в знакомый уют той пещеры. Даже при первой своей попытке пройти сегодня утром, опираясь на руку настоятельницы, девушка почувствовала себя младенцем, только появившимся на свет. Ей хотелось списать все на слабость после стольких дней, проведенных в постели, но она понимала, что отчасти это обусловлено тем, что она еще не могла привыкнуть к своему новообретенному зрению. За столько лет слепота, наполненная тенями, так глубоко укоренилась в ее душе, костях, в ее движениях. И теперь ее рассудок силился связать то, кем она была в прошлом, с этим новым зрячим человеком, какой она стала сейчас.

Похоже, настоятельница чутко это понимала.

– Ты непременно обрешь уверенность, – заверила она Никс.

Девушка посмотрела на стоящую в углу трость, длинную палку из древесины вяза, которую она забыла в астроникуме целую вечность назад. До сих пор, даже несмотря на чудодейственно вернувшееся зрение, палочка была ей нужна.

Вздыхнув, Никс закрыла глаза ладонями.

Темнота по-прежнему оставалась для нее родным домом.

– Уф, похоже, я засиделся здесь, – смущенно пробормотал отец. – Только посмотри, ты уже трешь глаза. Наверное, устала. Не буду тебе мешать, отдыхай!

Никс отняла руки от лица. На губах у нее мелькнула бледная улыбка, однако сердце было наполнено болью.

– Что ты, отец! Я всегда тебе рада.

Девушка посмотрела на человека, который спас ее из болот, предложил ей кров и свою любовь. Всего за один день новообретенное зрение открыло ей столько тонкостей и глубин окружающего мира, однако тут оно не дало ничего нового.

Лицо отца оставалось таким же, каким она его всегда знала. За долгие годы Никс подробно исследовала все его складки, все шишки и шрамы, оставленные прошлым. Ее пальцы гладили его редеющие волосы. Ладони ощущали обтянутый кожей череп. И к настоящему

времени все выражения лица отца, улыбающегося и хмурящегося, были знакомы ей лучше своих собственных. Даже его глаза оказались такими же, какими их представляла Никс: мутно-зелеными, похожими на илистое дно залитого солнцем пруда.

Ей не требовалось зрение, чтобы узнать этого человека.

Теперь девушка поняла, как сильно ошибалась всего какое-то мгновение назад. Она всмотрелась в лицо, в котором, как в зеркале, отражалась вся ее любовь.

«Вот где мой настоящий дом».

Отец встал, собираясь уходить.

– Мне пора идти.

– Возможно, тебе следует задержаться, торговец Полдер, – прозвучало из дверей возражение.

Никс и ее отец повернулись к двери. В келью вошла настоятельница Гайл, а следом за ней – физик Ойрик.

– Мне хотелось бы, чтобы ты рассказал о том дне, когда нашли Никс в болоте, младенца, брошенного в трясине. – Гайл жестом предложила приемному отцу Никс сесть обратно на табурет. – Возможно, это поможет понять то, что произошло. И как быть дальше.

Сдернув с головы шапку, отец Никс с готовностью кивнул, расправляя испачканную куртку, словно стесняясь своего вида.

– Разумеется, ваше верховенство! Все что угодно, лишь бы помочь вам и моей девочке!

Никс нахмурилась, раздраженная подобострастием своего отца. У него не было никаких оснований кланяться и лебезить перед высшими чинами Обители.

Пройдя в келью, настоятельница устало вздохнула, присаживаясь на край кровати. Теперь они с отцом Никс оказались лицом к лицу.

– Благодарю, торговец Полдер.

Отец Никс облегченно расслабился. До Никс вдруг дошло, что до сих пор она видела настоятельница только с властно расправленными плечами. Теперь манеры Гайл были заметно теплее – в них сквозил не столько строгий приказ, сколько приглашение.

Физик Ойрик остался стоять, скрестив руки на щуплой груди.

– Что вы хотите знать? – спросил отец Никс.

– Насколько я понимаю, ты нашел Никс шестимесячным младенцем.

– Да, совершенно верно. – Отец Никс улыбнулся, расслабляясь еще больше, радуясь возможности поведать свой рассказ, которым он с радостью делился с каждым, кто был готов его слушать. Он снова повторил, как услышал доносящийся из болота плач малышки. – Конечно, первым ее услышал старина Ворчун. Он буквально притащил волокушу к ней.

– И больше ты никого поблизости не видел? – спросила Гайл. – Никаких следов того, кто оставил младенца?

– Ни отпечатка ноги, ни сломанной тростинки, – покачал головой отец Никс. – Девочка словно свалилась прямиком с неба на ковер болотной травы.

Настоятельница оглянулась на Ойрика. Тот поджал губы, затем сказал:

– И маленькая Никс была слепая уже тогда?

Улыбка у отца Никс на лице погасла.

– Верно. Ее глаза уже тогда были затянуты голубым туманом. Не были такими хрустально-чистыми, как сейчас. Возможно, именно поэтому малышку бросили на болоте. Жизнь в сердце трясины очень нелегкая. Но так оно и к лучшему. Кто-то потерял – я нашел.

Никс снова задумалась о том, кем были ее родители. Давнишняя горечь резанула ей сердце. Она была не такая великодушная, как ее отец. Девушка кашлянула, желая перевести разговор с этой болезненной темы.

– Какое это имеет отношение к тому, что со мной произошло? – спросила она.

Все взгляды обратились к ней, но ответила настоятельница.

– Мы с физиком Ойриком не думаем, что ты родилась незрячей.

Никс вздрогнула, услышав это утверждение.

– У меня нет никаких воспоминаний о...

– Ты можешь ничего не помнить, – перебил ее Ойрик. – Но, очевидно, способность видеть была у тебя всегда. И только голубоватый туман, затянувший белки твоих глаз, скрывал от тебя окружающий мир.

– И вот теперь он развеялся, – сказал отец Никс. – Воистину чудо! Самое настоящее благословение Матери!

Никс не отрывала взгляда от настоятельницы.

– Как вы думаете, что произошло со мной, что много лет назад меня ослепило?

Оглянувшись на физика, Гайл снова повернулась к девушке.

– Мы считаем, что нечто на болотах повредило тебе. Возможно, какой-нибудь яд. Или отравленный воздух.

– Там, в трясине, полно всякой гадости, – кивнул отец Никс.

Ойрик шагнул ближе, его голос наполнился любопытством.

– Также возможно, все это стало реакцией на то, с чем ты повстречалась на болоте. Я читал трактаты о том, как древняя пыль в помещениях может вызвать воспаление слизистой оболочки глаз. Обыкновенно это списывается на присутствие призраков или заточенных демонов. Но некоторые считают, что это может быть связано с похожим воздействием, поражающим многих весной из-за пылицы в период цветения, – те, кто живет в Южном Клаше, называют это «розовой лихорадкой».

Судя по выражению его лица, отец Никс был сбит с толку.

– Но какое отношение это имеет к слепоте Никс?

– Как правило, подобные реакции, если они не оказываются смертельными, затихают сами по себе, – ответил Ойрик. – Однако иногда после них остаются тяжелые последствия. – Он указал тощим пальцем на Никс. – Вроде слепоты.

– Но почему я сейчас исцелилась? – спросила девушка.

– Мы полагаем, – повернулась к ней настоятельница, – что твой организм, сражаясь с ядом, избавился также и от прошлой пагубы.

– Если это так, – добавил физик, – возникает вопрос: не может ли настоящее помочь заглянуть в прошлое?

– Что вы имеете в виду? – нахмурилась Никс.

Гайл потрепала ее по прикрытой одеялом ноге.

– Как ты можешь догадаться, я не из тех, кто верит в болотных ведьм, читающих будущее по брошенным костям. Напротив, я ищу решения, лежащие у всех на виду. Если тебя действительно исцелил яд летучей мыши Мирра, возможно, недуг, поразивший тебя в младенчестве, также был каким-то образом связан с этим обитателем болот.

– С другой летучей мышью? – нахмурилась Никс. Ей хотелось отместить подобное предположение, однако она хорошо помнила, какой безотчетный ужас охватывал ее, в отличие от других учеников, когда жуткая тварь с криком пролетала над головой.

«Неужели это правда?»

Гайл подумала то же самое.

– У тебя не сохранились воспоминания о такой встрече? Если тогда у тебя еще было зрение, ты могла видеть это существо.

Никс потупилась, вспоминая недавние слова своего отца и пытаясь представить себе, как он нашел ее на болоте, еще совсем маленькую. «Девочка словно свалилась прямиком с неба на ковер болотной травы». Девушка закрыла глаза, воображая, будто снова лежит на ложе из болотной травы, уставившись вверх сквозь замшелые ветки. Она снова стала слепой, брошенной, разозленной, испуганной, смятенной, всматривающейся в небо над собой затуманен-

ным взором. Яркое пятно обозначало солнце – затем на его фоне мелькнула серповидная тень, скрывшаяся в темноте.

Никс напряглась.

Гайл это заметила.

– В чем дело?

Открыв глаза, Никс покачала головой. Она не знала, было ли это видение истинным воспоминанием, или же оно родилось из предположений настоятельницы.

– Так, ничего, – прошептала она.

Гайл не отрывала от нее пристального взгляда, острого, словно клыки летучей мыши.

Девушка опустила голову, не зная, как относиться к этому мимолетному воспоминанию – если это действительно было воспоминание. Но она не могла просто отмахнуться от него, особенно если учесть, какое чувство оно породило. Представляя себя младенцем, Никс не ощутила ни капли страха при виде серповидной тени, мелькнувшей на фоне солнца. Наоборот, в самых потаенных глубинах своего сердца она снова почувствовала то, что почувствовала тогда. И это был какой-то бред.

Никс бросила взгляд на отца.

Она почувствовала себя так, будто вернулась домой.

Глава 9

– Давайте пока что прервемся и оставим это на другой раз, – предложила Гайл. – Когда ты отдохнешь и восстановишь силы, возможно, ты вспомнишь больше. А сейчас, полагаю, у тебя много вопросов относительно твоего нынешнего положения. Я не забыла о тревогах и страхах, которые ты пыталась высказать за последний день. Наверное, нам следует по возможности тебя успокоить.

Никс была готова оставить прошлое позади и сосредоточиться на настоящем – но и боялась этого. Были вопросы, которые она *должна* была задать, – но ее пугали ответы на них.

Девушка облизнула губы. Она понимала, что ей нужно заговорить о последствиях нападения на девятом уровне школы, принять неизбежное проклятие. Никс начала с того, что высказала вслух самый сильный свой страх. Это было имя мальчика, одноклассника-семилетки.

Никс закрыла глаза, собираясь с духом в темноте.

– Бэрд... – едва слышно прошептала она.

Ответ настоятельницы был беспощадным.

– Его нет в живых. Но, полагаю, ты это уже знала.

Никс не стала это отрицать.

– А что с остальными?

– Твоими одноклассниками-семилетками?

Открыв глаза, девушка кивнула, вспоминая гнавшуюся за ней толпу.

– Они пытались скрыть правду о событиях того дня, однако Джейс подал голос в твою защиту и раскрыл их обман.

Никс облегченно вздохнула, мысленно поблагодарив Джейса. Этот парень, являвшийся ее глазами, когда она была слепой, в очередной раз показал себя самым преданным ее другом в Обители. И он пострадал за свою дружбу. Никс помнила его разбитый нос.

– У подручного Джейса все хорошо, – ответила Гайл, словно прочитав ее беспокойство. – Он очень хотел проводить тебя, но мы попросили его проявить терпение.

– А как дела у Кайнджел? – Никс сглотнула комок в горле. – У сестры-близнеца Бэрда?

Настоятельница откинулась назад. Глубокая морщина пересекла ее лоб.

– Она возвратилась в Фискур с останками своего брата – точнее, с тем немногим, что уцелело от тела, что не сгорело в костре. Но через двунеделье, когда летний перерыв закончится, Кайнджел вернется. Я тщетно пыталась ее отговорить.

Гайл посмотрела Никс в глаза, беззвучно добавив то, что осталось невысказанным вслух. Смерть брата-близнеца не останется для Кайнджел без последствий. Как и для ее отца, верховного градоначальника Фискура.

– А что будет со мной? – спросила Никс, наконец решаясь заговорить о том, что тревожило ее больше всего. – Я ведь нарушила закон и поднялась на девятый уровень.

Этот закон был в Обители непреложным: всякий, кто поднялся на верхний уровень, не достигнув девятого года обучения, немедленно отчислялся. Исключений не делалось ни для кого – даже если провинившийся поступил так, спасаясь от неминуемой гибели.

– То была не *ты*, – ткнула пальцем Никс в грудь настоятельница.

Та недоуменно нахмурилась.

– Но это была я. Я не могу утверждать обратное. Многие были свидетелями моего проступка.

– И многие видели своими собственными глазами, как ты *умерла*, – подал голос Ойрик. – В том числе алхимики и иеромонахи. Твое сердце остановилось. И не билось в течение полуколокола, а может быть, и дольше. Никто не думал, что ты останешься в живых.

– Да, ты возвратилась из мертвых, – добавила Гайл. – Возродилась заново, очистилась от прошлого. И все согласились с тем, что Матерь дважды благословила тебя. Во-первых, сохранив тебе жизнь, затем – вернув зрение.

– Заблуждение, искусно подпитываемое настоятельницей, – усмехнулся Ойрик.

– И кто скажет, что я не права? – пожала плечами Гайл.

– Хотел бы я посмотреть на такого смельчака, – пробормотал физик.

– Но ведь в этом же *явно* была рука Матери! – вмешался отец Никс. – У меня нет никаких сомнений в этом. Она всегда с улыбкой взидала на мою дочь!

В груди у Никс шевельнулась надежда.

– Означает ли это, что я смогу остаться в школе? Закончить седьмой год обучения и перейти на восьмой?

– Боюсь, нет, – угрюмо промолвила настоятельница. – Это было вынесено на Совет восьми, и они бросили камни против такого решения.

– Это же несправедливо! – вскочил с места отец Никс.

Схватив его за руку, Никс почувствовала, что он весь дрожит. Она сжала ему руку, умоляя успокоиться, готовая принять свою судьбу, но, так же как и он, переполненная отчаянием.

– Все в порядке, отец. Что сделано, то сделано.

– Вы оба меня неправильно поняли. – Гайл обратила взгляд на Никс. – Было решено, что ты не станешь продолжать обучение на восьмом уровне вместе со своими одноклассниками. Поскольку на девятой террасе ты очевидно получила благословение, никто не посмел бросить камень против красноречивых пожеланий Матери.

– Не понимаю, – сказала девушка.

– Через двунеделье ты поднимешься сразу на девятый уровень, – объяснила настоятельница.

Никс потребовалось три полных вдоха и выдоха, чтобы понять смысл слов Гайл. Она ошеломленно заморгала.

Девятый уровень...

Ее отец опомнился быстрее. Его крик получился таким громким, что все вздрогнули.

– Ну, что я тебе говорил! Я знал, что все так будет! – Высвободив руку, он упал на колени у койки, сложил ладони и поднес большие пальцы ко лбу. – Спасибо Матери Снизу за ниспосланные ею милость и благословение!

Не в силах сдерживать радостное возбуждение, отец вскочил на ноги, не прибегнув к помощи трости, схватил Никс за щеки и поцеловал ее в лоб. Лишь после этого он несколько успокоился. У него увлажнились глаза.

– Вы можете в это поверить? – улыбаясь, пробормотал отец. – Моя Никс – девятилетка! Жду не дождусь, когда смогу рассказать об этом Бастану и Аблену! Мальчишки будут так гордиться тобой!

– В таком случае поспеши принести своим сыновьям благую весть! – подошла к нему Гайл. – Есть еще один вопрос, который я хочу обсудить с твоей дочерью, и эти слова не предназначены для посторонних ушей.

– Да-да, конечно. – Отец Никс взял свою клюку. – Понимаю, вы с физиком люди занятые. Не стану больше отнимать у вас время.

– Мы тебе крайне признательны, торговец Полдер.

Отец напоследок еще раз повернулся к Никс. Его лицо сияло от гордости, отчего он казался на добрый десяток лет моложе.

– Вы можете в это поверить? – покачав головой, повторил он.

«Лично я не могу».

Никс тщетно пыталась принять невозможное. После стольких чудес – еще одно, это, последнее. Она улыбнулась отцу в ответ. Ей было приятно видеть его счастливым. Стоило

побывать так близко к смерти, чтобы увидеть, как сбылись все его мечты, как он был вознагражден за свою душевную щедрость.

– Я принесу тебе ужин к первому колоколу Вечери, – сказал отец. – И захвачу Бастана и Аблена. Мы отметим это событие медовым пирогом.

– Это будет просто замечательно! – улыбнулась Никс.

Поклонившись настоятельнице и физику, ее отец пробормотал слова благодарности и вышел из кельи. Из коридора донесся удаляющийся стук его палочки.

Дождавшись, когда стук затихнет вдали, Гайл знаком попросила Ойрика закрыть дверь. Как только это было сделано, настоятельница снова повернулась к Никс, и ее лицо стало строгим.

– То, о чем мы поговорим сейчас, должно будет остаться между нами.

* * *

Усевшись в кровати, Никс смотрела, как настоятельница и физик перешептываются у двери. До нее долетали лишь обрывки фраз.

– ...Сообщить в Азантийю...

– ...Слухи об Ифлеленах...

– ...Король не потерпит...

– ...Кошунство и святотатство...

– ...Должны убедиться наверняка...

Последнюю фразу произнес физик Ойрик, оглянувшийся на Никс. Тяжело вздохнув, настоятельница кивнула. Подойдя к кровати, она снова присела на край.

Никс вздрогнула, ощутив пробуждение сил, многократно превосходящих ее. Гайл долго всматривалась в ее лицо. Наконец, по-видимому, найдя то, что искала, она заговорила:

– Никс, пребывая в отравленном забытии, ты билась и металась в кровати, словно под впечатлением кошмарного сна. Ты помнишь что-либо из этого?

Девушка отрицательно покачала головой. Хотя это была ложь. Она точно помнила звучащие в темноте крики, содрогающийся мир, затем сокрушительную, нескончаемую тишину. Никс не собиралась лгать, но она боялась говорить об этом вслух, словно тем самым могла сделать свои страхи реальностью. Она хотела забыть все, отбросить, как лихорадочный бред, видение, порожденное страхом смерти.

Но только сейчас настоятельница собиралась оживить сон, придать ему плоть.

– Нам нужно знать правду, Никс, – сказала Гайл, прочитав ее опасения. – То, что ты нам сейчас расскажешь, останется между нами. Даю тебе слово.

Никс выждала еще два дыхания. Как она могла отказать этой женщине, которая так ее защищала? Девушка сознавала, что не может молчать, хотя бы из чувства благодарности.

– Я... я помню лишь обрывки, – наконец призналась Никс. – На Урт обрушилась катастрофа. Все голоса во всех землях возопили в ужасе. Мир содрогнулся и разорвался. А потом... а потом...

Переживая все заново, она почувствовала, что у нее пересохло во рту.

Голова ее опять наполнилась пронзительными криками, по спине пробежала дрожь.

– Что было дальше? – мягко спросила Гайл, беря ее за руку.

Никс сжалась в комок, желая сохранить все в себе. Затем, собравшись с духом, она подняла лицо к настоятельнице, чтобы та видела ее искренность и страх.

– Полная тишина. Протянувшаяся в пустоту. До самых холодных звезд.

У Никс сдавило горло, словно она пыталась сдержать внутри свои следующие слова, не высказать вслух то, что чувствовала со всей определенностью.

– Я... я уверена в том, что это произойдет. Не знаю как, но это *непременно* случится.

Гайл и Ойрик переглянулись.

Физик шагнул ближе.

– Ты сказала, что тишина дотянулась до звезд. А что насчет луны?

– Луны? – наморщила лоб Никс. – Не понимаю.

Настоятельница крепче сжала ей руку.

– В бреду ты кричала и повторяла одни и те же слова. Постоянно упоминая луну. Ты неоднократно повторяла слова «павшая луна».

Никс снова покачала головой – и теперь это была правда.

Всмотревшись в ее лицо, настоятельница разочарованно покачала головой.

– Ты точно ничего не помнишь о луне?

– Быть может, ты видела ее в своих снах? – предположил Ойрик.

Никс перевела взгляд с него на Гайл.

– Я *ничего* не видела. Клянусь Сыном и Дочерью, избравшими луну своим домом. – Подняв руку, она прикоснулась сначала к одному глазу, затем к другому. – Я слышала крики. Ощущала содрогание земли. Но в том кошмаре я оставалась такой же слепой, какой была всегда.

– Конечно, – опустила плечи настоятельница.

– Я очень сожалею, – пробормотала Никс, сознавая, что обманула ее ожидания. – Это все, что я помню. Честное слово.

– Я тебе верю.

Устало застонав, Ойрик закрыл глаза.

– Похоже, боги выбрали разбитый сосуд, чтобы наполнить его своей мудростью.

Никс обиделась такому сравнению. Пусть ей в раннем детстве очень не хватало зрения – она никогда не считала себя *разбитой*. Свидетельством тому был ее подъем по террасам школы.

– Быть может, ее выбрали не боги... – загадочно пробормотала Гайл, поднимаясь на ноги. – Неважно, хотя мы не можем подтвердить того, что считается святотатством, мы поделимся тем, что нам известно. Я отправлю почтовую ворону в Вышний Оплот.

– Но что, если король решит...

– Не бойся, мой просвещенный бывший ученик послушает нашего совета. Мы оба знаем, какую кропотливую работу ведет он на вершине Тайнохолма.

От мысли, что она подвела настоятельница и физика, Никс стало плохо. Однако при упоминании Тайнохолма она встрепенулась. Это была старейшая школа в стране, расположенная на самом высоком холме на окраине Вышнего Оплота. Там же находился древний замок Исповедников, где, по слухам, те, кто достиг Высшего Прозрения, как в алхимии, так и в религиозных знаниях, погружались в изучение сложнейших наук.

В самых смелых своих мечтах Никс представляла себе, как входит в ряды этих избранных. Хотя, если честно, особо она на это никогда не надеялась. Но опять же она никак не думала, что поднимется на девятый уровень Обители.

Наконец настоятельница снова обратила внимание на Никс.

– Обо всем этом ты не должна говорить никому. Ни о нашем разговоре, ни, разумеется, о своих кошмарных видениях. Даже своим родственникам.

Девушка кивнула. Она и не собиралась никому ничего говорить. Никс была рада все забыть. Она намеревалась похоронить свои видения как можно глубже, чтобы больше не слышать эти крики. В словах Гайл девушка также услышала предостережение: от молчания зависела ее жизнь.

«Но будет ли моего молчания достаточно?»

Никс снова ощутила движение могучих сил, в сравнении с которыми она казалась крохотной былинкой, выходящих далеко за рамки ее понимания, снова почувствовала назревающую бурю. Девушка представила себе медную механическую модель солнечной системы в

астрономике, вращающиеся зубчатые колеса, приводящие планеты в движение вокруг нагретого углями солнца. Но сейчас чья рука вращала вокруг Никс эти огромные колеса?

«И сколько еще осталось до того, как они сокрушат меня?»

Глава 10

Когда сверху донеслись отголоски последнего колокола Вечери, Никс прошла к своей койке. Держа в руке палочку, она нетвердо двигалась по келье, отчасти от оставшейся слабости, но в основном из-за щедрого количества сидра в пироге. Уставшая и наевшаяся до отвала, девушка не сомневалась в том, что сон не заставит себя ждать.

В ушах у нее до сих пор звенели песни и смех приемного отца и братьев, праздновавших ее Восхождение на девятый уровень. Никс улыбнулась, вспоминая гордость своих родственников. Веселье близких, свои собственные надежды на будущее прогнали прочь страхи и переживания от утреннего разговора с настоятельницей и физиком.

«Пусть все это останется позади», – решила Никс. Она отбросит прочь свои кошмарные сны, предаст их забвению. И не имеет значения, вещие они или нет; такие важные и сложные вопросы лучше оставить тем, кто знает, что делает, или по крайней мере обладает силой и влиянием.

«Ну, это не про меня».

Когда девушка подходила к изголовью кровати, пламя масляной лампы задрожало, отбрасывая на каменные стены пляшущие тени. От этого движения у Никс закружилась голова. Не в силах удержаться на ногах, она тяжело опустилась на кровать и застонала.

Никс сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, проветривая голову. Теплый летний ветерок, ворвавшийся в открытое окошко наверху, принес с топей солоноватый запах. Назойливый гул комаров и мошек состязался с кваканьем лягушек и стрекотом сверчков. Вдалеке послышался тоскливый вой болотной гагары.

Вздохнув, девушка подняла взгляд к окну. На улице еще сиял Отец Сверху – но Его лик был скрыт из вида. Хотя солнце никогда не заходило, вечер обозначался небольшим уменьшением его сияния и сгущением теней. Такие перемены были более отчетливо заметны прежде, когда затуманенный взор Никс был более чувствителен к нюансам света и тени. Теперь же переход был едва заметен, что огорчало девушку, словно она с вернувшимся зрением потеряла какую-то частичку себя.

С этой мыслью Никс встала и подошла к окну. Она закрыла ставни, погружая келью в темноту. И все-таки она не смогла не оставить маленькую щелку. Слишком долго она прожила в полной темноте.

Стоя у окна, Никс посмотрела на полную луну, сияющую на вечернем небе. Она вгляделась в ее лик, сияющий ярким лицом Сына, отметив нечеткие темные глаза, намек на нос, явный рот. До сегодняшнего дня ей не хватало остроты зрения, чтобы рассмотреть все эти подробности.

«Луна действительно похожа на лицо в небе».

Девушка улыбнулась Сыну, сознавая, что в последующие дни темная Дочь прогонит его прочь. Такой танец они исполняли испокон века.

– А когда я снова увижу твое лицо, о серебристый Сын, – прошептала Никс, обращаясь к луне, – я уже буду девятилетней!

Она с трудом могла в это поверить. Через двунеделье страстная мечта, прочно укоренившаяся у нее в сердце, наконец-то сбудется. Девушка лучилась радостью, такой же яркой, как Сын в небе. Однако она не могла сбрасывать со счетов и тоску, подобно ее собственной темной Дочери ждущей своего часа, чтобы затмить светлую радость.

Никс понимала, в чем причина этой тоски. Она прекрасно помнила вопросы, которые ей задавала настоятельница. Девушка всмотрелась в лунный лик, пытаясь обнаружить на нем хоть какие-либо признаки враждебности или угрозы, но ничего не нашла, ничего не почувствовала.

Она вспомнила слово, произнесенное настоятельницей, промолвила его вслух.

– Павшая луна.

«Что это могло означать?»

Не имея ответа на этот вопрос, Никс пожала плечами и вернулась к койке. Улегшись, она накрылась одеялом и повернулась на спину, глядя на гирлянды сушеных трав под балками перекрытий. Мерцающее пламя масляного светильника придавало им такой вид, будто они дергаются и ползут к ней.

Никс поежилась.

Задув светильник, девушка перевернулась на бок и ту же укуталась в одеяло. Она закрыла глаза, сомневаясь в том, что сон придет так легко, как ей казалось прежде.

Она ошибалась.

* * *

Она несется вверх по погруженному в темноту склону горы, по опушке леса из каменных деревьев без листвы. Ее гонят вперед крики человека и зверя. Повсюду гремят железные кольца, подчеркивая рев военных машин.

Запыхавшаяся, не в силах отдышаться, она останавливается на вершине. Оглядев себя, она понимает, что она старше, выше ростом, покрыта шрамами, на левой руке недостает одного пальца. Но у нее нет времени на подобные загадки.

Впереди скопление фигур с татуировками на лицах, в залитых кровью рсях, стоящих вокруг алтаря, на котором бьется, брыкается огромное существо, порожденное тенями; крылья его прибиты железом к камню.

– Нет!.. – сдавленно кричит она, чувствуя, как в груди пылает огонь.

Погруженные в тень лица поворачиваются к ней, сверкают кривые кинжалы.

Она вскидывает руки вверх и хлопает в ладоши, с ее уст срываются чуждые для нее слова, заканчивающиеся именем:

– Баашалийя!

С этим последним словом ее грудь выпускает клокоцущую внутри огненную бурю. Огонь вырывается с такой силой, что раскалывается каменный алтарь. Железные гвозди выламываются из черного гранита, и порожденное тенями животное взмывает высоко вверх. Его кровь окропляет сборище черных фигур, бросающихся врассыпную.

Одна фигура поворачивается к ней, высоко подняв лезвие, с проклятием на устах.

Опустошенная и обессиленная, она может лишь упасть на колени. Она не в силах даже поднять руку, чтобы защититься. Она просто обращает лицо к затянутому дымом небесам, к полному лику луны. Серповидная тень крылатого существа на мгновение застилает серебряный диск и скрывается в дыму и мраке.

Время замедляет свой бег и растягивается. Луна становится еще больше. Военные машины вокруг умолкают. Проникнутые болью и страданием крики сливаются в единый хор ужаса. Земля под ее коленями содрогается, все яростнее с каждым вздохом.

А луна по-прежнему продолжает увеличиваться, заполняя собой небо, ее края теперь обгъаты огнем, отчего мир вокруг становится темнее.

Она находит в себе силы произнести название этой надвигающейся катастрофы:

– Павшая луна...

И тут ей в грудь погружается лезвие кинжала – пронзая наполненное правдой сердце.

«Я не смогла... я подвела нас всех!..»

* * *

Вскрикнув, Никс уселась в кровати.

Слезы застилали ее новообретенное зрение. Сердце гулко колотилось о грудную клетку. Высвободив из спутанного одеяла руку, девушка вытерла глаза. Другой рукой она растерла огненную боль в груди, ожидая увидеть почерневшие от крови пальцы.

«Это всего лишь сон», – заверила себя Никс.

Она слотнула комок в горле, освобождая язык в пересохшем от страха рту.

– Это всего лишь сон, – повторила Никс, теперь уже вслух, чтобы еще больше укрепить уверенность.

Она выглянула в окно на луну, по-прежнему сияющую в небе, такую же, как раньше, не ставшую ни больше, ни меньше. Никс сделала над собой усилие, успокаивая дыхание. Подняв левую руку, она разжала пальцы, затем стиснула их в кулак.

«Пальцев пять, все на месте».

Опустив руку, Никс облегченно оторвала голову от подушки.

– Я просто не в себе, – обратилась она к себе вслух. – Отец всегда щедро добавляет в пирог сидр. И эти разговоры...

Павшая луна...

Девушка была уверена в том, что это ее подпитанное сидром воображение собрало все страхи и сомнения в один кошмарный сон. Вот и все объяснение.

Подняв голову, Никс смотрела на сухие веточки и пучки трав, раскачивающиеся под потолком. Привидевшийся ей кошмар был не более реален, чем игра теней от дрожащего пламени.

Никс напряглась.

Ее взгляд метнулся к прикроватному столику, к темному масляному светильнику. Она помнила, как задула огонек. И ставни на окне были раздвинуты больше, чем она оставляла. Запрокинув голову, девушка всмотрелась в гнездо теней под потолком.

«Там что-то есть».

При этой мысли весь ее мир перевернулся. Внезапно Никс увидела себя со стороны, сидящей в кровати и смотрящей вверх. Она вскрикнула – и увидела, как вскрикнула. Затем мир снова выпрямился, и она уже опять лежала в кровати, уставившись на балки перекрытий.

Ее взгляд привлекли пошевелившиеся пучки сушеной полыни.

Из-под потолка на нее смотрели два горящих красных глаза.

У Никс в груди родился пронзительный крик, но прежде чем он вырвался, сверху до нее дошел громкий стон. Беззвучный, он тем не менее пропитал ее насквозь. Ее кожа откликнулась мурашками. Отразившись от каменной стены, стон заполнил всю келью. Вспоров уши, он прозвучал многократными отголосками у нее в голове, воспламеняя ее мозг огнем.

Девушка зажала уши ладонями, однако это не возымело никакого действия.

Огонь разгорелся, порождая странные ощущения. Нос Никс наполнился терпкой слизью, пахнувшей маслом и потом. Ее язык ощутил вкус сливок, сочных и сладких. Словно повинувшись завывающему ветру с потолка, ее голова откинулась назад на подушку. Неясные образы перед глазами задрожали.

Окружающий мир померк, но другой мир стал более резким, более четким.

...Ее крошечные пальчики гладят косматую шерсть...

...Губки раскрываются, найдя темный сосок, на котором висит одна-единственная капля молока...

...Она жадно сосет и брыкает пухлыми ножками, стараясь подняться ближе к груди...

...Мягкая кожа укутывает ее плотнее, согревая, даря уют.

Никс тряхнула головой, пытаясь прогнать эти воспоминания, отрицая то, о чем уже начала подозревать. Однако все было тщетно.

Неудержимым потоком нахлынули другие образы. Иногда это Никс сама смотрела на мир вокруг; иногда она словно видела себя со стороны.

...Она ползет сквозь камыши...

...Пытается пососать пальчик на ноге...

...Едкий запах серы режет ей нос...

...Горячий язык облизывает ее всю...

...Ее подхватывают и уносят ввысь, в лицо ей дует ветер...

По мере того как образы мелькали все быстрее и быстрее, они почему-то становились все более туманными.

...Молоко, которое она сосет, по-прежнему вкусное и жирное; оно наполняет ей живот, делает ее сильнее, укрепляет ее сон, но также погружает в темноту окружающий мир...

...Теплый язык вытирает ей глаза, уже не так нежно, усиленно, с беспокойством...

...Пронзительные крики и свист, постоянно заполняющие ее голову, весь мир, проникающие в ее естество, теперь звучат печально, тоскливо, словно мир вокруг оплакивает ее...

...Затем она снова в воздухе, ее куда-то несут в полумраке...

...Ее маленькие ушки слышат внизу рев огромного животного, пробирающегося по болоту, вместе с шелестом тростника...

...Ее нежно опускают рядом с животным; ее новое ложе влажное, наполненное ароматом цветов...

...К этому времени она уже почти ничего не видит...

...Над ней склоняется тень, большие глаза смотрят на нее, заросшая щетиной щека прижимается к ее личику; язык в последний раз облизывает ее, ноздри раздуваются, обнюхивая ее, запечатлевая в памяти...

...Затем прощальный взмах огромных крыльев – и она остается одна...

...Она хнычет, давая выход своему горю, и откуда-то сверху ей откликается жалобный стон, который становится все слабее и слабее...

...Она видит, как серповидная тень заслоняет свет луны и исчезает...

Наконец окружающий мир полностью вернулся. Никс снова лежала в своей кровати. Крохотные глазки по-прежнему горели сверху, но теперь уже тускло, не вызывая страха. Девушка хотела отстраниться от увиденного – от забытых воспоминаний, оживленных стоном, – но не могла. Она понимала, что это правда. И все же воспоминаний было слишком много, и они переворачивали вверх ногами все то, что Никс знала о себе.

Прежде чем она хотя бы попыталась осуществить эту невыполнимую задачу, пронзительные крики под балками перекрытий усилились. И снова девушка обнаружила, что смотрит на себя сверху. Она поняла, что видит мир глазами существа, прячущегося под потолком. Затем на этот образ наложился другой, дрожащий, словно отражение на водной глади.

Никс снова была голым младенцем, прильнувшим к соску, уютно устроившимся в густой шерсти, укутанным крылом огромного существа, защищающего ее. Она перевела взгляд на другой сосок, который сосала темная фигура, голая, покрытая пухом. Ее тонкие крылья были неуклюже сложены сбоку. Крошечные когти крепко вцепились в косматую шерсть, а маленькие красные глазки смотрели на Никс. Этот другой малыш всегда был рядом, укрытый под теми же крыльями.

Дрожащий образ наконец погас. В келье снова наступила тишина.

Никс сделала несколько судорожных вдохов и выдохов, оглушенная тем, что узнала. Ее взгляд сосредоточился на балках перекрытий, на паре красных глаз. Теперь она знала, кто прячется под потолком.

Словно в подтверждение ее догадки, темная фигура размерами не больше зимнего гуся, показала себя. Расправив крылья, она одним взмахом достигла узкого окошка. Девушка проследила взглядом, как молодая летучая мышь Мирра вылетела в окно и скрылась из вида.

Никс затаила дыхание, стараясь разобраться в том, как ей отнестись к этому вторжению.

Летучие мыши, беспощадные хищники, были сущим бичом этих суровых земель. Однако в груди у девушки не было ледяных игл страха. Напротив, уверенность окрепла, наполнив ее ужасом.

Она поняла, кто навестил ее сегодня вечером.

Глядя в окно, Никс мысленно представляла себе тот, другой сосок, маленькое существо – но только теперь выросшее и покрывшееся бархатистой шерстью.

«Мой пропавший брат...»

Часть четвертая

Принц-в-чулане

Все красоты мира можно найти в землях Халендии. С востока до запада простираются бескрайние степи, словно предназначенные для того, чтобы по ним ступали сами боги. От клубящихся вершин Саванов до густых лесов Приоблачья и, наконец, до плодородных равнин Тучноземья. И все же самым чудесным является город, вокруг которого вращается эта страна и весь мир, великолепная, блистательная Азантийя.

Выдержка из восьмидесятитомного трактата Лиррасты «Постижение географии»

Глава 11

Издав стон, сын его величества короля проснулся среди вшей и зловония собственной блевотины. Вдалеке на холмах Азантии прозвонил колокол, возвещающий рассвет. Ему откликнулись звоном одна колоколья за другой, всего шесть, расставленные по вершинам звездообразной крепостной стены Вышнего Оплота.

Принц попытался заткнуть уши худенькой подушкой, спасаясь от звуков нового дня, однако от шума у него все равно гудел череп и ныли зубы. Желудок недовольно заурчал, угрожая исторгнуть желчь. Принц сглотнул ее, но только после того, как громко рыгнул.

Наконец над Бухтой Обещаний раскатились последние отголоски утреннего трезвона, и колокола милосердно умолкли.

– Так-то лучше. – Принц Канте обвел взглядом комнату с закрытым ставнями окном, погруженную в полумрак.

Закрыв глаза, он попытался вспомнить, где находится. В воздухе чувствовался запах пота, мочи, прокисшего пива и его собственных испражнений. Сквозь щели в полу снизу проникал аппетитный аромат шипящего на жаровне жира. Из кухни доносился звон горшков, перемежающийся с раздраженным ревом хозяина корчмы.

«Ах да...»

Принц смутно вспомнил деревянную вывеску с нарисованным рыцарем в доспехах, поднявшим к губам меч. «Острие клинка». Давным-давно кто-то превратил меч в торчащий половой член, и с тех пор никто не удосужился исправить похабщину. Развеселившись таким жестом, Канте не смог пройти мимо. Насколько он помнил, это заведение стало третьим из тех, что он почтил своим высочайшим присутствием. Хотя настоящего имени нигде не называл. Как обычно, он был в простом грубом плаще, скрывающем его благородное происхождение.

Канте уселся в койке, затем передумал было, но не стал ложиться снова. Он сбросил босые ноги на пол, гадая, куда подевались штаны. Принц почесал свою промежность, попытавшись выковырять пару присосавшихся вшей. Эта битва заранее была обречена на поражение. Победу тут поможет одержать только горячая ванна с щелоколистом.

Снова застонав, принц встал и распахнул ставню над раковиной, впуская в комнату свежий воздух. Яркий свет обжег ему глаза, но он воспринял это как справедливое наказание. Уже было жарко. На лазурном небе лишь на востоке виднелись полосы розовых огненных облаков. Напротив, далеко на западе у горизонта толпились грозовые тучи. Принесенные со стороны

моря, они сейчас висели над хлебными полями на дальнем берегу реки Таллак, неумолимо надвигаясь на город.

Канте попытался представить себе две небесные реки, о которых ему рассказывал алхимик Фрелль. Ученый утверждал, что текущая по небу горячая река несет огненный жар с выжженной солнцем половины Урта на другую половину, покрытую вечными льдами, после чего, немного остыв, возвращается назад, опустившись ниже к суше и морю, в обратном направлении, с запада на восток. Считалось, что эти две реки, извечно текущие в противоположные стороны, благословили Венец климатом, пригодным для жизни. Иеромонахи верили, что за этим стоят два бога, огненный Гадисс и ледяной великан Мадисс, своими дуновениями гоняющие реки по небу, но Фрелль и его собраты утверждали, что это обусловлено естественным движением огня и льда. Неумолимые споры раздирали надвое девятую террасу Тайнохолма.

Принц вздохнул. Все это его нисколько не интересовало – хотя должно было бы интересовать. Сам он меньше чем через двунеделье должен был подняться на девятый уровень. Канте ничем не заслужил эту почесть – но он был королевским сыном. Совет Восьми не мог отказать ему в Восхождении.

А до тех пор принц намеревался насладиться последними днями летних каникул, вкушая свободу. Разумеется, ему не требовались оправдания, чтобы предаваться разгулу. К настоящему времени репутация Канте была известна всем. Принц по праву заслужил множество прозвищ, которые произносились в кабаках презрительным шепотом, когда он переодетый сидел за кружкой пива: Принц-пропойца, Вдрызг, Его Ничтожество. Однако самым точным оскорблением было просто Принц-в-чулане. Единственным назначением Канте было существовать про запас, на тот случай если его старший брат-близнец умрет. Покоиться на полке: вдруг когда-либо понадобится.

Принц огляделся по сторонам в поисках штанов. Найдя их скомканными в углу, быстро натянул. Канте нисколько не стыдился этих оскорбительных сплетен, заслужив их сполна. Если честно, он поступал так сознательно. Как младший из двух сыновей короля, он никогда не взойдет на престол. Посему Канте прекрасно играл свою роль. Чем ниже опускался он сам, тем ярче сиял его брат-близнец.

«Это меньшее, что я могу для тебя сделать, дорогой братец Микейн!»

Оскалившись, принц продолжил одеваться. Прыгая на одной ноге, он натянул на другую сапог. «Пожалуй, напрасно я задержался в материнском чреве!» Микейн, отпихнув его в сторону, выбрался раньше, с первым же вдохом захватив выгодное местечко. Судьба предопредила ему занять престол, и его с младенчества холили и лелеяли. В возрасте семи лет Микейн был отдан в Легионарий на территории замка. На протяжении восьми лет его обучали военному делу и обращению с оружием, готовя стать будущим властителем Азантийи.

Напротив, Канте запихнули в Вышний Оплот, в школу Тайнохолм. В чем не было ничего неожиданного. В королевских семействах Азантийи близнецы рождались часто, иногда с одинаковыми лицами, иногда не похожие друг на друга. Микейн был словно высечен из белого известняка, унаследовав отцовскую внешность, в том числе светлые выющиеся волосы и небесно-голубые глаза. Девушки – и многие женщины – замирали от восторга, когда он проходил мимо, особенно если учесть, что годы, проведенные в Легионарии, покрыли его тело слоем крепких мышц. Которые, впрочем, не оставались без дела. Очень часто Микейн по вечерам занимался с различным оружием в зале удовольствий Вышнего.

Ничего этого нельзя было сказать про жизнь Канте. Как младшему сыну, ему запрещалось прикасаться к мечам. Кроме того, если не считать одну торопливую, постыдную, суетливую попытку, он оставался девственником. Тут свою роль играло и то, что подобные наслаждения в Тайнохолме строго запрещались – а Канте, в отличие от старшего брата, определенно не пробовал в женщинах вожделения.

В то время как Микейн был храбрым и имел светлую голову, Канте пошел в свою покойную мать. Кожа его имела цвет полированного эбенового дерева, волосы были черными как смоль, а глаза обладали грязно-серым оттенком грозowych туч. И вел себя он гораздо тише, как мать, предпочитая свое собственное общество.

Поскольку Канте было запрещено обращаться с мечом, он увлекся охотничьим луком, и отец даже поддержал его в этом начинании. За многие столетия правления династии королевство Халендия прочно укрепилось на просторах северного Венца. И расширению своих владений оно было обязано не столько мечам и боевым кораблям, сколько плугу, серпу и плотницкому топору. Освоение диких мест имело такое же большое значение, как строительство замков и укрепление крепостных стен. Природа была ничуть не менее грозным противником, чем вражеские полчища.

Итак, как только выдавалось свободное время, Канте отправлялся в холмы и леса Тучноземья охотиться, оттачивая не только меткость, но и умение выслеживать добычу. Он мечтал о том, чтобы как-нибудь взобраться на скалы Кручи и достигнуть окутанных туманной дымкой лесов Приоблачья – и, может быть, даже густолесых высокогорных Саванов Далаледы, отправиться куда дерзали немногие, а возвращались единицы.

«Но такому, скорее всего, никогда не суждено случиться».

Больше того, в последнее время, по мере того как Канте взбирался все выше по террасам Тайнохолма, пробежать на природу становилось все труднее и труднее. Большую часть свободы отнимали занятия. Из-за того что школа держала его взаперти в Азантении, принц начинал все сильнее ненавидеть учебу. Чтобы хоть как-то это компенсировать, он нашел себе новое развлечение. Канте обнаружил, что можно без труда пробежать и на дно стакана.

Вот как он оказался здесь, одолеваемый вшами, с раскалывающейся головой.

Кое-как одевшись, принц накинул на тощие плечи вытертый плащ и спрятал лицо под капюшоном. Выйдя из комнаты, он спустился по кривой лестнице с несколькими расшатанными ступеньками и оказался в общем зале корчмы. Несколько рыбаков сидели за столом рядом с кухней, рассчитывая на то, что у них будет самая горячая похлебка.

Хозяин корчмы протер грязной тряпкой дубовую стойку.

– Как насчет того, чтобы немного подкрепиться? – окликнул он принца. – Есть овсянка с вареным буйволовым окороком.

Канте застонал.

– Как бы соблазнительно это ни звучало, я, пожалуй, откланяюсь. – Достав кошель, он, порывшись, выудил из него серебряный полуэйри и бросил его хозяину. Монета упала на стол, и хозяин накрыл ее тряпкой. – Спасибо за кров.

– Этого больше чем нужно, парень, – с непривычной для себя откровенностью сказал хозяин. – Даже слишком.

– Ха! – Канте положил руку на живот. – Но ты еще не видел, в каком состоянии комната, где я ночевал.

Рыбаки понимающе усмехнулись.

– Жри до отвала, парниша, пока можешь, – окликнул принца один из них, обгладывая кость. Похоже, больше каши попало ему на бороду, чем в пищевод. – Приближается праздник сына владыки, и Вышний высосет из нас, из Понизовья, все соки.

– Вот подождите, – зловещим тоном добавил другой, – все наши бочонки с лучшим вином заберут в замок!

– А нам оставят осадки и объедки! – подхватил третий.

Грузный мужчина с бородой в овсянке выплюнул на блюдо кость.

– Потому что все вы знаете, кто там самый главный пьяница! – Он толкнул локтем своего соседа. – Вдрызг!

Все рассмеялись.

– Его Ничтожество не сильно радуется, видать! – заключил второй.

– Что правда, то правда, – угрюмо подтвердил Канте.

– Тогда как его жилистый братишка на шаг ближе к престолу. – Борода-в-овсянке толкнул локтем другого соседа. – Особенно если учесть, что эта девица из дома Каркасса, по слухам, уже носит кого-то в подоле!

Снова грянул взрыв хохота.

Невесело махнув рукой, Канте оставил рыбаков веселиться и вышел на улицу. Подняв взгляд на солнце, он мысленно проклял Отца Сверху. На западе прогремывал гром, словно коря его за святотатство.

Принц выругался вполголоса.

Похоже, Принц-в-чулане ни у кого не вызывает симпатий.

«И меньше всего у меня самого».

Застонав, Канте прикрыл глаза ладонью и обратил взор из Понизовья на сияющий Венец Вышнего Оплота. Ему еще предстоял долгий путь пешком до дортуара в Тайнохолме.

Опустив голову, принц ниже натянул капюшон, скрывая свое лицо от Отца Сверху. К несчастью, солнечный свет был меньшей из его забот. Каждый шаг отзывался в голове тупой болью. Яркие блики в стеклах окон резали ему взор.

Шатаясь, Канте брел вперед, то и дело прислоняясь к стенам, стараясь удержать в желудке его содержимое. Переходя узкую улочку, он едва не упал. Его подхватила чья-то рука, помогая удержаться на ногах.

– Премного благодарен, – пробормотал Канте.

Но только тотчас же эта самая рука выдернула его с улицы в темный переулок. Сразу же его схватили другие руки. Принц увидел троицу разбойников в темных плащах. Его охватила паника. Он мысленно выругал себя за потерю бдительности – что в Понизовье было недопустимой оплошностью даже при свете дня.

Приставленное к груди острие кинжала наглядно подчеркнуло то, насколько непростительной ошибкой была потеря осторожности.

– Только пикни – и ты умрешь! – предостерег принца зловещий шепот. Его увлекли вглубь переулка.

Канте вспомнил свой тяжелый кошель, серебряный полуэйри, щедро брошенный хозяину трактира. Напрасно он так беспечно обращался со своими монетами. В Понизовье щедрость редко вознаграждается.

– Похоже, мы поймали Принца-в-чулане! – прошипел один из разбойников.

Канте напрягся. Он уже нащупал свой кошель, готовый расстаться с его содержимым, но теперь до него дошло, что сегодня медные пинчи и серебряные эйри не купят ему свободу. Даже никчемный Принц-пропойца стоил больше горсти серебра.

Чувствуя, как голова у него пошла кругом, Канте натужно засмеялся. Пошатнувшись, он повалился на грабителя с кинжалом.

– Вы... вы думаете... только потому, что я такой красивый и смуглый... я принц?

Он презрительно фыркнул.

Второй разбойник склонился к нему так, что они оказались нос к носу. Канте в лицо ударил смрад перегара и гнилых зубов.

– Фент, ты уверен, что это он?

Увидев свой шанс, принц применил свое единственное оружие. Расслабив желудок, он извергнул мощную струю рвоты. Зловонное месиво попало разбойнику прямо в лицо.

Взревев, тот отшатнулся назад, протирая глаза.

Воспользовавшись мгновением шока, Канте обрушил каблук своего сапога на ногу другому похитителю. Разбойник взвыл от боли, и принц освободился от его хватки. Кинжал вспо-

рол его плащ, однако лезвие не дошло до плоти. Лягнув ногой, Канте попал третьему разбойнику в грудь, с силой отшвырнув его в стену.

Не дожидаясь, пока грабители опомнятся, принц выбежал на улицу, мысленно благодаря следопыта из Приоблачья, который научил его, как охотиться, как обращаться с луком и, что самое важное, как вести себя в опасности, когда охотник становится добычей. «Порой бегство – лучшее оружие», – крепко вдолбил в Канте Бре’бран.

Воспользовавшись усвоенным уроком, Канте выбежал на залитую солнцем улицу. Наткнувшись на прохожих, он выбил из рук какой-то женщины сверток.

– Прошу прощения! – пробормотал принц, не останавливаясь.

Добежав до первого перекрестка, он свернул на другую улицу, мысленно давая себе зарок: «В будущем быть осторожнее – и скупее».

* * *

Учащенно дыша, Канте заткнул уши, спасаясь от звона следующего колокола. Ему показалось, будто неумолимая бронза грохочет прямо у него в черепной коробке.

Пережидая гул, принц забился в полумрак прохода, ведущего сквозь Штормовую стену. Прижавшись к стене, сложенной из здоровенных кирпичей, он оглянулся назад в поисках погони.

Когда-то эти мощные стены толщиной в сажень обозначали внешние границы Азантийи, на протяжении тысячелетий оберегая город от свирепых штормов, бушевавших в Бухте Обещаний. Но эти укрепления защищали город не только от непогоды. Еще в стародавние времена на огромной территории твердыни были устроены арсеналы и казармы, наружные стены были испещрены бойницами. Бесчисленное количество раз вражеские полчища разбивались о неприступные стены крепости – и вот уже на протяжении нескольких столетий никто не дерзал подступить к Азантийи.

Хотя если слухи о грядущей войне не были беспочвенными, этим стенам вскоре, возможно, предстояло снова выдержать испытание. На всем протяжении южной границы участились вооруженные столкновения. Нападения на торговые корабли королевства происходили постоянно.

Когда трезвон закончился, Канте продолжил путь по проходу и вышел с противоположной стороны, оставив позади Понизовье и – хотелось надеяться – троих разбойников. И все же принц по-прежнему с опаской озирался по сторонам.

По прошествии многих столетий Азантийя больше не могла уже оставаться в тесных границах Штормовой стены. Город разросся во все стороны, в том числе и в бухту. Новые постройки возводились на полях плотного ила, отчего портовые сооружения приходилось относить все дальше от города.

К несчастью, штормы продолжали случаться с пугающей регулярностью.

Вот и сейчас, словно напоминая об этом, прогремел раскат грома.

Раскинувшееся за пределами городских стен Понизовье постоянно подвергалось опустошительным наводнениям, убогие строения нередко затапливались или смывались. Но быстро восстанавливались. Шутили, что Понизовье такое же непостоянное, как погода. Карты местности составлялись в основном по наитию, а не по путеводу или секстонту – и чернил на них особо не тратили.

Пройдя за Штормовую стену, Канте оказался собственно в городе, известном под названием Среднеград. Под защитой массивных укреплений здания росли вверх, некоторые поднимались до середины крепостных стен. Многие строения возводились на прежних фундаментах, одна династия оказывалась погребена под другой, они наслаивались друг на друга подобно страницам книги – история, записанная в камне.

В Среднеграде также были сосредоточены главные богатства города, стекающиеся со всех сторон: с многочисленных ферм окрестного Тучноземья, из каменоломен и рудников Гулд'Тула на востоке, с пастбищ Аглероларпока на западе. Все это проходило через Понизовье, затем через Среднеград и, наконец, попадало в Вышний Оплот, цитадель на холме в самом центре Азанттии.

Канте продолжал свой путь, и кишашие мухами мясные лавки у самых крепостных стен сменялись трактирами, портновскими и сапожными мастерскими, а затем появились и ювелирные мастерские, а также ломбарды. Окна домов были украшены горшочками с цветами. Все чаще встречались садики с пахучими растениями, обнесенные коваными оградами. На такой высоте в воздухе чувствовался запах соли, принесенной ветрами, которые постоянно дули со стороны бухты, прогоняя смрад и зловоние Понизовья.

Оглянувшись напоследок по сторонам, принц наконец позволил своему сердцу успокоиться, уверенный в том, что ему удалось оторваться от разбойников. Он продолжил путь наверх, пробираясь сквозь сгущающуюся толпу. Тележки и повозки с впряженными в них низкорослыми пони и буйволами со спиленными рогами, нескончаемая кровь города, заполняли улицы и переулки.

Позади раздался резкий оклик, сопровождаемый щелчком кнута.

– Эй ты, посторонись!

Канте едва успел отскочить в сторону, пропуская здоровенную повозку, груженную в два ряда бочками с вином, которая направлялась к сиянию Серебряных Врат, ведущих в Вышний. Проводив взглядом повозку, принц вспомнил слова рыбаков в «Острие клинка».

«Похоже, эти ребята не зря беспокоились насчет своей выпивки».

Также Канте обратил внимание на то, что улицы в верхней части города были украшены сотнями стягов с гербами дома Массиф: черной короной на фоне шести лучей золотого солнца. На самом деле стены Вышнего в плане напоминали солнце с герба, поскольку были возведены, когда династия, представителем которой являлся Канте, четыреста шестнадцать лет назад получила королевский престол.

«Да здравствует наше правление! – с горечью подумал принц. – Хотя сам я никогда не взойду на престол – да и не хочу».

И все-таки он ощутил укол сожаления. Прежде Канте, соскучившись, частенько возвращался в свои покои в Вышнем. Это был единственный дом, который у него когда-либо был. В детстве они с Микейном были неразлучны, как это нередко бывает с близнецами. Но даже эти узы не смогли противостоять судьбе, которая развела братьев в разные стороны.

Со временем визиты Канте становились все более редкими.

Отца это явно устраивало.

По мере того как росла гордость короля своим светлым сыном, он все меньше терпел сына смуглого. Холодное пренебрежение переросло в жаркие перепалки и обвинения. И возможно, это была одна из причин, по которым Канте в конце концов оказался в «Острие клинка» с раскалывающейся от боли головой и бурлящим желудком. Быть может, подспудно он стремился оправдать отцовское презрение.

Чтобы избавить брата и отца от своего присутствия, Канте стал избегать Вышнего. Однако через восемь дней ему придется пройти в Серебряные Врата еще раз.

По улице пронесся резкий порыв ветра – предвестник надвигающейся грозы. Знамена над головой лихорадочно затрепетали. Некоторые из них были украшены рогатой буйвожьей головой, гербом дома Каркасса, нажившего состояние на сотнях тучных пастбищ по всему Тучноземью и Аглероларпоку. Если повозки можно было назвать кровью города, Каркасса облекали мясом кости этих земель.

Канте хмуро смотрел на знамена двух домов. Трепещущиеся на ветру полотнища красноречиво говорили о том, что его дни как Принца-в-чулане подходят к концу.

Двунеделье назад его брат ошеломил всех заявлением о своей помолвке с леди Миэллой из благородного дома Каркасса. Свадьба должна была состояться через восемь дней. Предположительно, такая скорая дата была выбрана, для того чтобы успеть ко дню рождения Микейна, его семнадцатилетию. Впрочем, поговаривали, как те рыбаки в корчме, не объясняется ли подобная спешка чем-либо другим: быть может, леди Миэлла уже носит под сердцем ребенка. Разумеется, за подобные неосторожные высказывания можно запросто было лишиться языка.

В любом случае, похоже, восхождение Микейна на престол – возможно, с появлением нового наследника – было обеспечено. И впредь роль Канте в жизни будет ограничена в лучшем случае должностью королевского советника. Вот почему его отправили в Тайнохолм – чтобы получить надлежащее образование для будущего места в королевском совете. И Канте следовало бы быть признательным за такую возможность. Изучив в школе историю, он знал, что в прошлом многие братья-близнецы королей не могли похвастаться подобным снисхождением. Нередко принцев, родившихся только для пребывания в чулане, сталкивали с полки с кинжалом в боку в качестве прощального подарка, чтобы не оставалось никаких вопросов о праве первородства, способных в будущем вызвать бунт.

Хотя никто, судя по всему, не замечал подобных честолюбивых устремлений Канте.

«Так оно и к лучшему».

Свернув с Серебряной улицы, принц направился на юг, где на высоком холме были высечены террасы древней школы Тайнохолм. Девять ее уровней поднимались до высоты крепостных стен Вышнего, и девятая даже выглядывала из-за них. Два костра горели на вершине школы, постоянно окутанные дымом благовоний и алхимикалий. Они звали Канте домой, в изгнание.

Смирившись со своей судьбой, принц повернул к школе. Дойдя до Тайнохолма, он быстро прошел в ворота и начал подъем на восьмую террасу. Там находились его покои – он будет жить в них по крайней мере еще двенадцать дней, после чего поднимется на девятый, последний, уровень школы.

«Но что потом?»

Канте покачал головой, решив оставить эти загадки на будущее – когда, хотелось надеяться, у него не будет так болеть голова, кажется, готовая расколоться по швам.

К тому времени как принц поднялся на восьмую террасу, он уже хорошенько пропотел, расставшись с последствиями вчерашней гулянки. Даже пустой желудок заурчал, требуя пищи. У Канте мелькнула было мысль не заходить к себе и направиться напрямик в трапезную в надежде перехватить кусок мяса, но затем он передумал, вспомнив, в каком виде оставил свою комнату в трактире.

«Лучше не рисковать, а то обгажу еще одну кровать!»

Покинув солнечный свет, принц оказался в коридоре дортуара восьмилеток. Покои Канте размерами значительно превышали крошечные аскетичные клетушки его одноклассников. Спальня выходила окном на Вышний, словно с издевкой напоминая об изгнании. Поднявшись на восьмой уровень, принц закрыл окно ставнями и больше не открывал их.

Наконец Канте подошел к двери и обнаружил приколотый к косяку запечатанный свиток.

Принц вздохнул, гадая, какая напасть ожидает его сейчас. Открепив пергамент, он по привычке убедился в том, что кроваво-красная восковая печать на месте. В свете факела, освещающего коридор, Канте разглядел герб – книгу, обмотанную цепями, – говорящий о запретах, запертых в древнем фолианте.

Символ Тайнохолма.

Он несколько расслабился. «Лучше этот знак, чем черное солнце на фоне золотой звезды!» Любое слово из Вышнего сулило ему неприятности.

Вскрыв печать, Канте развернул свиток и тотчас же узнал аккуратный почерк алхимика Фрелля. Этот человек был наставником принца с тех самых пор, как тот впервые вошел в Тай-

нохолм. Для такого уважаемого ученого подобная задача была мучением – и нередко бесплодным. Тем не менее Фрелль демонстрировал бездонное терпение.

«А может быть, жалость».

Поднеся свиток к факелу, Канте прочитал послание.

Принц Канте ри Массиф!

Есть одно важное дело, которое я хочу обсудить с вами наедине. Буду крайне признателен, если вы заглянете ко мне в мой личный схолярий, как только вам будет удобно. Это весьма неотложный вопрос, требующий определенной осторожности. Увы, считаю, что для его решения требуется человек с вашим положением и связями.

Канте застонал, с тоской представляя соблазнительную ванну с щёлоколистом, о которой мечтал всю долгую дорогу наверх. Пока что придется о ней забыть. Несмотря на то что мягкие формулировки послания выражали скорее вежливое приглашение, принц без труда понял, что скрывалось за ними в действительности. Фрелль был одним из членов Совета Восьми школы, и не обращать на него внимания было нельзя. Что хуже, послание было доставлено вчера – уже после того, как Канте начал свое падение, завершившееся кишасей вшами койкой в корчме Понизовья.

Скомкав пергамент, принц повернулся спиной к двери, гадая, что может означать вызов к алхимику. Однако богатый опыт подсказывал ему ответ.

«Ничего, кроме новых неприятностей».

Глава 12

Канте остановился перед обитой железом дверью с гербом Тайнохолма, единственным дополнением к которому была серебряная ступа с пестом, знак алхимиков. В противоположном конце восьмой террасы была другая запертая дверь, но только с другим знаком, книгой с золотой звездой, обозначающей иеромонахов.

Порог той, другой, двери Канте не переступал еще ни разу.

Из-под длинной рубахи принц достал тяжелый железный ключ, висящий на плетеном кожаном ремешке. Хотя за восемь лет учебы в Тайнохолме он уже тысячу раз отпирал эту дверь, его охватила дрожь. Повернув ключ, Канте распахнул дверь. Сразу же за порогом началась узкая винтовая лестница, ведущая вверх и вниз. Этими ступенями дозволялось пользоваться только тем, кто достиг Высшего Прозрения в алхимии.

Или, как в случае Канте, принцу, к которому приставлен наставник, имеющий этот ранг.

Стараясь унять учатившееся дыхание, Канте начал подниматься вверх. Лестница вела с первого уровня в основании Тайнохолма до самого девятого уровня наверху. Она позволяла алхимикам перемещаться с одной террасы школы на другую, не сталкиваясь с учениками, бегавшими вверх и вниз по наружным лестницам. Наверху винтовая лестница заканчивалась на девятой террасе в полукруге башен, предназначенных для изучения алхимии.

Такая же лестница, предназначенная для иеромонахов, проходила снизу доверху в противоположном конце Тайнохолма, заканчиваясь среди башен, предназначенных для занятий религией и молитв. Впрочем, Канте никогда не проделывал этот путь – и у него не было ни малейшего желания.

Поднявшись по лестнице до конца, принц прошел под аркой, покрытой всевозможными затейливыми алхимическими символами, которая вела в просторный главный зал. Опустив голову, он засеменял по каменным плитам. Над головой массивная чугунная люстра трепетала причудливыми разноцветными огоньками. Посередине горел самый большой огонь черного цвета, выпускающий струю белого дыма.

Затаив дыхание, Канте поспешил пройти под люстрой.

Сам воздух здесь был насыщен таинственными загадками, наполнен едкими запахами алхимических веществ и грозовой энергией, от которой волосы становились дыбом. Вероятно, это ощущение усугублялось беспокойством, охватившим принца. Он прекрасно знал, какое наказание ждало того, кто поднялся на девятый уровень без надлежащего приглашения. Простым ученикам доступ сюда был запрещен.

Канте обладал особыми привилегиями – не столько потому, что он был принцем крови, сколько вследствие уважения, которым пользовался его наставник. Никто не ждал от Фрелля, что он будет бегать вверх и вниз по школе, занимаясь Принцем-в-чулане. Вместо этого Канте буквально через день сам совершал этот подъем – теперь, когда он уже достиг восьмого уровня, ставший существенно короче.

За столько лет другие алхимики преодолели первоначальное потрясение, которое испытывали при виде принца. Если не считать редких раздраженных взглядов, теперь на него по большей части не обращали внимания – что мало отличалось от того, как к нему относились его одноклассники. Одни по-прежнему избегали Канте из зависти, злобы или недовольства его особым положением. Другие, наоборот, вначале пытались заручиться его расположением, но, потерпев неудачу, присоединились к первым в своем презрении.

Услышав громкий хлопок, Канте едва не выпрыгнул из собственного тела. Звук прогремел где-то сверху. Принц непроизвольно пригнулся, предположив, что какой-то эксперимент пошел не так. Донесшиеся с той же стороны приглушенные крики укрепили его в этой догадке. У каждого алхимика имелся собственный схолярый для проведения исследований.

Добравшись до противоположного конца главного коридора, Канте поспешил по изгибающемуся проходу, освещенному факелами. На стенах висели потемневшие от времени писанные маслом портреты наиболее выдающихся ученых мужей школы. Добежав до двери, ведущей в западную башню, принц начал подниматься по винтовой лестнице на самый верх. Именно там разместил свой схолярий алхимик Фрелль.

Подойдя к простой дубовой двери, Канте постучал в нее. Он понятия не имел, у себя ли Фрелль, особенно если учесть, что вызов был отправлен день назад.

– Стой! – донесся изнутри крик.

Канте остался ждать, охваченный нервной дрожью.

Наконец с противоположной стороны двери загремел засов, что удивило принца. Фрелль крайне редко запирался у себя в схолярии. Алхимик просто обожал нудно бубнить братьям и сестрам ордена о своей работе или вступать с ними в жаркие споры. Он даже был рад общению с иеромонахами. Именно благодаря своей общительной натуре Фрелль получил место в Совете Восьми, став самым молодым из удостоившихся этой чести.

Наконец дверь приоткрылась, и Фрелль осторожно выглянул в щелочку. Обреченно вздохнув, он распахнул дверь до конца.

– Напомни мне, чтобы я еще раз объяснил тебе значение слова «срочно», – с укором произнес алхимик. – А теперь проходи.

Войдя внутрь, Канте проследил, как Фрелль запер за ним дверь, после чего разинул рот, увидев, в каком виде находится схолярий – не говоря уже про самого ученого.

«Что тут происходит?»

Обыкновенно в схолярии Фрелля царил идеальный порядок: книги аккуратно расставлены на полках, свитки лежат в пронумерованных ячейках, на рабочих столах ни пылинки. И Канте понимал, чем объясняется подобная опрятность. Помещение было забито от пола до потолка. Оно одновременно служило алхимику библиотекой древних манускриптов, научной мастерской и собранием диковин. Причудливые приборы, стеклянные, бронзовые, стояли на полках и столах, и нередко в них бурлили какие-то эликсиры и странные препараты. И хотя окна выходили на все четыре стороны, обыкновенно – как и сейчас – они были наглухо закрыты ставнями, чтобы сохранить в целости хранящиеся здесь ценнейшие трактаты. В то же время в помещении горело множество масляных светильников, их дрожащие огоньки, скрытые стеклом, освещали древние пергаменты.

Однако сейчас ничего этого не было.

– Что здесь произошло? – спросил Канте.

Не обращая на него внимания, Фрелль быстро прошел в глубь помещения, шурша черным одеянием, перетянутым в поясе алой лентой. Алхимик был вдвое старше принца и на голову выше его ростом. Его темно-рыжие волосы были забраны на затылке в хвостик. Обыкновенно лицо его было гладко выбритым, однако сейчас на щеках и подбородке темнела щетина. Его глаза, окруженные сеткой морщинок оттого, что он постоянно прищуривался, разбирая выцветшие чернила рукописей, глубоко запали. Казалось, Фрелль не спал несколько дней и из-за этого состарился на целое десятилетие.

– Иди со мной, – махнул алхимик рукой, приглашая Канте следовать за собой.

Принц прошел за своим наставником в середину помещения. Казалось, здесь прошелся ураган. Повсюду стояли стопки книг. На полу валялись разбросанные свитки. Почти все светильники выстроились на длинном столе, который отодвинули от стены и установили рядом с главным устройством схолярия – которое, судя по всему, находилось в эпицентре этой бури.

Канте остановился рядом с Фреллем у длинной бронзовой зрительной трубы посреди комнаты. Эта зрительная труба была привинчена к основанию на колесиках, а ее конец торчал в отверстии в крыше башни. Огромный прибор, вдвое толще бедра принца, был окаймлен полированными кристаллами и зеркалами, расположенными сложным узором.

Фрелль склонился над стопкой пергаментов, развернутых на соседнем столе. Почесав подбородок, он поднес руку к хрустальным чернильницам с чернилами разного цвета с торчащими в них перьями.

– Дай я сейчас запишу это, пока не забыл свои расчеты. Луна больше не полная, и я должен записать все, что смогу.

Выбрав перо из чернильницы с лазоревыми чернилами, алхимик пододвинул к себе один пергамент и быстро и аккуратно записал несколько цифр рядом с подробным изображением лика луны.

Воспользовавшись моментом, Канте огляделся по сторонам. Увидев закрученную в спираль ленту из черной кожи, он узнал послание, доставленное почтовой вороной. Разобрать, что в нем написано, было невозможно, но принц обратил внимание на большую печать в конце. Она была похожа на печать Тайнохолма, но только крошечная книга была не опутана цепями, а обвита колючей крапивой. Канте узнал эту печать.

«Печать Обителя».

Школы, в которой когда-то обучался сам Фрелль.

Канте снова повернулся к алхимику. Тот, закончив делать пометки, хмуро смотрел в длинную бронзовую зрительную трубу, словно пытаясь проникнуть взглядом сквозь крышу. Фрелль пытался разгадать тайны неба, которое иеромонахи считали возвышенной обителью богов. Канте знал, что алхимик стремился понять то, что скрывалось в расположении и движении звезд, – хотя в основном ему приходилось заниматься своими исследованиями зимой, когда солнце опускалось в самую нижнюю точку и появлялась возможность разглядеть в этой части Венца едва различимые искорки звезд.

Принц догадывался, чем объясняется интерес Фрелля к небесам. Алхимик родился и вырос на самой западной окраине Венца, под сенью Ледяных Клыков, обозначающих границу между Венцом и замороженными пустынями, начинающимися за ними. В этих землях Отец Сверху светил тускло, если вообще светил. Как-то раз Фрелль рассказал про россыпь звезд, видимых на небе в тех краях, однако Канте мог только предполагать, на что это похоже.

Здесь, в Венце, лишенном звезд, Фрелль сосредоточился на том, что было лучше всего видно на небе. Канте бросил взгляд на лежащие на столе бумаги, отметив подробное изображение луны, покрытое каббалистическими письменами, линиями, цифрами, сделанными совсем недавно разными чернилами. Образ получился завораживающе красивым, но холодным и пугающим.

Остальные бумаги на вид были значительно старше, пожелтевшие от времени, выцветшие чернила стали едва различимы; но все они, похоже, были посвящены той же самой загадке.

Луна...

Наконец Фрелль со вздохом покачал головой.

– Наверное, я отупел, или Сын и Дочь ввергли меня в заблуждение.

– Почему вы так говорите? – спросил Канте. Он еще никогда не слышал, чтобы алхимик сомневался, и это вызвало у него беспокойство. Во многих отношениях Фрелль был незыблемой скалой, его опорой в бурной молодости. – Что вас вдруг так встревожило?

– Нельзя сказать, что меня *вдруг* что-то встревожило. Просто я больше не могу отрицать суровую истину. Я больше не могу восседать в своем схолярии, читать древние писания и продолжать бесполезные исследования. У науки есть свой предел. А дальше предположения становятся неизбежной реальностью.

– Не понимаю. Почему вы говорите о неизбежности?

Фрелль схватил принца за руку.

– Грядет конец света, боги вознамерились нас уничтожить!

* * *

Канте силился разобраться в том, что последовало дальше. Потрясенный, он едва слышал слова алхимика, не в силах поверить в то, что его наставник произносит вслух такие кошунственные вещи.

– ...Хотел отмахнуться от этого, – пытался объяснить Фрелль. – Затем два дня назад пришло сообщение из Обители, и я понял, что все мои измерения и расчеты больше нельзя игнорировать.

Бросив взгляд на черное послание, Канте посмотрел на разбросанные по столу изображения луны.

– Какие измерения? Какие расчеты?

– Позволь показать тебе, чтобы ты лучше понял то, что, как я опасаясь, скоро наступит.

Алхимик разложил по порядку древние пергаменты и постучал пальцем по самому левому.

– Эта иллюстра была сделана семь столетий назад, примерно тогда, когда был основан Тайнохолм. Взгляни, как подробно прорисованы черты луны, – что очень примечательно, если учесть, какими примитивными были в то время зрительные трубы. Работа была мучительной, принимая в расчет размеры лунного лика.

– И что с того? – настаивал Канте.

Фрелль пододвинул три других листа.

– Вот эти изображения сделаны двести, сто и пятьдесят лет назад. – Он поднял взгляд на принца. – Последнее было составлено картографом Лиррастой, после того как она перешла от географии к изучению звезд.

– Разве ее не сожгли на костре? – спросил Канте, наморщив лоб и вспоминая давнишний урок истории. Он запросто мог ошибаться. Перечень тех, кто принял такую смерть – или даже еще более страшную – был очень длинным: лучше не затрагивать некоторые вопросы, которые нужно оставить богам.

– Сожгли, – подтвердил Фрелль. – Лирраста совершила смертельную ошибку, усомнившись в существовании Сына и Дочери, приписав их танец действию невидимых сил. Но сейчас главное не это. Ее карта лунного лика и расчеты укладываются в рисунок, уходящий в прошлое на столетия, если не дальше.

– Какой рисунок?

Фрелль постучал по числам на страницах, обозначающим ширину лунного лика. Теперь и Канте заметил, что на протяжении столетий эти числа неуклонно росли.

– Не понимаю, – пробормотал он, разглядывая рисунки. – Это означает то, что луна становится больше?

– Или, что вероятнее, что луна приближается к Урту. И все-таки на основании одних только исторических отчетов полной уверенности у меня быть не могло. Возможно, отличались методы измерений, возможно, времена года, когда велось наблюдения, или даже положение наблюдателя в Венце. Я старался принять в расчет все эти изменения, одновременно пытаюсь найти дополнительные подтверждения.

– И какие же?

Фрелль тряхнул головой.

– Изменения в характере приливов и отливов на протяжении столетий. Или частота женских кровотечений, что, как известно, связано с Дочерью. Я даже изучал поведение ночных существ, реагирующих на прибавление и убывание лика Сына.

– И что вам открыли эти исследования?

– Ничего такого, что напрямую подтвердило бы мои растущие опасения. Поэтому я сам занялся измерениями лунного лика, каждый раз, когда он достигал полноты. Я занимался этим больше десяти лет. И тем не менее полной уверенности у меня по-прежнему не было. За такое короткое время изменения были слишком незначительными. Я опасался, что мне потребуется вся моя жизнь, чтобы подтвердить или опровергнуть мои тревоги.

– Так что же произошло сейчас?

Алхимик пододвинул еще несколько листов.

– За последний год изменения стали более заметными. С каждым оборотом луны. И я определенно не могу игнорировать эти результаты.

– Потому что исследования провели вы сами. Здесь, в Тайнохолме.

– Лик луны становится больше с каждым оборотом, – кивнул Фрелль. – Этого нельзя отрицать. Все происходит быстрее и быстрее.

Канте задрал голову, стараясь рассмотреть сквозь крышу луну.

– Но что это означает? Вы обмолвились про конец света.

– Я боюсь, что вскоре – пожалуй, в течение ближайших нескольких лет – Дочь вернется к своей Матери, врезавшись в Урт и уничтожив все живое.

Канте мысленно представил себе, как луна ударяет по земле – как ударяет по наковальне молот.

– Необходимо предупредить короля, – продолжал Фрелль. – И как можно быстрее. И тут ты можешь оказать неоценимую помощь. Мне нужно получить аудиенцию у твоего отца и его совета. Надо что-то делать – хотя я ума не приложу, что именно.

Канте повернулся к своему наставнику. Есть вещи, в которых принцы разбираются гораздо лучше алхимиков.

– Ни в коем случае! – сдавленно произнес он. – Мой отец – как и все иеромонахи здесь – верит в непогрешимых богов. Если вы хотя бы шепотом выскажете противоположное мнение, вас осудят на мучительную смерть.

Принц представил себе горящую на костре Лиррасту.

– Но даже если ваше предостережение не будет сочтено святотатством, – продолжал он, – мой отец всецело повинуется предзнаменованиям. У него десятки вещателей и чтецов по костям, нашептывающих ему на ухо. Он поутру не пойдет в нужник, сперва не посоветовавшись с ними. И вы хотите сказать королю – готовящемуся к войне с Клашем, что боги скоро нас покарают. Предупредить его о грядущем конце света, когда он уже буквально одержим войной, – отец сочтет это не просто кощунством, но предательством. И вам повезет, если он просто убьет вас на месте.

Однако, несмотря на его пылкую тираду, Фрелль оставался непоколебим. Алхимик потер пальцем щетину на подбородке. Очевидно, он принял слова Канте, но искал способ обойти их.

Обреченно вздохнув, Канте попробовал подойти с другого бока, опережая возможные возражения Фрелля.

– Вам известна история Проклятого Рыцаря.

Фрелль застыл, сбитый с толку резкой переменой темы. И все же он бросил взгляд на скрученное послание из Обители.

«Так, по крайней мере, он знает, чем закончилась эта история».

Нахмурившись, алхимик повернулся к принцу.

– Какое отношение имеет это печальное повествование к...

– Оно поможет вам лучше понять моего отца, – объяснил Канте. – Все знают Грейлина си Мора – рыцаря, чье имя было вычеркнуто из Легиона, кто был навеки проклят. Он нарушил клятву верности и преданности, разделив ложе с одной из самых любимых наложниц моего отца, обладавшей несравненной красотой.

– А после того как та забеременела, рыцарь скрылся вместе с ней в Миррской трясине, – кивнул Фрелль.

– Где она встретила свою смерть. Ее выпотрошенное, разорванное на части тело было покрыто сплошным слоем черных мух. Младенца вырвали из ее чрева. – Принц закрыл глаза, признавая, что родиться Принцем-в-чулане – это еще не самый страшный удел. – Грейлина схватили, распяли на колесе и выслали из королевства, навеки запретив владеть оружием и даже махать кулаками. Но поговаривают, что он отказался забыть свою любовь к этой женщине даже под пыткой. В конце концов Грейлин умер в ссылке – не от травм, а от разбитого сердца.

Скрестив руки на груди, алхимик отвернулся.

– Так оно и было. Это суровый урок, повествующий о разбитых сердцах и нарушенных клятвах.

– Но это еще не вся история, – продолжал Канте, привлекая к себе внимание Фрелля. – Известно ли вам, во что верил мой отец? Почему он так упорно преследовал рыцаря и наложницу, отправив за ними почти весь Легион?

Алхимик ответил молчанием.

– Сказать по правде, отцу не было никакого дела до наложницы. В рассказах она даже не упоминается по имени. На самом деле король щедро открывал свой дворец наслаждений для других мужчин, как для рыцарей Легиона, так и для членов своего ближнего совета.

«И для своего возлюбленного старшего сына».

– И уж точно моему отцу не было никакого дела до того, течет в жилах младенца его кровь или кровь рыцаря. На протяжении столетий матроны дворца наслаждений прекрасно разбирались с незаконнорожденными королевскими отпрысками, время от времени появлявшимися, несмотря на специальный отвар травы бесплодия, препятствующий зачатию.

Фрелль сглотнул комок в горле.

– В таком случае почему король с таким рвением преследовал рыцаря и наложницу?

– Из-за слов чтеца по костям, которого он очень высоко ценил. Не простого ворожее, а такого, который обводит черной лентой глаза и носит серую мантию.

– Одного из Исповедников... – широко раскрыл глаза алхимик.

– Но только этот святой человек целует изображение рогатой гадюки и, по словам моего отца, общается напрямую с черным богом Дрейком.

– То есть он Ифлелен... – Казалось, алхимик готов был сплюнуть от отвращения.

– Так вот, тот Исповедник шепнул отцу на ухо, что младенец, которого носила в своем чреве наложница – неважно, королевский бастард или ребенок рыцаря, – принесет конец света. После такого предостережения король бросился в погоню за Грейлином, которого считал самым преданным своим рыцарем, чьей дружбой дорожил. И все ради того, чтобы убить невинного младенца, объявленного вестником конца света.

В прищурившихся глазах алхимика принц прочитал понимание. Тем не менее он продолжал:

– А вы хотите преклонить колено перед моим отцом и разбередить этот старый страх. Вы полагаете, он будет рад такому совету сейчас, когда надвигается война?

– Я намереваюсь доложить королю не про узор из брошенных костей и не про содержимое желудка жертвенного животного, а про настоящую алхимию, отрицать которую невозможно.

У Канте снова начался стук в голове. Принц потер виски, стараясь прогнать его прочь.

– У меня самого веры в пророчества вещателей не больше, чем у вас. Я думаю, проклятый Исповедник нашептал моему отцу то, что тот сам хотел услышать, чтобы получить оправдание за избавление мира от возможного претендента на престол. А может быть, Исповедник своим предостережением преследовал какие-то собственные цели – например, оговорить благородного рыцаря, к слову которого прислушивался король, и тем самым устранить соперника. Однако с тех пор отец все больше и больше прислушивается к подобным пророче-

ствам, в первую очередь того самого Исповедника. – Канте посмотрел алхимику в лицо. – И ваш голос не будет услышан за всеми этими нашептываниями. Но даже если вам поверят, ваши слова будут обращены против вас самих. Я это знаю. И чего вы этим добьетесь? По вашему же собственному признанию, вы не предлагаете никакого решения, никаких действий, способных предотвратить грядущий конец света, который вы собираетесь преподнести к стопам моего отца.

Фрелль медленно кивнул.

– Ты меня убедил.

Принц вроде бы должен был испытать облегчение, однако от него не укрылась твердая решимость в глазах алхимика.

– Для того чтобы убедить короля наверняка, – сказал Фрелль, – потребуется еще большее святотатство.

– Нет, я имел в виду совсем другое...

Алхимик потрепал принца по руке.

– Нет смысла идти в бой, вынув меч из ножен лишь наполовину. – Он пожал плечами. – Предать меня смерти можно только один раз, ведь так?

– Что вы намереваетесь делать? – простонал Канте.

– Ты только что сказал истинную правду. Я не могу просто рассказать королю про невзгоды; я должен также предложить *решение*. – Фрелль обернулся к разложенным на столе пергаментам. – Для этого мне нужно докопаться до *причины*. И, подозреваю, я знаю, с чего начать.

– И с чего?

– Есть один запретный текст, по слухам, написанный самой Лиррастой. Говорят, он посвящен отношениям между луной и Уртом, между Сыном и Дочерью и их Матерью Снизу. В нем говорится о тех невидимых силах, которые связывают всех их вместе в вечном танце. Но в этом фолианте, по слухам, также содержится величайшее на свете святотатство.

– Какое же?

– Лирраста полагала, что давным-давно, до того как были написаны первые хроники, Мать Снизу не была всегда обращена ликом к Отцу Сверху – в прошлом она сама тоже вращалась, подставляя солнцу всю свою поверхность.

Канте презрительно фыркнул. Подобная мысль не просто кощунственна – это немыслимая чепуха. Принц попытался представить себе непрерывно вращающийся мир, солнце, попеременно пекущее то с одной стороны, то с другой. Мир согревается, затем снова остывает. От одной этой мысли у него голова пошла кругом. Как можно выжить в подобном безумии?

– Я должен раздобыть этот текст, – продолжал Фрелль. – Уверен, в нем можно найти все ответы.

– Но где вы надеетесь найти эту книгу?

– В Черной библиотеке Анафемы.

Принцу показалось, будто под ним разверзлась земля. Он даже посмотрел себе под ноги, зная, где погребена проклятая библиотека. Она хранилась в самых потаенных глубинах Цитадели Исповедников.

– Я должен отправиться туда. – Алхимик решительно шагнул к двери. – Пока еще не слишком поздно.

Глава 13

«Что я делаю?»

Канте спускался следом за Фреллем по винтовой лестнице, проходя один уровень за другим. В пути он по большей части пытался отговорить алхимика от того, чтобы тот изложил свои страхи в величественном тронном зале Азанттии – и в первую очередь чтобы Фрелль воздержался от проникновения в Цитадель Исповедников.

В конце концов принц сдался и умолк.

Все ученики Тайнохолма знали, что скрывается под основанием их школы, в мрачных подземных залах святых Исповедников. Говорили, что цитадель уходит вниз на такую же глубину, на какую высоту поднимаются вверх террасы Тайнохолма.

Разумеется, это место было окутано покрывалом слухов: о таинственных ритуалах, о сидящих на цепи чудовищах, о чародействе и колдовстве. Преподаватели Тайнохолма всеми силами старались развеять эти легенды. Они утверждали, что цитадель под школой является лишь монашеской обителью, где занимаются глубокими исследованиями. Исповедники – те немногие, кому удавалось достигнуть Высшего Прозрения как в алхимии, так и в религии, – продолжали там свои занятия. Они проводили опасные сеансы глубокой медитации, подпитываемые эйфорией, вызванной воздействием различных трав. Погружаясь в каббалистические эксперименты, затворники искали пути, уходящие за пределы горизонта и истории. Для обеспечения строжайшей тайны их работы были скрыты от посторонних глаз, в том числе от алхимиков и иеромонахов Тайнохолма.

Подпитывало эти слухи и то, что сами Исповедники появлялись на людях крайне редко. Никто толком не знал, каким образом они покидают свою цитадель и возвращаются обратно. Слухи о секретных проходах и потайных дверях отпугивали учеников, боявшихся, что их умыкнут ради какого-нибудь кровавого жертвоприношения. И ученики *действительно* исчезали, пропадали бесследно – хотя, как подозревал Канте, это были лишь те недовольные, кто искал свободы за стенами школы.

«И сам я разделяю это стремление».

У принца не было ни малейшего желания выяснять, справедливы ли слухи о Цитадели Исповедников, однако он покорно следовал за Фреллем.

Достигнув первого уровня школы, алхимик замедлил шаг. Винтовая лестница уходила дальше вниз. Постояв, Фрелль повел принца в мрачные глубины подземелья под школой. Он оглянулся на своего спутника.

– Принц Канте, – предупредил алхимик, – быть может, тебе лучше вернуться к себе. Я сделаю все возможное, чтобы попасть в библиотеку цитадели. Хотя посторонних пускают туда крайне редко, такое все-таки случается. Вдобавок я знаю нескольких Исповедников, которые, по крайней мере, выслушают мою просьбу.

Канте махнул рукой, предлагая Фреллю продолжить спуск.

– Когда речь заходит о том, чтобы открыть двери в Цитадель Исповедников, помощи двух-трех друзей внутри может не хватить. Если вам действительно невтерпех туда попасть, принц крови будет лучше дыма из задницы.

– Пожалуй, ты прав. – Вздохнув, алхимик двинулся дальше.

Канте последовал за ним. Он явно не собирался использовать свое положение для того, чтобы помочь Фреллю в его начинании, – однако его великодушие было корыстным. Если повезет, наставник задержится в библиотеке на много дней – достаточно долго, чтобы можно было придумать какой-нибудь другой способ удержать алхимика от того, чтобы тот возвестил королю о грядущем конце света.

Закончив споры, алхимик и принц прошли первый уровень и спустились еще глубже. Сделав еще пять витков, лестница привела к окованной железом двери из черного дерева. При виде ее, особенно от герба, вырезанного над притолокой, у Канте по спине пробежала холодная дрожь. Это снова была книга, но только не опутанная цепями или крапивой, а стиснутая в кольцах рогатой гадюки. Такой символ предупреждал о том, какими смертельно ядовитыми являются знания, скрытые за порогом.

Шагнув к двери, Фрелль достал из кармана ключ и отпер замок. Он распахнул дверь, но Канте остановил его, положив руку на косяк из черного дерева. Алхимик недовольно нахмурился, но принц покачал головой.

«Не надо».

До них доносились голоса – сперва глухие, но теперь, когда дверь открылась, они стали более отчетливыми.

Канте без труда узнал гневную властность голоса своего отца. По долгому опыту он знал, что лучше не заставить короля врасплох. Также принц опасался, что Фрелль воспользуется этой неожиданной возможностью и вывалит свои опасения прямо сейчас.

«Этого нельзя допустить».

Не убирая руку с двери, Канте знаком предложил алхимику отойти в сторону, чтобы можно было подслушивать то, о чем говорили в соседней комнате. Посредине просторного помещения, высеченного в стекловидном черном камне, стояли четыре фигуры. В отполированных до блеска гранях на стенах и потолке отражалось все происходящее. Два десятка дверей из черного дерева, подобные входной, каждая со своим символом, вырезанным под притолокой, вели вглубь цитадели.

«Что скрывается за этими дверями?»

Принцу вспомнились слухи о тайных проходах Цитадели Исповедников. Определенно, один из них *должен* был вести напрямик в Вышний, особенно если учесть, что король находился здесь без обычной свиты и стражи.

Канте окинул взглядом своего отца, облаченного в начищенные высокие сапоги, шелковые рейтузы и расшитый бархатный камзол. Плотный темно-синий плащ спускался с плеч до самых пят, словно хоть какая-нибудь одежда могла скрыть величие короля Торанта ри Массифа, суверенного правителя Халендии, законного повелителя всех земель и подданных королевства.

Бледное каменное лицо монарха отражалось в сотне полированных граней на стенах. Резкие черты его лица смягчались ореолом вьющихся светлых волос, разглаженных маслом. В настоящий момент отец Канте разочарованно хмурился – принцу было очень хорошо знакомо это выражение.

– Вы потеряли бронзовую реликвию? – гремел Торант. – Артефакт, который мог обеспечить нам победу в грядущей войне! Вот почему ты летел сюда, чтобы положить свою неудачу к моим ногам?

– Уверяю вас, ваше величество, это лишь временная заминка. Которая будет тотчас же исправлена, как только мы найдем беглого каторжника, укравшего изваяние. Мы перевернем вверх дном всю Наковальню. Вор не сможет долго оставаться незамеченным с такой спутницей.

Канте узнал преклонившего колени человека в серой мантии с черной полосой татуировки на глазах и серебристыми волосами, заплетенными вокруг шеи. Это был тот самый Исповедник, который нашептывал королю на ухо разные ужасы. Он стоял, потупив взор, своей покорной позой стараясь пригасить бушующую ярость Торанта.

– Врит, – прошептал Фрелль.

В одно это имя он вложил столько отвращения, сколько не поместилось бы в фолианте в тысячу страниц.

«Итак, не я один знаю этого ублюдка».

– Завтра утром я возвращусь на воздушном корабле обратно в Гулд’Гул, – заверил короля Исповедник. – И лично прослежу за тем, чтобы артефакт был возвращен в самые ближайшие сроки. Всю свою жизнь я посвятил поискам древней магии, порожденной утерянной алхимией. Я не допущу, чтобы это бронзовое божество ускользнуло из наших рук!

– Этого не должно произойти ни в коем случае! – приказал король. – Вассальный военачальник Хаддан опасается, что этот вор попытается продать такое могучее оружие Клашу, чтобы купить себе свободу. Он полагает, что для паршивца это единственный выход.

– Вы совершенно правы. Мы уже приняли в расчет такую возможность. Шпионы Клаша, те, кого мы знаем, были схвачены и допрошены с пристрастием. Кроме того, за портом Наковальни ведется круглосуточное наблюдение. Божество снова будет нашим!

Король опустил плечи.

– Искренне верю в это, – закончил он уже не так горячо. – А пока что мне нужно заняться другим вопросом. С противоположного берега бухты пришла слезная просьба от моего двоюродного брата. В Мирре неприятности.

Услышав эти слова, Врит прищурился.

Однако отец Канте махнул рукой, отпуская его.

– Организуй поиски в Наковальне. А мы с Хадданом займемся другими делами. Если нам повезет, возможно, для достижения победы даже не понадобятся древняя магия и божества.

Судя по лицу Врита, его любопытство только возросло, однако он просто кивнул и отступил назад, почтительно поклонившись, что со стороны Исповедника показалось издевкой.

Не обратив на это внимания, король повернулся к высокому юноше в легких доспехах, стоящему рядом с ним, – еще одна фигура, слишком хорошо знакомая Канте.

– Микейн, похоже, вскоре мы найдем применение твоему младшему брату.

Канте насторожился.

«Это еще что такое?»

Король повернулся к четвертому члену маленькой группы. Этот человек, невысокий и кругленький, в белом облачении иеромонаха, однако был не простым учителем. А председателем Совета Восьми, главой всего Тайнохолма.

– Настоятель Нафф, разыщи моего сына и передай, чтобы к первому колоколу Вечери он был у меня в комнате совещаний.

– Будет сделано, – склонил голову тот.

Видя, что группа собирается расходиться, Канте попятился назад. Фрелль беззвучно закрыл дверь и повернул в замке ключ, после чего повел принца к лестнице.

Оба не проронили ни слова до тех пор, пока не поднялись на третий уровень школы.

– Что все это значит? – запинаясь, выдавил Канте. – Древняя магия? Мощное оружие? Бронзовое божество?

– Я не знаю, – признался Фрелль. – Но, если тут замешан этот проклятый Врит, ничего хорошего быть не может. В последнее время Ифлелены набрали силы во мраке Цитадели Исповедников. Чего и следовало ожидать. Слишком часто барабаны войны заглушают голос мудрости. Страх распаляет дерзкое честолюбие, порой даже в лучших из нас. Ну а в худших...

Он умолк.

Канте мысленно представил себе Исповедника Врита.

– Что нам делать?

Алхимик ускорил шаг.

– Для начала нужно сделать так, чтобы я присутствовал вместе с тобой в комнате совещаний.

Принц остановился.

– Не собираетесь ли вы завести разговор о...

– Нет, пока что мы оставим луну Сыну и Дочери. В болотах Мирры что-то происходит. Я не могу взять в толк, как все это связано, но у меня мало веры в случайные совпадения. Что-то назревает. Здесь, потом в Гулд’Гуле, и вот теперь в Мирре.

Вспомнив черное послание у алхимика на столе, Канте в который уже раз задумался, что за известие было отправлено Фреллю. Поднимаясь по лестнице, он почесал горло. Подобно алхимику, Канте также чувствовал действие невидимых сил.

Но только ему они казались затягивающейся у него на шее петлей.

* * *

Когда затих звон первого колокола Вечери, Канте стоял перед длинным столом для совещаний, вытянувшийся в струнку, в неуютной вычищенной придворной одежде и парадных сапогах, которые он надел после ванны с щелоколистом. Принц даже начистил свой темный короткий бархатный плащ.

«Лучше играть роль принца, пока есть такая возможность».

Сплета руки за спиной, Канте расправил плечи. За столом перед ним сидели пятеро. Казалось, то же самое сборище просто переместилось из Цитадели Исповедников в эту каменную комнату позади тронного зала. Правда, принц с облегчением отметил, что Исповедника Врита сменил вассальный военачальник Хаддан си Марк.

Главкомандующий Халендии сидел по правую руку от короля. Даже сидя, он на целую голову возвышался над отцом Канте. Военачальник брил голову, чтобы проще было надевать шлем, хотя Канте подозревал, что на самом деле Хаддан делает так, чтобы демонстрировать всем свои шрамы, в первую очередь неровный рубец, проходящий от макушки до левой скулы. Вероятно, этими боевыми ранами он гордился больше, чем любыми ленточками, орденами и почетными знаками. Черные глаза полководца напоминали два отполированных до блеска кремня. Едва ли губы его когда-либо растягивались в улыбке – по крайней мере, Канте этого никогда не видел.

Единственным незнакомым ему человеком был тощий как жердь мужчина с соломенно-светлыми волосами, сидящий поодаль от остальных, словно ему не позволялось приближаться к королю. Его взгляд, если не обращенный на колени, метался из стороны в сторону. Лоб влажно блестел. Наряд его, хоть и чистый и опрятный, не шел ни в какое сравнение с пышными одеждами остальных присутствующих, а глупые рюши на шелковой сорочке вышли из моды по крайней мере несколько лет назад.

Должно быть, от отца Канте не укрылся любопытный взгляд его сына.

– Младший градоначальник Харлак хи Шармейн из расположенного на том берегу бухты Фискура, – представил незнакомца король Торант. – Вам с Микейном он приходится троюродным братом.

Харлак напрягся, едва не вскочив с места. Он испуганно перевел взгляд с короля на одного, затем на другого принца.

«Значит, бедный родственник, который чувствует себя здесь неловко».

От Канте не укрылась легкая презрительная усмешка на лице Микейна. Брат сидел слева от отца, опираясь на подлокотник кресла. Свои золотистые волосы он остриг до шапочки жестких кудрей, опять же, по всей видимости, для удобства надевания доспехов. Его небесно-голубые глаза подернулись льдом. В целом Микейн, в отличие от брата, производил впечатление взрослого мужчины – в нем не осталось ничего от того товарища по детским забавам, который с криками и смехом носился вместе с Канте по коридорам дворца.

Даже в этом братья разошлись в разные стороны.

Облаченный в свой лучший наряд, Канте все равно ощущал себя грубым неотесанным камнем рядом с ограненным бриллиантом.

– Ваш троюродный брат Харлак принес нам неожиданное и трагичное известие, – снова заговорил король Торант. – Его брат, верховный градоначальник Фискура, просит нас о помощи.

Канте услышал, как слева у него за спиной пошевелился Фрелль. Алхимик вызвался сопровождать его сюда. Настоятель Нафф пытался его отговорить, но тщетно.

– Что за историю поведал наш троюродный брат? – наконец подал голос Канте.

Король подался вперед.

– Сын градоначальника, семилетка в Обители, был жестоко убит. Гигантская летучая мышь Мирра оторвала ему голову.

Канте внутренне вздрогнул, сознавая, что любое внешнее проявление чувств будет осуждено.

– Градоначальник просит вооруженный отряд, чтобы сопровождать его дочь в школу, а затем избавить болота от жестокого чудовища.

Канте нахмурился. Он знал, что численность этих зверей, держащих в страхе болота и топи, измеряется тысячами.

– Как мы сможем узнать, какая именно тварь отняла жизнь у сына нашего троюродного брата? – спросил он, озадаченный тем, каким образом может осуществиться подобное возмездие.

– Так. – Король подал знак военачальнику. – Предоставляю Хаддану объяснить подробнее.

Великан прочистил горло, издав рык, подобный камнепаду.

– Мы углубимся в болота с целой центурией воинов.

Канте едва не ахнул вслух.

«Сотня рыцарей? Для охоты?»

Но полководец еще не закончил.

– А во главе их пойдут двадцать вирлианских гвардейцев.

Тут Канте не сдержался и ахнул, чем вызвал у своего брата недобрую усмешку. Вирлианская гвардия, отборная часть легиона, состояла из закаленных в битвах воинов, чьи лица были покрыты сплошной красной татуировкой, призванной подчеркивать их статус, заслуженный кровью, и вселять ужас во врагов.

– Мы будем вести охоту не на одинокого убийцу, – продолжал Хаддан. – Вот уже много столетий эти твари бесчинствуют на болотах. Мы начнем беспощадную травлю и постараемся до новой луны убить как можно больше этих чудовищ. Даже если нам не удастся истребить всех до одного, мы, по крайней мере, преподадим им хороший урок впредь больше никогда не заявляться на земли людей.

При мысли о подобной кровавой бойне Канте стало тошно. Как охотник, он научился брать из леса или реки ровно столько, сколько нужно. Безжалостное истребление любых животных просто ради пролития крови казалось ему жестоким и бессердечным. У него вызывали отвращение железные капканы, расставленные в лесу. Наткнувшись на такой, принц защелкивал его толстой веткой, чтобы острые зубы без надобности не мучили какого-нибудь зверя.

Фрелль шагнул вперед, спеша на помощь своему потрясенному ученику.

– Прошу прощения, сир! Я прожил девять лет в Мирре. Вы позволите задать несколько вопросов?

Торант махнул рукой.

– Возможно, я покажусь дерзким, – поклонившись, начал алхимик, – но мне кажется, что такое истребление созданий выходит за границы чистого возмездия.

Король удивленно поднял бровь.

– Похоже, не зря ты самый молодой из Совета Восьми.

– Я польщен, ваше величество.

– Но ты прав. За этой охотой стоит и другая причина. Весь прошлый год Хаддан и настоятель Нафф искали пути, как нам обзавестись более мощным оружием. От новых боевых машин до химии негашеной извести и дегтя.

Канте вспомнил грохот, от которого содрогнулся весь Тайнохолм.

– Но Исповедники предложили другой способ повысить смертоносное действие наших стрел, мечей и копий, – продолжал король Торант.

– Яд, – кивнул Фрелль.

Вторая бровь короля поднялась, присоединяясь к первой.

– Совершенно верно. Хорошо известно, что яд крылатых чудовищ является очень сильным. Ни одному человеку не выжить даже от небольшой дозы. Исповедники считают, что, если добыть из желез летучих мышей этот яд, летальное действие нашего оружия возрастет стократно.

Потрясенный Канте сглотнул комок в горле.

– Что подводит нас к последнему вопросу, – заключил король. – Я сказал «ни одному человеку», имея в виду мужчин. Но одна *женщина* выжила. Слепая девушка, присутствовавшая при кровавом нападении на крыше Обители. Она не только выжила после воздействия яда; к ней вернулось зрение. Очевидно, подобное чудо является знаком со стороны богов.

Фрелль напрягся.

– Я хочу, чтобы эту девушку доставили в Вышний, – продолжал Торант. – Здесь ее смогут тщательно изучить наши Исповедники и физики. Кровь, желчь, плоть – все, что потребуется. Понимание природы этого необычного явления может оказаться очень ценным. И в любом случае благословение богов не должно прозябать в болотах. – Наконец взгляд короля остановился на его смуглом сыне. – И поскольку этот вопрос имеет для нашего королевства высочайшую важность, принц Канте присоединится к охоте.

Оглушенный Канте непроизвольно сделал шаг назад.

– До меня дошли слухи о его значительных успехах на охотничьем поприще, – продолжал Торант. – Настало время моему младшему сыну выйти из тени и показать, чего он стоит.

Представив себе мучительный путь по трясине, Канте попытался было заартачиться. Он тщетно искал слова, чтобы возразить против своего участия в этом предприятии. Но как можно было отказать королю, отказать родному отцу?

Похоже, Микейн радовался предстоящему походу не больше своего брата. Нагнувшись к королю, он что-то шепнул ему на ухо, однако тот его строго отчитал. Микейну оставалось только бросить полный отвращения взгляд на военачальника.

У Канте в груди вскипел гнев. Неужели Микейн настолько влюблен в себя, что не в силах допустить, чтобы его брат засиял чуточку ярче?

Фрелль расправил плечи.

– Военачальник, если позволите, я хотел бы сопровождать принца Канте. Поскольку ему предстоит провести в походе целую луну, я смогу продолжать занятия с ним, используя уроки, которые преподадут нам болота и Обитель. И, быть может, мои познания о крылатых жителях топей окажутся полезными для выделения их яда.

– Как ты считаешь лучшим, – небрежно махнул рукой король.

Поклонившись, алхимик присоединился к Канте и бросил на него встревоженный взгляд. Вспомнив черное послание на столе у своего наставника, принц почувствовал, как петля у него на шее затягивается еще туже. Однако сейчас было не время обсуждать свои опасения, особенно поскольку все взгляды были устремлены на смуглого сына короля.

– Ко... когда мы трогаемся в путь? – выдавил Канте.

– Ваш корабль отплывает через два коротких дня, – ответил отец. – Так что тебе лучше приступить к сборам.

Принц кивнул. Он понимал, чем вызвана спешка. Король хотел удалить из города своего младшего сына – вечного раздражителя в семье – до предстоящего бракосочетания Микейна с леди Миэллой.

«Пусть будет так».

Когда все было решено, король с громким скрежетом отодвинул свое кресло и встал.

Микейн поспешно последовал его примеру, как и все остальные. Поднявшись на ноги, Хаддан посмотрел на Канте. Его лицо было суровым и холодным. Положив руку на рукоятку кинжала в ножнах, полководец смерил взглядом младшего королевского сына. Судя по тому, как он отвернулся, нахмурившись, увиденное ему не понравилось.

«Не могу не согласиться с тобой, – подумал Канте. – Но может быть, это изменится».

Он уже знал, какой первый шаг к достижению этой цели нужно совершить.

* * *

Не обращая внимания на недоуменные взгляды, Канте поднимался по винтовой каменной лестнице, ведущей в казармы Легионария.

Принц еще никогда не бывал здесь. Он ожидал услышать лязг стали, хриплые громкие голоса закаленных ветеранов, грубые шутки товарищей по оружию. Вместо этого в учебных залах Королевского Легиона царила полная тишина, какую можно встретить в классах Тайнохолма. Единственными звуками были лай и вой, доносящиеся из псарни на первом этаже, где содержались боевые собаки легиона, обучавшиеся вместе с молодыми новобранцами.

Канте поднимался наверх, привлекая к себе взгляды всех тех, кого встречал на своем пути. Хотя он и не был в своем придворном облачении, все знали в лицо Вдрызга, принца-пропойцу Вышнего. Его провожали шепот и смешки, но он не оборачивался.

Поднявшись на восьмой уровень казарм, Канте отыскал нужную дверь и постучал.

Ему ответило приглушенное ругательство, сопровождаемое звуками шагов. Дверь распахнулась.

– Чего тебе надобно...

Слова застыли у Микейна в глотке, когда он узнал стоящего на пороге гостя. Назревающая на его лице буря тотчас же улеглась, сменившись настороженным прищуренным взглядом.

– Канте, что ты здесь делаешь? Ты заблудился, возвращаясь к себе в Тайнохолм?

Не обращая внимания на насмешку, Канте отстранил брата и переступил порог. Оказавшись в комнате Микейна, он с удивлением обнаружил, что жилище светловолосого королевского сына еще теснее покоев самого Канте в Тайнохолме. Незаправленная кровать, маленький изрезанный стол да большой шкаф, открытый, в котором виднелся серебристый блеск доспехов. Микейн снял парадный камзол и остался в длинной рубаше, открывавшей босые ноги. Сейчас он казался моложе и мало походил на грозного рыцаря.

Канте протянул брату маленькую шкатулку из черного дерева.

– Подарок. Тебе на свадьбу. Поскольку я не смогу присутствовать на бракосочетании.

– Ты мог бы отправить посыльного, – нахмурился Микейн.

– Я хотел вручить лично.

Вздохнув, Микейн взял шкатулку. Откинув защелку, он открыл крышку и долго смотрел на содержимое. Когда Микейн наконец поднял голову, легкая улыбка почтила своим присутствием его красивое лицо, удивленное и обрадованное.

– Ты ее сохранил, – пробормотал он.

– Как можно было иначе? – пожал плечами Канте.

Микейн достал из шкатулки маленькую статуэтку. Грубая керамическая поделка из обожженной глины изображала двух мальчиков, которые стояли лицом друг к другу, взявшись за руки. Один был выкрашен в белый цвет, другой – в темно-серый.

– Ты слепил ее для меня, – кивнул на фигурку Канте, – когда я валялся в постели с приступом огненной сыпи и ко мне в комнату никого не пускали.

– Я помню... – Голос Микейна чуть дрогнул. – Я хотел быть рядом с тобой, хотя мне это запрещали. – Он отвел взгляд. – Почему сейчас ты мне ее возвращаешь?

– По той же самой причине, по которой ты давным-давно подарил ее мне. Через два дня я отбываю в путь. Ты скоро женишься. Я хотел, чтобы ты знал, что хоть наши пути в жизни и разошлись... – Канте указал на руки крошечных фигурок, спеченные вместе жаром печи, – душой я всегда буду вместе с тобой.

Однако была и другая причина, зачем Канте тайком вернулся в свои бывшие покои в Вышний и забрал шкатулку, спрятанную под половицами. Он хотел напомнить Микейну о том, каким тот когда-то был – добрым мальчиком, заботящимся о своем больном младшем брате. Хотя на протяжении последних восьми лет они росли порознь, быть может, сейчас появился шанс повернуть это вспять, снова найти дорогу друг к другу.

Микейн осторожно положил керамическую фигурку в шкатулку, вернув обоих принцев в их крошечный чуланчик. Поставив шкатулку на стол, он накрыл ее ладонью.

– Спасибо, брат!

– Помни! – сказал Канте. – Насколько это только в моих силах, я всегда буду с тобой. Клянусь!

– Ловлю тебя на слове. – Микейн оглянулся по сторонам, и у него на лице появилась мальчишеская улыбка. – Конечно, если ты не сгинеешь в этих болотах. Я пробовал отговорить отца отправлять тебя туда, однако он для себя уже все решил. Ты же знаешь, каким он бывает непреклонным.

«Слишком хорошо».

И все же Канте стало не по себе. Он вспомнил, как Микейн что-то шепнул королю на ухо за столом для совещаний, но тот от него отмахнулся. Тогда Канте подумал, что этот обмен мнениями был вызван ревностью, а не беспокойством за судьбу брата.

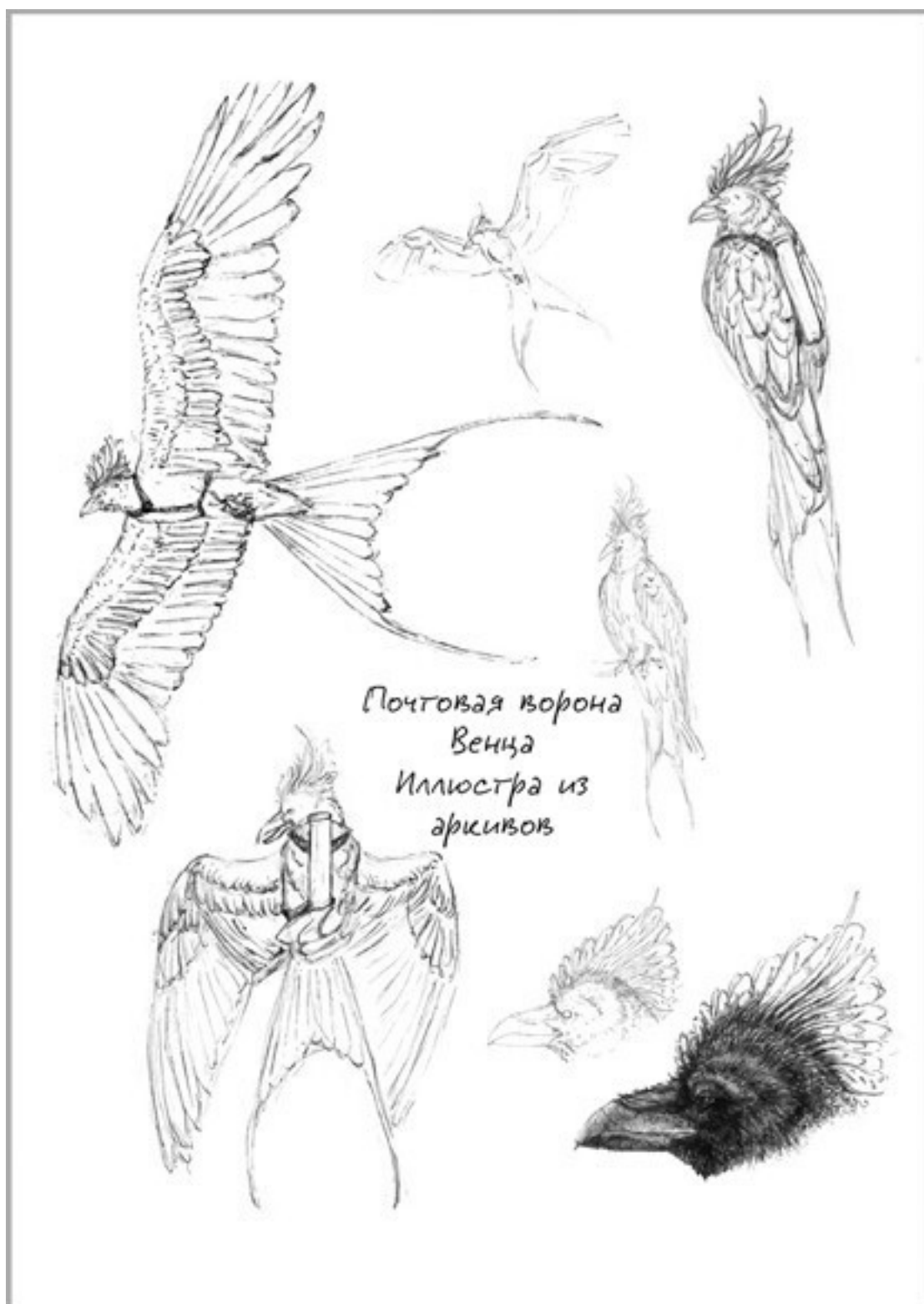
Шагнув к своему брату-близнецу, он обнял его. Микейн на какое-то мгновение напрягся, но затем расслабился и тоже стиснул брата в крепких объятиях. Оба словно вернулись на многие годы назад.

– Я попробую еще раз, – сказал Микейн, – убедить короля в том, что тебе лучше остаться здесь.

Канте разжал объятия. Братья остались стоять, взяв друг друга за руки, словно ожившая хрупкая керамическая статуэтка.

– Нет, милый брат, – сказал Канте, – пришло время младшему принцу выбраться из чулана.

«Раз и навсегда».

Часть пятая

Весть о гибели

*Те, кто поднимается на вершину,
Рискует разбиться, низвергнувшись вниз.
Те, кто в страхе разворачивается и бежит,
Никогда не узнают, что ждет
За дальним горизонтом.*

*Слова, высеченные на девятой ступени девятой террасы каждой
школы по всему Венецу; традиция требует, чтобы к ним прикасался
устаами каждый Восходящий.*

Глава 14

Никс смотрела в зеркало на открывающееся ее взору чудо.

– Тебе очень идет, – сказал Джейс. – Как будто сшита специально для тебя.

Смущенно улыбнувшись, девушка провела ладонью по парадной мантии. Одна ее сторона была белоснежная, настолько отбеленная, что в ярком солнечном свете резала глаз. Другая же сторона была черная как уголь, такая темная, что, казалось, при каждом движении втягивала в себя тени. Никс даже не мечтала о том, что когда-нибудь наденет такой роскошный наряд – мантию Восхождения.

Через три дня она вместе с тремя соискателями-девятилеткаами взойдет по лестнице на вершину. Их восхождение начнется с самой первой террасы с первым рассветным колоколом и закончится с последним ударом Вечери. Весь путь они преодолеют на четвереньках, размышляя о том, с чего начали и куда направляются. Лишь поцеловав девятую ступень, ведущую к вершине, соискатели поднимутся на ноги и займут свое место на верхней террасе Обители.

На протяжении семи лет Никс наблюдала за этой процессией со стороны, завидуя тем, кто полз к небу, и в то же время гордясь ими.

«И скоро я присоединюсь к ним!»

– Не могу поверить!.. – пробормотала девушка, обращаясь к своему отражению в зеркале.

– А я никогда не сомневался! – широко улыбнулся Джейс.

Никс улыбнулась его отражению, однако ее радость была омрачена чувством вины. Джейс завалил пятый уровень. Он никогда не наденет эту мантию. Однако за последние дни парень ни разу не выказал ни зависти, ни злобы. Даже сейчас девушка читала лучшую радость в его ясных круглых глазах, в его искренней улыбке. Также Джейс нисколько не переживал по поводу своего разбитого носа. А ведь нос должен был до сих пор болеть после той взбучки, которую парень получил из-за Никс.

Мысль о кровавой драме загасила восторженное возбуждение девушки, напомнив ей о том, что у нее есть враги.

Летние каникулы заканчивались через три дня, и многие ученики, уезжавшие домой или переживавшие самое жаркое время года в более гостеприимных местах, уже вернулись в школу. Лестницы, ведущие с одной террасы на другую, становились все более оживленными. С каждым днем нарастали царящие в школе шум и суeta.

Все это время Никс с опаской наблюдала за своими бывшими одноклассниками, в особенности теми из них, кто травил ее в тот роковой день. В первую очередь ее беспокоила одна

из них. Пока что Кайнджел, сестры погибшего Бэрда, не было видно. Никс непроизвольно взглянула на свои руки, ожидая увидеть на них кровь.

Должно быть, от Джейса не укрылось то, что у Никс испортилось настроение. Он смущенно потер свои перепачканные чернилами руки. Парень пришел прямиком из скриптория присутствовать при последней примерке. На нем по-прежнему был кожаный фартук, в котором он сегодня утром дубил свежие шкуры.

– Теперь, когда мы убедились в том, что твоя мантия подшита надлежащим образом, лучше до торжественной церемонии убрать ее в сундук, – сказал Джейс. – Я выйду из комнаты. Когда ты закончишь, нам нужно будет приступить к последнему тому истории Халендии и обзору геометрических теорем, с которыми у тебя возникли трудности.

– Конечно, – ответила Никс, однако это получилось у нее как стон. Она тепло улыбнулась. – Я мигом!

Встретившись с ней взглядом, Джейс тотчас же отвернулся. Щеки у него стали такими же огненными, как выбивающиеся из-под кожаной шапочки рыжие волосы. Он поспешно вышел из комнаты. Оставшись одна, Никс снова посмотрела в зеркало. Девушка пожевала губу, не желая снимать мантию. Она так усердно трудилась, чтобы ее заслужить. Ей казалось, что, если она разденется, мантия исчезнет, словно призрачная мечта.

Никс потрогала дорогую ткань, плотную и толстую.

– Мантия моя, – прошептала она, глядя в лицо своему отражению. – Я ее заслужила!

Девушка постаралась прочувствовать эти слова сердцем, как делала каждый день. И снова у нее ничего не получилось. Никс понимала: она надела эту мантию исключительно потому, что настоятельница Гайл убедила остальных в том, что ее чудесное спасение – это ниспосланная Матерью благодать, отметившая девушку как достойную Восхождения.

К сожалению, Никс не могла убедить в этом себя саму.

«Особенно если учесть, как сильно я отстала в учебе».

Она оглянулась на дверь.

Последние две недели Джейс почти постоянно занимался с нею здесь, в комнатах, примыкающих к лечебнице на четвертой террасе. Эти помещения, которые раньше занимал один физик, отправившийся в джунгли Саванов в поисках новых лечебных трав, выделила ей настоятельница. Больше Никс некуда было идти. Она уже не была семилеткой, а поскольку следующий класс она пропустила, комнаты на восьмой террасе у нее не было. А девятая терраса была для нее закрыта до официальной церемонии.

Можно было бы вернуться домой к приемному отцу и братьям, однако настоятельница хотела, чтобы девушка оставалась рядом с физиком Ойриком на тот случай, если состояние ее здоровья ухудшится. К тому же Никс предстояло усиленно заниматься, чтобы заполнить пробелы в своих знаниях, образовавшиеся вследствие того, что она пропустила восьмой класс, и наилучшим образом подготовиться к обучению на девятом уровне.

Гайл выдала Никс и Джейсу длинный перечень заданий, покрывающих основные темы, которые разбирались на восьмом уровне. Также настоятельница выделила несколько послушников и учеников алхимиков, чтобы они помогали девушке в этой работе. И тем не менее основная нагрузка легла на широкие плечи Джейса.

До этого момента Никс гордилась своими достижениями, убежденная в том, что справится с любым заковыристым вопросом, если у нее будет достаточно времени. Однако теперь от этой уверенности не осталось и следа. Девушка снова чувствовала себя первогодкой, растерянной, сбитой с толку. Тогда Джейсу даже приходилось ей читать. В прошлом он всегда был ее глазами. Теперь, когда к ней вернулось зрение, Никс должна была учиться читать сама, и это по-прежнему получалось у нее неважно.

Трудностей было слишком много.

Девушка закрыла глаза ладонями, стараясь обрести успокоение в темноте.

«У меня получится».

Единственной ее надеждой осуществить это был Джейс. Даже после ее Восхождения он будет продолжать ей помогать. Настоятельница согласилась с тем, что Никс потребует его поддержка – как помощника в учебе, так и просто как друга. Остальные девятилетки поднимались от одного уровня к другому вместе, дружным классом. Никс же предстояло присоединиться к ним чужаком, посторонней, и они, вполне вероятно, будут считать ее недостойной быть с ними.

Вздохнув, девушка опустила руки. Как ни хотелось вернуться в привычный уют затуманенного взора, нужно было учиться жить в новом мире.

Открыв глаза, Никс всмотрелась в свое отражение в зеркале. Собственное лицо по-прежнему казалось ей незнакомым. Это было то самое лицо, которое она представляла себе в своих мыслях, и в то же время другое. Пока ее зрение оставалось затуманенным, девушка полагала, что вполне хорошо знает свою внешность – по тому, что могла прочесть своими пальцами, и тому, как описывали ее окружающие. Однако теперь вернувшееся зрение добавило подробности, о которых она даже не подозревала.

Никс провела рукой по волосам, таким темным, что их можно было ошибочно принять за черные, однако в их тенях скрывались золотистые пряди, словно где-то внутри пряталось солнце. Лицо светилось сочным оттенком полированного янтаря, губы были ярко-алые, в голубых глазах сверкали серебряные искорки.

Во многих отношениях из зеркала на нее смотрела незнакомка, но возможно, в этом заключалась надежда. Быть может, ей удастся оставить в прошлом себя такую, какой она была прежде, робкую девочку, окутанную туманом. И стать девушкой в отражении, решительной, уверенной в себе.

«У меня получится», – попробовала еще раз Никс.

И почти поверила в это.

Почти.

Она укрепилась в намерении удвоить свои усилия в учебе. По крайней мере, упорная работа задвигала все глубже и глубже гнездящиеся в ней страхи. Падая вечером в кровать, без сил, отупевшая от учебы, девушка тотчас же засыпала и крепко спала до самого утра. Никакие крики и картины жутких ритуалов под набухающей луной больше не терзали ее сны. Никс отказывалась даже произносить вслух слова «павшая луна». Разумеется, ничего этого настоятельница она не говорила, особенно если учесть, что странная летучая мышь больше не появлялась под балками перекрытий у нее в комнате. Ну как можно было объяснить свои воспаленные воспоминания о сладковатом вкусе молока на губах, о терпком тепле густой шерсти и крыльев, о горящих красных глазах, смотрящих на нее от другого соска?

Девушке хотелось отбросить все это как кошмарный сон, порожденный лихорадкой отравления, и снова погрузиться в темноту. Но она сосредоточивала все свои усилия и энергию на непосредственных задачах, стоящих перед ней.

Напоследок Никс еще раз провела ладонью по мантии. Контраст черного и белого отражал выбор, который ей предстояло сделать через год. Окончив девятый уровень, она должна будет определить свой дальнейший путь. Выбрать *черный цвет* алхимии или *белый* религиозных занятий. И, сделав этот выбор, можно будет надеяться когда-нибудь достигнуть степени Высшего Прозрения на том или ином поприще.

«А может быть, на обоих».

Девушка представила себе, как две половины ее мантии объединяются в серый цвет святых Исповедников, – и покачала головой, дивясь таким глупым мыслям.

«Давай хотя бы просто окончим девятый уровень».

Памятуя о том, что в соседней комнате ее со стопкой книг ждет Джейс, Никс решительно стащила мантию через голову. Оставшись в одной нательной рубахе, она аккуратно сложила

парадное облачение и вернула его в ларец из сандалового дерева. Опустив крышку, девушка закрыла защелку, оставляя на хранение все свои надежды.

Она положила руку на крышку.

«У меня получится!»

* * *

Катая грифель между большим и указательным пальцами, черными как уголь, Никс билась над решением последней задачи, отведенной на утро. Она еще раз посмотрела на треугольник, нарисованный Джейсом, с подписанными у двух сторон числами. Ей было предложено найти длину третьей стороны треугольника и вычислить его площадь.

– Вспомни правило квадратуры треугольника, – подсказал Джейс.

– Прекрасно помню, но какой мне от него прок, черт возьми? – обреченно выдохнула Никс.

Подойдя к ней, Джейс взял ее за руку, привлекая ее внимание к себе. Его зеленые глаза сверкнули сочувствием.

– Нередко знания сами по себе являются наградой, но гораздо чаще они открывают внутреннюю сущность окружающего мира. Знания поднимают светильник и прогоняют прочь тени, открывая нам скрывающуюся в них красоту.

Никс отвела взгляд, уловив в словах Джейса нечто личное. Она отметила тепло его руки, то, как он не хотел отпускать ее кисть. Высвободив руку, девушка снова обратилась к геометрической задаче, решить которую было значительно проще, чем то, что выросло между ними.

Джейс выпрямился.

– Что касается квадратуры треугольника, эта магия заключена во многом из окружающего нас. Ею пользуются зодчие, определяя наклон крыши и расположение стен. Моряки прибегают к ее силе, определяя свой курс в открытом море. Картографы делают то же самое, изображая береговые линии и границы между странами.

Вдохновленная его разъяснениями, Никс с удвоенной энергией взялась за решение задачи. Записывая грифелем числа, она быстро довела вычисления до конца. Закончив, девушка повернулась к Джейсу, и тот гордо улыбнулся, однако глаза его тронулись легкой грустью.

– Очень хорошо, – сказал парень. – Скоро ты оставишь меня далеко позади.

Теперь настал черед Никс взять его за руку.

– Никогда! – заверила его она. – Я не переживу девятый уровень, если рядом со мной не будет тебя!

– Я запорол пятый уровень, – напомнил ей Джейс, и его улыбка погасла. – Полагаю, девушка, выжившая после ядовитого укуса миррской летучей мыши, справится с любыми трудностями.

Девушке хотелось верить ему, однако напоминание о нападении, о последовавших за ним кошмарах еще больше опечалило ее. И все же она попыталась обнадежить своего друга.

– Джейс, то, что ты споткнулся на пятом уровне, это досадное недоразумение. У тебя есть задатки. Настоятельница Гайл признала это, оставив тебя здесь, в Обители, работать в скриптории и помогать мне. Готова поспорить, ты знаешь гораздо больше, чем большинство тех, кто вместе со мной поползет на четвереньках на верхнюю террасу школы.

Улыбка вернулась на лицо Джейса.

– Это очень мило с твоей стороны говорить такие вещи. Однако в последнее время мне приходится прилагать все силы, чтобы не отставать от тебя. Я это понимаю. Но я готов признать, что действительно многое выучил самостоятельно, не только занимаясь рядом с тобой, но также переписывая в скриптории выцветшие древние рукописи, сохраняя их для будущего,

пока чернила не полностью исчезли. Некоторые из этих трудов являются прямо-таки святотатством. Другие настолько откровенны, что самый отпетый прелюбодей зальется краской стыда. Определенно это обучение сильно отличалось от обычного подъема по террасам школы.

– И оно не менее важное. – Никс потрепала друга по колену. – Вот как ты поможешь мне преодолеть девятый уровень.

– Но что дальше? – спросил Джейс, и голос его смягчился. – Куда ты отправишься потом?

Девушка услышала в его словах не высказанный вслух вопрос: «Что станет с нами?»

– Не знаю, – призналась она, отвечая сразу на все вопросы. – Я не осмеливалась заглядывать дальше того, что у меня перед носом. Мне бы не хотелось расставаться с отцом и братьями, так что, может быть, настоятельница позволит мне продолжить обучение здесь, в Обители.

Джейс распрямил плечи, его взгляд зажегся надеждой.

– Мне бы хотелось...

Его прервал резкий звук рожка. Они оба повернулись к окну. В воздухе висела туманная морось – все, что осталось от грозы, бушевавшей над топиями на протяжении нескольких дней. В следующее мгновение над школой снова разнесся громкий сигнал рожка.

– Что это? – спросила Никс.

Джейс рывком поднялся на ноги.

– Давай прервемся и выясним это.

Никс с радостью встала. Джейс протянул ей трость, но она махнула рукой. Ей нужно было учиться ходить самостоятельно, привыкая к необычным измерениям и образам нового, видимого, мира. Впрочем, если поток впечатлений окажется слишком сильным, у нее есть Джейс.

Покинув крошечную комнату Никс, молодые люди направились через покои физика, собирая по пути других любопытных. Выйдя наружу, они направились к главной лестнице террасы. Новые сигналы рожка, теперь отчетливо слышные, влекли их вперед.

Никс отерла вспотевший лоб. Под низкими тучами, готовыми вот-вот снова пролиться дождем, скопился удушливый зной. Вот уже несколько дней невыносимая жара давила на психику и замедляла шаг. Однако не обращать внимания на настойчивый призыв рожка было невозможно. Любопытство заставило всех выбраться из своих нор.

– Сюда! – указал Джейс.

Он провел свою спутницу через плотную толпу зевак к террасе у самых ступеней. Оттуда открывался панорамный вид на раскинувшийся внизу Брайк. Эта картина необъятного окружающего мира вселила в Никс ужас. В прошлом затуманенный взор сжимал все вокруг нее в тесный комок. Теперь же мир бесконечно простирался во все стороны.

Новый сигнал рожка привлек внимание девушки к болотам.

– Смотри!

В погруженной в полумрак долине мерцали яркие огни факелов. Десятки, сотни, и все они приближались к каменному острову в этих затопленных землях. Доносился отдаленный ритм барабанов, а также мычание буйволов. Теперь уже были слышны резкие щелчки бичей, похожие на треск сухих поленьев в очаге.

– Такое ощущение, будто к нам пожаловали захватчики, – пробормотал Джейс.

Никс оглянулась на него. Ей очень хорошо были знакомы напряженные отношения Халендии с Южным Клашем.

Парень покачал головой, успокаивая ее.

– Сегодня утром в скриптории я случайно услышал про то, что в Мирру отправилась большая охотничья партия. На какое-то время гроза задержала ее в Фискуре. И все же я никак не мог предположить, что их будет так много.

Первые огни факелов достигли края болота. В воздух поднялись алые стяги, однако поскольку ветра, который расправил бы их, не было, знаменосцам пришлось размахивать ими. Хотя расстояние было большим, Никс узнала черную корону на золотом солнце.

– Королевский герб, – заметил вслух Джейс.

Несмотря на жару, Никс почувствовала холодную дрожь.

«Что происходит?»

Ее внимание привлекло оживление на соседней лестнице. Долговязая фигура взбежала вверх, перепрыгивая через две ступени. По походке и телосложению Никс узнала бывшего одноклассника-семилетку. Лицо парня горело возбуждением, едва сдерживаемой радостью. Девушка также знала, что это известный трепач, всегда знающий самые последние сплетни.

– Лэкуиддл! – окликнула его она.

Долговязый юнец с мокрыми волосами едва не споткнулся, попытавшись резко остановиться. Обернувшись, он увидел Никс и скорчил гримасу отвращения. По выражению его лица девушка поняла, что думают о ней бывшие одноклассники.

– Что там происходит? – спросила Никс.

Сделав непристойный жест, Лэкуиддл приготовился продолжить бег наверх.

Однако Джейс протянул руку, схватил его за шиворот, подтащил к себе и удержал на месте.

– Отвечай!

Пожалуй, мокрый Лэкуиддл смог бы вырваться, но, очевидно, он больше был не в силах сдерживать то, что его переполняло.

– Это королевский легион, точно вам говорю! Целая толпа. Среди них есть даже краснолицые вирлианцы! Можете в это поверить?

Холод, охвативший Никс, проник глубже, до самых костей.

Однако Лэкуиддл еще не закончил.

– И кто с ними идет? Кайнджел со своим отцом, верховным градоначальником Фискура! Я бы отдал одно из своих волосатых яиц, чтобы быть вместе с ними!

Никс и Джейс встревоженно переглянулись. У девушки заколотилось сердце. Она снова почувствовала на себе всю тяжесть обезглавленного тела Бэрда, поток горячей крови.

Наконец отпустив Лэкуиддла, Джейс повернулся к ней.

Хоть и освобожденный, Лэкуиддл медлил уходить. Выпучив глаза, он выпалил последнюю новость.

– И, что лучше всего, я слышал, им удалось поймать одну крылатую тварь!

Никс напряглась, представив себе силуэт, прячущийся под балками перекрытий.

– Что?

– Большую, – продолжал Лэкуиддл, широко разводя руки. – Ее пронзили десятком стрел и посадили в клетку. Я так слышал, ее собираются затащить сюда, наверх. Поджарить живьем на костре. Подобающее отмщение за беднягу Бэрда!

Чтобы скрыть свои чувства, Никс отвернулась к двум кострам, ярко пылающим за пеленой дождя. Рот снова наполнился сладковатым вкусом молока. Она опять ощутила тепло крыльев, защищающих ее. У нее в голове прозвучал жалобный стон, полный скорби.

– Жду не дожусь, когда это чудовище будет с криками трепыхаться в огне, – бросил напоследок Лэкуиддл и поспешил прочь, горя нетерпением разнести свою новость.

Никс продолжала смотреть вверх. Она уже мысленно погрузилась в окутанный дымом мир боевых криков и военных машин. Снова оказавшись на вершине холма, она устремилась к огромному крылатому созданию, прибитому гвоздями к каменному алтарю, движимая одним-единственным желанием.

Освободить пленника.

Внезапно Никс резко вернулась в свою собственную плоть. Она стояла под морсящим дождем. Скорбные завывания продолжали звучать – как в прошлом, так и в будущем, но они превратились в гул растревоженного улья у нее в голове, разливающийся по всему телу, укрепляющий ее решимость.

Девушка повернулась к приближающемуся легиону.

У нее не было никакого плана – только цель.

«Я должна их остановить!»

Глава 15

Канте уныло стоял под дождем.

Ему следовало бы укрыться в парадной волокуше, откуда верховный градоначальник Фискура и его дочь разгружали горы сундуков и коробок с ее вещами. У двух буйволов, впряженных в волокушу, вид был не лучше, чем у принца: с мокрой шкуры капала вода, животные громко пыхтели и топали по грязи трехпалыми копытами.

Канте не видел никаких причин находиться здесь. Штаны у него уже промокли насквозь. В сапогах хлюпали дождевая вода и болотная жижа. Мокрые волосы прилипли к голове. Кажется, минула уже целая вечность с тех пор, как он в последний раз был сухим, хотя с тех пор прошло не более десяти дней. Впрочем, принц не был уверен в своих подсчетах. Большой отряд покинул Азантию во время некоторого затишья в грозовом фронте. И все-таки сильный ветер поднимал на море барашки белой пены. Желудок Канте еще не полностью оправился после путешествия через бухту.

Когда охотники наконец высадились в Фискуре, ветер снова усилился до шквального. Почерневшие небеса разрывались изломанными линиями молний. От оглушительного грома содрогались сваи, на которых стояли городские постройки. Отряд застрял в Фискуре на четыре долгих дня, на протяжении которых приходилось довольствоваться соленой сушеной рыбой и солоноватым пивом.

Первоначально Канте радовался тому, что они покинули Фискур, как только черное небо стало серым и гроза ушла дальше на восток. Но затем последовали дни в чавкающей трясине, среди мычащих буйволов, в окружении плотных туч кровососущей мошкары и свирепых оводов, откладывающих под кожу личинки. И все это время, тащились ли охотники пешком, передвигались ли на волокушах, или плыли на плотях, болото всеми силами старалось их поглотить. Колючие лианы цеплялись за одежду и срывали с головы шапки. Но все же это было лучше клыкастых пастей бесчисленных гадюк и гремучих змей, которые свисали с замшелых ветвей или бесшумно скользили в воде.

С каждой преодоленной с таким трудом лигой Канте все яростнее проклинал своего отца. Теперь он жалел о том, что не дал Микейну вступить за него и отговорить короля посылать своего младшего сына в этот опасный поход.

Единственное преимущество охотников заключалась в их числе. Появление сотни рыцарей и двух десятков вирлианских гвардейцев отпугивало большинство обитателей топей. Да и бог бури Тайтн, возможно, прося прощения за свой крутой нрав, изредка ниспосылал им щедрый дар прицельным ударом молнии.

Канте перевел взгляд с крытой волокуши на плот, который подводили шестью к каменистому берегу. На нем стояла большая клетка. Два находившихся рядом буйвола угрюмо замычали, пытаясь от приближающегося плота и таща за собой волокушу. Вознице пришлось пройтись кнутом по спинам животных, удерживая их на месте. И тем не менее встревоженные буйволы дрожали.

Несмотря на предостережение с их стороны, Канте направился к берегу. Было так приятно снова ощутить под ногами твердую почву. К тому же принцу не хотелось, чтобы его впрягли в установку шатров или сбор дров для костра. В болотах его королевская кровь нисколько не ценилась. Трудно было сохранить подобающее принцу достоинство, со стоном испражняясь под чахлым кустом.

Также Канте влекло к плоту с клеткой любопытство. Ему удалось лишь мельком увидеть здоровенную миррскую летучую мышь, когда ее, опутанную веревками и цепями, вытаскивали из трясины. Это событие было отмечено радостными криками и стуком мечей по щитам, словно была одержана крупная победа. Хотя, судя по рассказам у костра, чудовище не очень-то

сопротивлялось. Случайный удар молнии поразил водную ниссу, под кроной которой животное, к несчастью для себя, решило переждать грозу. Группа из шести вирлианцев наткнулась на оглушенную и обессиленную летучую мышь, у которой к тому же было прожжено насквозь одно крыло. И тем не менее храбрецы засыпали ее стрелами, прежде чем накинуть сеть.

Принц с сожалением наблюдал за тем, как летучую мышь заталкивали в клетку. Плененное существо размерами было не больше пони. Истекая кровью от ран, страдая от болезненных ожогов, летучая мышь тем не менее отчаянно отбивалась от охотников, жаждая вырваться на свободу.

И Канте прекрасно понимал это стремление. Возможно, именно это влекло его сейчас к плоту с клеткой. Смесь жалости и чувства вины. К сожалению, не он один решил сейчас подойти к плененной добыче.

– Давай-ка посмотрим на нее, – сказал Анскар, ловко запрыгивая на плот. – Пока ее не зажарили.

Анскар ви Донн возглавлял отряд вирлианских гвардейцев. Макушка Канте едва доставала ему до груди. При этом рыцарь обладал мускулатурой буйвола. Он вытатуировал алым не только лицо и бритую наголо голову, как было принято, но и руки и ноги, покрыв их татуировкой из черных колючих лиан. Насколько слышал Канте, Анскар добавлял к татуировке новый шип после каждого убитого врага.

Возможно, именно поэтому король втайне приставил к принцу рыцаря в качестве телохранителя, хотя вслух об этом не говорилось. Тем не менее Анскар на протяжении всего путешествия тенью следовал за Канте, почти не спуская с него глаз, даже когда тот вытирал свою задницу. Несмотря на это, принц проникся уважением к суровому, но дружелюбному воину. К настоящему времени Анскар уже был ему не столько телохранителем, сколько строгим старшим братом.

Забравшись на плот, Канте присоединился к рыцарю.

Анскар приподнял кожаный полог, которым была накрыта клетка. Наклонившись, Канте заглянул внутрь.

– Не подходи слишком близко! – предупредил его Анскар.

– Не тревожься, у меня нет ни малейшего желания расставаться со своим носом.

Держась от клетки на расстоянии двух шагов, Канте всмотрелся в полумрак. Ему потребовалось одно мгновение, чтобы разглядеть внутри темный силуэт, совершенно неподвижный. «Может быть, летучая мышь уже умерла от полученных ран». Если учесть то, какая судьба была ей уготовлена, это можно было считать милостью.

Принц бросил взгляд на вершину школы. Обитель напоминала своим обликом Тайнохолм, но только была на четверть меньше. На вершине горели два костра. Алхимик Фрелль, покинув своего ученика, уже поднимался наверх. Он хотел встретиться с главой школы, настоятельницей, у которой когда-то учился сам. Канте хотел присоединиться к своему наставнику, однако Фрелль, попросив принца проявить терпение, оставил его на каменистом берегу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.